

A black and white photograph of a man from the chest up, wearing a dark suit, white shirt, and dark tie. He is adjusting his tie with both hands. The background is dark and textured.

Советник

серия "приобретение"

A black and white photograph of a classical building with a portico supported by several columns. The building is surrounded by trees and foliage.

Селия Аарон

[VK.COM/FASHIONABLE_LIBRARY](https://vk.com/fashionable_library)

Оригинальное название: *Celia Aaron «Counsellor» (Acquisition #1), 2015*

Селия Аарон «Советник» (Приобретение #1), 2017

Переводчик: *Иришка Дмитренко*

Редактор: *Елена Теплоухова*

Обложка: *Врединка Тм*

ГЛАВА 1

СИНКЛЕР

В сердце каждого человека живет тьма. Первобытная. Инстинктивная.

У самых истоков ее — жаждающая природа — природа, которая может возжелать, потребовать и взять. Большинство людей ломают ее за стенами самоконтроля. Они тратят свое время и пытаются разделить ее. Эти люди — хорошие люди — контролируют тьму, пока она не поблекнет и не станет ничем иным, как тенью, преследующую их самые потайные мысли. Чем-то, что легко забыть, отпустить, стереть.

Я никогда не был хорошим человеком.

Моя тьма не обуздана и не похоронена. Она живет просто на поверхности. Единственное, что ее прячет — это маска.

Моя маска — это закон, правда и торжество правосудия. Она прямолинейна и открыта. Она — воплощение добродетели в падшем мире.

Маска, которую я ношу, скрывает под собой истинного хищника. Театр. Великолепие. Обманчивое и фатальное. Оно позволяет мне подобраться ближе и ближе, пока не настанет время напасть.

Я подкрадываюсь так близко, что моя жертва может почувствовать покалывание моего дыхания, холодность моего сердца, глубину моей порочности. Всего лишь шепот разделяет меня от того, что я желаю.

А затем маска спадает, и моя жертва видит мою тьму.

ГЛАВА 2

СТЕЛЛА

Окружной прокурор абсолютно непоколебимо восседал напротив нас за темным отполированным столом в зале суда. Мой отец сидел передо мной за похожим столом, но нервозность сочилась из каждой его поры. Он ерзал, проводил рукой по серебристым волосам и наклонялся прошептать что-то своему адвокату.

Я сжимала руки на коленях до такой степени, что кольцо на указательном пальце впивалось в плоть ладони. Это был последний шанс для моего отца получить свободу и последний день, когда у него была возможность бросить себя на растерзание суда. Мой взгляд проследовал обратно к окружному прокурору — тому, из-за которого арестовали

моего отца. Следователи тщательно изучили каждый цент, который отец инвестировал или брал займы. И словно по щелчку пальцев, мой мир превратился в кучку тлеющего пепла. Все благодаря одному человеку.

Синклер Вайнмонт сидел неподвижно, словно паук, отравивший свою паутину, ожидая малейшего движения от бестолкового мотылька. Мой отец и был мотыльком, а Вайнмонт собирался уничтожить его. Расследование и обвинение оказались искусно проделанной работой. Вайнмонт все крепче и крепче сплетал свой кокон, пока отец не был пойман со всех четырех сторон. Ему некуда было бежать, не было шансов и попытаться спрятаться от яда Вайнмонта. Папу разрушал немой монстр в идеальном костюме.

Я хотела сломаться. Но не могла. Я была нужна ему. Неважно, насколько длинным был список обвинений, и то, что перечень доказательств был еще больше; он был моим отцом. Он всегда им был для меня. Всегда защищал меня, стоял за меня и воодушевлял. Даже после того, что сделала моя мать. Даже после того, что сделала я.

Я не оставлю его. Он смотрел в лицо большому сроку тюремного заключения. Если даже случится самое худшее, я буду навещать его, звонить, писать и составлять ему компанию до того дня, пока он не выйдет. Я должна ему это и даже больше.

Я пристально пялилась на Вайнмонта и надеялась, что он воспламенится от чистого жара моей ярости. Я так долго хотела его смерти, что это желание стало второй моей натурой. Я ненавидела его, ненавидела каждое скользкое слово, слетающее с его уст, каждый его вдох. Крах Вайнмонта бесконечно повторялся у меня в голове. Пока я смотрела на его спину, он оставался спокойным, полностью расслабленным, несмотря на то, что мой отец распадался на куски от тревоги за столом напротив него.

Я заставила себя опустить взгляд, чтобы никто не увидел, как я смотрю на него с озлобленной яростью. Я не могла вынести страданий моего отца в данную минуту, особенно если причиной этому были мои действия. Мои бледные руки покоились на коленях — белый контраст с темной тканью юбки на мне в тонкую полоску. Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Если я распадусь на части, ничего хорошего из этого не выйдет. Не на пороге осуждения моего отца. Я медленно выпустила вдох и подняла голову.

Что-то было не так. Я дернула головой в сторону. Синклер Вайнмонт просто сидел прямо, но теперь его взгляд был направлен на меня. Его глаза впивались в меня, словно он видел больше, чем просто мою внешность. Я отказывалась отворачиваться и вместо этого уставилась на него в ответ взглядом, полным подлинной ярости. Мы были заперты в борьбе, хоть с уст не слетело ни слова, и никто не размахивал кулаками. Я не отвернусь. Не позволю ему победить больше, чем он уже победил. У меня был шанс более внимательно, чем когда-либо изучить его наружность. Он мог бы быть красивым — с черными волосами, синими глазами и массивной челюстью. Он был высоким, широкоплечим, стройным. Идеальный мужчина, если бы не лед, обволакивающий его сердце.

Интернет предоставил мне всю информацию о нем, которая была мне нужна. Не женат, владеет унаследованным состоянием, сделал карьеру в правительственной службе. Он был самым молодым окружным прокурором в истории округа. Единственное, чего я не знала о нем, это почему он смел так смотреть на меня, почему думал, что у него есть право пронзть меня таким взглядом после того, как он разрушил мою жизнь. Я хотела плюнуть ему в лицо, выцарапать глаза и заставить его мучиться так же, как он заставил страдать меня и моего отца.

Дверь в передней части зала суда открылась, и вошел судья — полный пожилой

мужчина в черной мантии. Вайнмонт наконец-то отвернулся от меня, побежденный на данный момент. Все в зале суда встали. Судья прошаркал ногами к своему месту за кафедрой с гербом штата, возвышаясь над слушателями и адвокатами.

— Садитесь, — несмотря на свой внушительный возраст, его голос прогремел над нами, эхом отбиваясь от пыльных подоконников и поднимаясь к балкону. — Советник Вайнмонт, — он умолк, копошась и разбирая бумаги на столе.

Мой отец сторбился в своем кресле и повернулся ко мне со слабой улыбкой. Я попыталась улыбнуться в ответ, чтобы успокоить его, но было слишком поздно. Он уже смотрел вперед, наблюдая за судьей. Я хотела, чтобы судья отпустил моего отца, чтобы отсрочил его заключение, чтобы сделал что угодно, только не забирал его у меня. У меня больше никого не было. Ни матери. Никого, кроме Дилана, но я отказывалась полагаться на него в чем-либо.

Вайнмонт встал и застегнул верхнюю пуговицу своего пиджака прежде, чем выйти из-за стола. Он был высоким, и, как и многие опасные вещи, безукоризненно красивым.

Судья, на носу которого были очки и который носил бороду, до сих пор шарил среди бумаг и документов, когда Вайнмонт начал говорить.

— Судья Монтанье, у меня есть несколько жертв, готовых свидетельствовать против мистера Руссо, — его глубокая южная медлительная манерность речи была оскорблением для моего слуха. И даже при этом слова с легкостью соскальзывали с его языка. Он мог бы очаровать и самого дьявола. Но, насколько мне было известно, Синклер Вайнмонт и *был* дьяволом.

Лучше бы я никогда не покидала Нью-Йорк, и никто из нас не приезжал в эту богом забытую заводь, где водились змеи. Вайнмонт выносил приговор моему отцу с легкомысленным безразличием каждый раз, как только у него был шанс. Никто не противоречил ему. Никто не противостоял его ядовитой лжи, кроме адвоката защиты с огромными руками, которого нанял мой отец. Так много людей, которых мы встречали в городе, были добрыми, откровенными душами — по крайней мере, я так думала. Их здесь не было. Они не сидели на стороне моего отца, чтобы поддержать его в знак протеста против обвинений Вайнмонта. Они не пришли свидетельствовать о том, что приговор моего отца должен был смягчен, или поддержать то, что к нему стоит проявить милосердие. Была только я и ряды пустых, холодных кресел. Мы были одни.

На стороне Вайнмонта в зале суда находилось два ряда полных людей, возможно, около двадцати человек, пожилые мужчины и женщины, которые предоставляли деньги моему отцу. Они обвиняли его в потере их вложений, когда все, что он сделал, — это инвестировал, как они и просили. Он не имел контроля над рынком или падением акций, или итоговой нестабильностью. Мой отец не был монстром, которого из него сделал Вайнмонт.

Одна из женщин, седая и со сморщенным лицом, встретила со мной взглядом и посмотрела с завистью. Я знала это, потому что она и прежде так делала — в последний раз, когда я видела ее на суде моего отца. Я посмотрела вверх и поняла, что она проклинала меня. С каждым движением руки она слала проклятья на мою голову. Я отвернулась в сторону, на настоящую причину позора и отчаяния моего отца. Синклера Вайнмонта.

Судья кивнул.

— Вызовите своего первого свидетеля, Советник.

Я застыла, когда один за другим, объявленные жертвы прошли мимо меня, кто прихрамывая, а кто катя свое инвалидное кресло, чтобы дать показания против моего отца.

Их слезы должны были тронуть меня, их басни о разбитом доверии и упущенной удаче должны были заставить мое сердце разбиться вдребезги. Все, что я чувствовала, была злость. Злость на них за то, что поставили моего отца в такое положение. Еще больше я злилась на Синклера Вайнмонта за то, что он стоял и похлопывал «жертв» по плечу или руке, или обнимал их, словно участвовал в предвыборной кампании. Время от времени — я могла поклясться — он искоса смотрел на меня с самодовольным удовлетворением на его строгом лице.

Время тянулось монотонно, пока я слушала историю за историей. С выступлением каждого свидетеля плечи отца поникали все ниже и ниже в кресле, будто он пытался растаять на пол. Я хотела коснуться его плеча рукой, сказать ему, что все можно исправить. Вместо этого я сидела, словно статуя, и слушала.

Обвинения жалили меня, словно рой шершней. После шестого или седьмого свидетеля я стала невосприимчивой к их яду. Невзирая на объем заявлений, я не сомневалась в отце. Ни на мгновение. Вайнмонт сделал все это, чтобы обеспечить себе перевыборы или по другой, такой же презренной причине.

Когда последняя свидетельница наконец-то развернула свои ходули и вернулась на место, тишина стала отдельным присутствующим в зале. Тяжелым, зловещим и высасывающим силу, будто фантом, охотящийся на пустоту. Отец сгорбился, наклонив голову.

— Что ж, судья, думаю, вы услышали достаточно, — Вайнмонт удерживал руки по бокам, показывая, что это конец.

— Верно. Мне понадобится вечер, чтобы принять решение о приговоре, — он окинул взглядом зал суда, останавливаясь на мне безразличным взглядом больше, чем на ком-либо другом. — Вердикт будет вынесен утром.

Вайнмонт повернулся к судье и едва заметно кивнул ему. Судья Монтанье ответил таким же кивком, а затем стукнул молотком.

— Объявляю заседание закрытым.

* * *

— Просто позволь мне помочь тебе почувствовать себя лучше, — Дилан склонился надо мной, подталкивая меня в сторону старинной кожаной кушетки в библиотеке моего отца.

— Я не стану делать это прямо сейчас, — я попыталась оттолкнуть его, но он навалился сильнее, превосходя в балансе, так что я упала на спину под ним.

Он припал ртом к моей шее, всасывая кожу. Благодаря бесконечным тренировкам по лакроссу и гребле, у него было массивное тело. Дилан лежал на мне, отчего мою грудь сдавливало.

— Пожалуйста, Дилан, — задыхалась я. Я должна была быть напугана. Но не была. Туман после заседания суда еще не развеялся. Дилан был всего лишь еще одной проблемой в списке разочарований, от которых я страдала последние полгода.

Он втиснул колено между моих ног.

— Для тебя я сделаю так, что все это уйдет, — промурлыкал он. — Просто позволь мне заставить тебя почувствовать себя хорошо на минуту. Тебе нужен перерыв.

Он сунул руку мне под юбку.

— Стелла? Ты где? — голос моего отца и звук моего имени заставили моего сводного

брата слезть с меня в мгновение ока.

Дилан схватил мою руку и дернул меня в сидячее положение, затем поправил свою застегнутую на все пуговицы рубашку и разгладил белые пряди. Он подмигнул мне. Подонок.

Когда отец не появился в двери, я поняла, что этот зов означал «иди сюда».

— Мне нужно идти.

— Позже, — прошептал Дилан.

Нет, если я смогу что-то сделать. Дилан принял одну ошибку, совершенную по молодости несколько лет назад, за пламя, горящее всю жизнь. Неважно, сколько раз я говорила ему, он все равно просто не верил, что двадцатипятилетняя я не была такой же глупой как когда-то девятнадцатилетняя.

Когда мы с отцом переехали в Луизиану, мы были подавлены. Мать ушла из этого мира, не сказав «прощай» и не предоставив ни малейшего объяснения. Мы с отцом плыли по течению, пытаясь встать на какой-нибудь путь, чтобы продолжать жить, даже если у нас вынули сердце и похоронили его в холодной земле на нью-йоркском кладбище.

В итоге отцу понравилась мать Дилана, и он попытался обрести с ней новое начало и семейное наследство. Ни одно из задуманного не сработало, и они развелись через полгода. Мы с Диланом были братом и сестрой, которые категорически не подходили друг другу, если так вообще можно сказать. Я рисовала и читала книги. Он любил спорт и обожал учебу во всех аспектах, если только не приходилось иметь дело с осями X и Y на классной доске.

И все равно, мне было грустно, и я отчаянно желала почувствовать что-то — что угодно — после смерти матери. Дилан был рядом с более чем простым желанием. Так что я сделала нечто глупое. Это был мой первый раз — и единственный раз — и я не скажу, что пожалела об этом после. Я просто не думала об этом. Для меня это не было великим событием. Хотя про Дилана такого не скажешь.

Я вытряхнула мысли о нем из головы, пока шла на голос отца из дальней части дома, направляясь в его кабинет.

Папа вложил свои последние деньги в этот дом в викторианском стиле начала XX века. Причудливый фасад очаровывал. Протекающая крыша и продуваемые насквозь окна? Не очень. Даже с этими минусами это было безопасное место, пока щупальца Вайнмонта не начали вторгаться сначала в виде первых визитов следователей, потом первого ареста, а затем и обысков. Вайнмонт показывал свое лицо на каждом шагу, появляясь среди пытки, причиной которой он стал.

В миллионный раз за день я надеялась, что Вайнмонт случайно воспламенится. Затем я вошла в кабинет отца.

Огонь потрескивал в камине, и в комнате стоял запах курительной трубки отца. Атмосфера здесь всегда окутывала меня спокойствием и заставляла чувствовать себя в безопасности. Даже сейчас, после всего, через что мы прошли, я все так же почувствовала знакомый комфорт, когда вошла.

Вдоль дальней стены возле высоких окон он расставил наброски картин и эскизы, которые я так и не выслала в местную галерею. Я так много раз ловила его, когда он просто стоял перед какой-то из картин, которую решил внимательно рассмотреть, и пялился на нее, будто она скрывала от него какой-то ответ. Рисовать меня научила моя мать. Может быть, он искал ее в мазках и линиях?

Мои ступни коснулись мягкого персидского ковра, на котором я привыкла играть в

детстве, и это вернуло меня в настоящее. Комната ощущалась более наполненной, каким-то образом более занятой, чем обычно, будто бы здесь было меньше воздуха или меньше пространства.

Несмотря на потрескивание в камине, в комнате казалось холоднее, темнее. Мой знакомый комфорт высосало. Кто-то сидел в таком же кресле, как и отец, и смотрел прямо на него, хоть я и не могла видеть его.

Я замедлила шаг, когда увидела разбитость на лице отца. Его морщинистое, но все такое же прекрасное лицо, было бледным даже в свете потрескивающего огня. Первые петли страха затянулись вокруг моего сердца, медленно удушая его.

— Пап?

Затем я поймала *его* запах. Когда бы я ни прошла мимо него в зале суда, или когда он подходил слишком близко к тому месту, где сидели мы с отцом, я слышала один и тот же его запах. Лесной и мужской, с неизвестной нотой изысканности. Колени угрожали подогнуться, но я продолжала держаться, пока не встала за креслом своего отца и встретила лицом со своим врагом.

Холодным взглядом Вайнмонт оценил каждый дюйм моего тела.

— Стелла.

Никогда не слышала, чтобы он произносил мое имя. Он произнес его со своей отличительной заносчивостью, будто сказать его вслух было недостойно его.

Я скривилась.

— К чему это? Что вы здесь делаете?

— Я всего лишь обсуждал деловую сделку с вашим отцом. Кажется, он не готов принять мои условия, так что я подумал: вам тоже стоит узнать о них. Посмотрим, получим ли мы другой результат.

— Убирайтесь, — прошипела я.

Он ухмыльнулся, хоть в его глазах не было и намека на радость, только лишь непостижимая холодность, которая, исходя, заставляла мою кожу покалывать.

— Думаю, вам стоит уйти, — голос отца сломался на последнем слове.

— Уже думаете? — Вайнмонт не отрывал глаз от меня. — Даже не дав Стелле шанса узнать детали?

Я опустила дрожащие руки на спинку кресла отца.

— О чем вы говорите?

— Ни о чем. Мистеру Вайнмонту лучше уйти, — голос папы стал немного настойчивее.

— В-вы не можете разговаривать с моим отцом без присутствия его адвоката, — я заставила дрожь в своем голосе опуститься. — Я знаю закон, Вайнмонт.

Он пожал плечами, его безукоризненный серый костюм поднялся и опустился от движения его плеч.

— Если вы не заинтересованы в том, чтобы убересть вашего отца от тюрьмы, значит, я уйду.

Он не сдвинулся с места, по-прежнему наблюдая за мной с той же самой темной настойчивостью. У меня по затылку и плечам поползли мурашки.

Что это?

— Что вы имеете в виду? — спросила я. — Как?

— Как я только что объяснил вашему отцу, у меня есть определенная сделка, которую я готов предложить. Если вы примите ее, он не попадет в тюрьму. Если нет, тогда он

отправится на максимальный срок — пятнадцать лет.

— Сделка с обвинителем? Но все это время вы отказывались заключать с нами любые сделки, — мой голос становился громче, злость пропитывала каждое слово. — Вы копались в бумагах, говоря всем и каждому, что вы не сделаете ничего, кроме как позволите моему отцу сгнить в тюрьме.

— Сделка с обвинителем? Я никогда не говорил ни о чем подобном. Не знал, что вы настолько глупы, — он переплел пальцы и склонил голову на бок. Синклер выглядел как Сатана, отблеск огня плясал на чертах его лица. — Нет, Стелла. Обвинительный приговор уже у меня на руках, и ничего не осталось, кроме как вынести его вашему отцу. У меня нет сомнений, что он получит максимум. Я позаботился об этом.

Он говорил так, будто я была маленьким медлительным ребенком, которому нужна была дополнительная помощь с уроками после школы.

— Тогда что? Что вы предлагаете? — мои руки сжались в кулаки, и ногти впились в плоть ладони. — И что вы хотите взамен?

— Динь, динь, динь. Наконец-то до нее доходит, — его ухмылка переросла в порочный оскал, который заморозил каждую клеточку в моем сердце. У него были ровные и белые зубы. Если бы в его улыбке была хоть толика тепла, ее можно было бы назвать красивой. Вместо этого он воплощал монстра из моих кошмаров.

— Сделка проста. Проста настолько, что даже ты, Стелла, поймешь ее, — он потянулся к внутреннему карману своего пальто и вытащил сложенную стопку бумаг с восковой печатью. — Все, что тебе нужно сделать — подписать это, и твой отец никогда не увидит тюремную камеру изнутри.

— Нет. Я услышал достаточно. Убирайтесь из моего дома, — отец поднялся и обошел кресло, чтобы встать рядом со мной.

Вайнмонт наконец-то оторвал свой взгляд от меня и пожирал глазами мужчину возле меня.

— Вы уверены, мистер Руссо? Вы по-настоящему понимаете, что тюрьма Луизианы — это воплощение ада на земле, но у меня есть способы сделать ее еще невыносимей? Сокамерники, и все такое. Для вас будет позором попасть в камеру с жестоким — или любвеобильным — типом, особенно в вашем возрасте. Вы не продержитесь долго. Может, месяц или два, прежде чем сломаетесь. А после того, как вы сломаетесь, ну, давайте просто скажем, что управление тюрьмы известно тем, что не особо тратит деньги на медицинское лечение старых, дряхлых воров.

— Пошел вон! — голос папы прогремел громче, чем я когда-либо слышала, даже если он дрожал, стоя рядом со мной.

Улыбка Вайнмонта не дрогнула.

— Хорошо. Увидимся в суде.

Он сунул бумаги назад в свое пальто, встал и зашагал в направлении из комнаты. Уверенность исходила из каждого его движения, пока он уходил будто огромное опасное животное. Убедительность его слов, уверенность в его походке оставили мне чувство одновременно холода и жара от понимания того, что он был здесь.

Что, мать его, происходит?

Когда он ушел, я наконец-то смогла сделать полный вдох. Я сжала спинку кресла.

— К чему все это было?

Папа прижал меня к груди, и его знакомый запах табака и книг прорезался через более

соблазнительный запах Вайнмонта. Он безудержно дрожал.

— Нет. Ничего. Забудь об этом. Забудь о нем.

— Что он имел в виду? Что было в этих бумагах?

— Я не знаю. Мне плевать. Если это вовлечет тебя, я не хочу этого. Не хочу, чтобы он находился рядом с тобой.

Я отклонилась и посмотрела отцу в глаза. Он избегал моего взгляда и смотрел только лишь на огонь позади меня точно так же, как и смотрел на мои картины. Он изучал что-то далекое, за пределами огня, кирпичей камина или цементного раствора между ними.

Усталость была написана в каждой черточке его лица. Даже пляшущее оранжевое пламя не могло скрыть того, насколько истощенным и напуганным он на самом деле был. Он не выглядел таким загнанным с той ночи, когда нашел меня, лежащей на полу, два года назад. Я потерла глаза, пытаясь стереть его страх и воспоминания из моих мыслей.

Он издал сдавленный стон и упал обратно в свое кресло.

— Дилан! — позвала я.

Мой сводный брат появился на пороге через несколько секунд.

— Что происходит? Это долбанутый прокурор прошел только что мимо меня в коридоре?

— Не важно, просто помоги папе дойти до его комнаты. Ему нужно отдохнуть.

— Нет, нет. Я в порядке, — папа снова прижал меня к себе, но его хватка стала слабее. — Я люблю тебя, Стелла. Помни это. Независимо от того, что случится завтра.

Я заставила свое сердце не развалиться на части. Если бы позволила, толку не было бы никакого. Я не могла стать дрожащей кучкой сожаления. Пока нет. До тех пор, пока не выясню, что Синклер Вайнмонт хотел от меня.

ГЛАВА 3

СИНКЛЕР

Я барабанил пальцами по бедру, пока ждал. Ненавижу ждать. Руки чесались сделать что-то, что угодно, лишь бы не дать моей жизни остановиться на время этого ожидания. Не имело значения, хорошее это будет или плохое. Учитывая мое прошлое, скорее последнее.

Мне не пришлось ждать долго. Я знал, что она придет. Послушная дочь, ищущая спасения для своего отца любым способом, каким только сможет. Бедная маленькая идиотка. У спасения есть цена — наивысшая из тех, что можно представить, — и с момента, когда я увидел Стеллу, я знал, что она заплатит ее. Она сидела рядом со своим отцом во время предъявления ему обвинения. Ее рыжие волосы были завязаны сзади в тугий хвост, и на ней был черный костюм, будто она носила траур. Вполне вероятно, скоро так и будет. Краем глаза я увидел ее, пока входил в кабинет судьи Монтанье.

Понадобилось одно мгновение — я захотел именно ее. Более того, я захотел сломить ее, сделать своей и забрать у нее все, пока я не останусь единственным образом в ее голове, всем, о чем она мечтала и чем дышала.

Ее, казалось, легко сломить. Бледная кожа и изящные запястья с красноречивыми шрамами были словно приманка для меня, а ее частично скрытые изгибы будут выглядеть идеально с красным отпечатком от моей руки или ремня. Но мое мгновенное слепое

увлечение блекло с каждым шагом, который приближал меня к ее опущенным вниз глазам. Она будет слишком мягкой, слишком напуганной и быстро встанет на колени. Она не была вызовом, и я не стану тратить время.

Но затем она посмотрела на меня. В ее глазах плескался огонь, жар, ненависть. Я хотел схватить это пламя, хотел заставить ее презирать меня с еще более рьяной яростью. Я знал, как довести ее до этого, завлечь во мрак и развратить так, что она не узнает сама себя. И я сделаю это. Вопрос теперь был не в «если», а только «когда». Все двигалось своим чередом и было мне не подвластно. Она была моим Приобретением.

Поерзав на сиденье, я захотел, чтобы она скорее пришла ко мне. Чем быстрее высохнут чернила на нашей сделке, тем быстрее я смогу начать ее обучение. Парадная дверь поместья Руссо отворилась, бросив желтый свет на широкую извилистую лестницу. Ее маленькая фигурка сдвинулась на пару ступенек вниз, и Стелла целенаправленно прошла к моей машине. Темнота скрывала ее лицо, но мне было достаточно движений ее тела. Она закалила себя для этого, одела в броню каждую фибру своего естества. Я разорву эту броню кусок за куском, пока она не останется голой и будет умолять о большем.

Мой водитель, Люк, вышел из машины и открыл для нее заднюю дверь. Девушка скользнула на место рядом со мной, хоть и подумала о том, чтобы оставаться подальше. На ней все еще была светло-синяя блузка и черная юбка. Пальто исчезло, и на ногах были надеты какие-то неподходящие балетки. Я нахмурился.

— Я так и знала, что вы будете поджидать здесь, словно паук.

Я улыбнулся ей. Она пожалеет об этих словах.

— Что я могу сделать для тебя, Стелла?

— Какова была сделка?

Я потянулся к карману своего пальто, и она, подпрыгнув, вжалась спиной в дверь машины. От ее страха мой член ожил, раздражая меня. Цель была не в том, чтобы трахнуть ее. Ее нужно было осквернить. Разрушить. Сделать частью отвратительного зверинца.

— Как я и говорил прежде, Стелла, сделка проста. — Я вытащил документ из кармана и передал ей.

Стелла посмотрела на него, словно это была чрезвычайно ядовитая змея, но протянула руку и взяла документ.

— Люк, — по моей команде водитель включил в салоне свет.

Стелла повертела документ в руке и уставилась на большую восковую печать в форме «V», скрытую под классическим рисунком виноградной лозы, которая украшала герб и поместье Вайнмонтов.

— Что это?

— Контракт.

Ее взгляд метнулся вверх. Под глазами были темные круги, а кожа казалась почти прозрачной на свету. Стелла была истощена, или, по крайней мере, она так выглядела. Это будет ничто по сравнению с последующими месяцами.

Она изучала мою маску. Не найдя никакой подсказки, она разорвала печать и развернула контракт. Прочитала изложенные на первых страницах стороны контракта, даты, срок и остальные скучные детали.

— Один год? — обратилась она больше к себе и перелистнула контракт на вторую страницу.

Ее глаза становились шире с каждой прочитанной строчкой, пока выражение

полнейшего ужаса на накрыло всю ее. Это было прекрасно. Листы начали дрожать в ее руках. Стелла закончила читать страницу и перевернула далее. Последняя страница была предназначена только для ее подписи.

Это казалось невозможным, но она вжалась еще дальше, пытаясь срастись с кожаным сидением и рамой двери.

— Вы не можете сделать этого, — в ее глазах стояли слезы страха.

— Я ничего не делаю. Я просто озвучил тебе свои условия. Ты можешь согласиться на них или нет. Решать тебе.

— Что случится, если я не соглашусь?

— Это детский вопрос, Стелла. Но, что хуже, ты уже знаешь ответ.

Ее подбородок задрожал, а из зеленых глаз покатались слезы.

— Вы отправите моего отца в тюрьму.

— Нет, я прослежу, чтобы твой отец *умер* в тюрьме.

Воздух так быстро вырвался из ее легких, будто я ударил ее в живот. И, отчасти, я это и сделал.

Она взяла себя в руки, хоть ее голос и не был громче шепота.

— Но если я соглашусь...

— Тогда ты будешь принадлежать мне в течение года. Я буду делать с тобой то, что я хочу и когда я этого хочу. Ты будешь жить в моем поместье Вайнмонтов. Делать то, что тебе сказано. Обслуживать меня и всех, кого я тебе скажу. Я буду владеть тобой, твоим телом и душой.

Через дрожь она едва заметно подняла подбородок.

— Никто не сможет завладеть моей душой.

Я уже владею.

— Так что ты решила, Стелла? У предложения ограниченный срок действия. Приговор твоему отцу будет вынесен завтра ровно в восемь часов утра. А сейчас, — я демонстративно проверил время, — пятнадцать минут одиннадцатого вечера. Тик-так.

— Откуда мне знать, что у вас вообще есть власть сделать это? Откуда мне знать, что вы сделаете так, как говорите? Я должна просто поверить слову такого человека, как вы?

Пламенный язык злости лизнул мое сердце.

— Ты сомневаешься в моей честности, Стелла? Я бы на твоём месте этого не делал.

Она рассмеялась, но этот смех был омрачен тенью усталости.

— А что стоит слово такого человека, как вы? Что за человек предоставит другому человеку контракт на продажу в рабство, и скажет «подписывай», иначе твой отец умрет в тюрьме? Это даже не имеет юридической силы. Я, может, и не *советник*, но даже я знаю это.

Она бросила мне бумаги, прибавив этим строгости к своему наказанию. Она уже приговорила себя для того, чтобы за следующие двенадцать месяцев вынести боли больше, чем вынесла за всю свою обеспеченную жизнь.

Я аккуратно сложил бумаги и вытащил финальный документ из кармана. Этот был скреплен восковой печатью с изображением «М». Я передал его ей. Стелла вырвала его из моей руки и разорвала печать.

Когда краска сошла с ее лица, я почувствовал разочарование. Больше никакой борьбы? Никакого неверия? Никакого веселья от того, что я полностью поймал ее в свою ловушку? Вместо этого она просто выглядела побежденной. Она *была* побежденной, конечно же, но

разве ей будет больно от того, что она еще немного поскользнется о своем положении?

— Судья Монтанье? — теперь ее голос был едва ли слышен.

— Старый друг семьи. Видишь ли, в этом округе у потомственных наследников есть свои способы. Случилось так, что это один из них. Север, может, и выиграл войну, но рабство всегда было в моде в этих краях. Я не выбираю по цвету кожи. Это варварство. Я выбираю по конкретным факторам.

— Каким, например? Находишь кого-то, кто сделает все ради отца, которого любит? Отчаяние? Это ты ищешь, ты, конченный больной ублюдок! — огонь в ее глазах был живым, яростным.

— Не совсем. Но это все, что тебе нужно знать на данный момент. Но вот что мне нужно знать, так это согласна ли ты с моими условиями. Как видишь, судья Монтанье согласился отложить приговор твоего отца на год, пока ты остаешься моей. Если за это время ты нарушишь контракт, судья Монтанье тут же вынесет его твоему отцу и упрячет его в тюрьму, которую выберу я. Я бы предпочел Данвуди — никакого кондиционера, и место просто кишит крысами, — я подождал немного, чтобы дать ей впитать в себя мысль о том, что по ее отцу будут лазить крысы, пока он будет спать. Затем продолжал: — Так что, как я и говорил сначала, решать тебе. Выбор в твоих руках.

Я вернул ей контракт. Стелла взяла его, хоть я и не был уверен, не разорвет ли она его в клочья прямо на моих глазах. Ее злость была непредсказуемой, дикой. Я хотел испытать ее, взять и насладиться ею.

— Выбор? Ты называешь это выбором? — она с яростью убрала прядь волос за ухо.

— Именно это он и есть. Не подписывай. Позволь своему отцу встретиться с судьбой. Или подпиши, и дай ему абсолютную отсрочку. — Я расслабился на своем месте, хоть и не сводил с нее взгляда.

Она прикусила нижнюю губу с такой силой, что пошла кровь. Кажется, она не заметила. Мне хотелось пробежаться пальцем по ее рту и попробовать.

Она уставилась сквозь меня в теплый желтый свет, падающий от ее дома.

— Я не могу решить прямо сейчас. Мне нужно убраться отсюда. Подальше от тебя.

— Боюсь, что это невозможно, Стелла. Я рано встаю, а с учетом того, насколько сейчас уже поздно, мне нужно ехать домой. Так что, ты или остаешься дома, и мы увидимся на вынесении приговора, или ты едешь со мной сейчас и оставляешь все неприятные мелочи судебной системы позади себя и своего отца.

Я улыбнулся.

Она сжалась. Превосходно.

Я не мог выпустить ее из машины, не сейчас, когда она была так близка к подписанию. Я мог сказать, что она стояла на краю своего обрыва, смотрела через край и раздумывала, прыгнуть или нет. Убьет ли ее падение ее отца? *Возможно.*

Она опустила взгляд на колени.

— Как ты можешь это делать? Ты обязан защищать закон.

У меня рука зачесалась ударить ее за такой глупый вопрос. За его чистейший наивный идиотизм. Но она еще не была моей.

— Государственные учреждения вроде моего — всего лишь остаток благородной знати. Это ничего не значит для меня или моей семьи. Нам было бы плевать даже если бы люди, вроде тебя, насиловали и убивали друг друга, или подсаживались на наркотики, или вредили своему собственному роду. Хватит вопросов. Какой будет твой выбор, Стелла?

— Люди вроде меня? — ее глаза блестели от слез, но она встретила со мной взглядом. Моя злость достигла своего апогея. Ее жалкое эмоциональное представление никак не изменит моих планов. Ничего не изменит.

— Блядь, ради Бога, Стелла, подпиши это!

Она попятилась от моих слов и повернулась открыть дверь.

Дермо. Я заставил себя оставаться спокойным. Мне хотелось схватить ее за волосы и притянуть к себе. Но я не сделал этого. Просто позволил ей наконец-то найти ручку двери и открыть, после чего она помчалась обратно в дом. Дверь захлопнулась за ней, уничтожая желтый свет и окуная все вокруг в крошечную тьму.

ГЛАВА 4

СТЕЛЛА

Я бросилась мимо библиотеки, едва не столкнувшись с Диланом, который вышел в холл.
— Что...

Проигнорировав его, я побежала вверх по лестнице, перескакивая через две ступеньки, пока не оказалась в своей комнате. Я слышала его тяжелые шаги за спиной, но захлопнула дверь и повернула ключ. Прислонилась спиной к крепкой поверхности двери, но мое сердце таким громким стуком отдавалось в ушах, что я думала, оно разорвется от давления.

Раздался настойчивый стук в дверь.

— Дилан, уходи, — это больше было похоже на мольбу, чем на приказ.

— Что не так?

— Я не хочу разговаривать.

— Впусти меня, — он повернул ручку, но металлические части только защелкали и задребезжали, не сдаваясь.

— Нет. Просто уйди. Пожалуйста, Дилан.

— Кто был этот парень? Мне нужно что-то сделать?

Да, тебе нужно убить Синклера Вайнмонта.

— Нет. Просто уходи.

Половицы закрипели, словно Дилан ходил кругами по ту сторону двери.

— Дилан, пожалуйста, просто возвращайся в дом своей матери. Мне нужно отдохнуть. Вынесение приговора завтра...

Скрип прекратился и прозвучал удар, когда его ладонь опустилась на дверь.

— Прости, Стелла. За то, что было раньше. Я просто думал, что это могло бы помочь. Я не хотел разрушать все еще больше.

— Ты не разрушил. Правда. Я просто... мне просто нужно отдохнуть, и все.

Еще один удар, но слабее.

— Ладно. Ты права. Я уйду. Увидимся утром. Я буду там для тебя.

Я выдохнула от облегчения.

— Спасибо тебе, Дилан.

Его шаги отдалились, когда я сползла на пол. Ноги были больше не в силах держать вес, который с каждой секундой становился больше. Я все еще прижимала контракт к груди. Страницы, созданные в аду, угрожали сжечь меня и превратить в не что иное, как в кучку остывшего пепла.

Я раскрыла страницы и уставилась на чернильные завитки букв. Они не имели значения в полумраке моей комнаты. Являли собой лишь рисунки на стене пещеры, рассказывающие о жестокости и деградации. Сложные элегантные узоры ничего от меня не прятали. Слова — холодные, жестокие, как и мужчина, написавший их.

Я бросила страницы, будто они обжигали мне пальцы. Соглашение зашуршало по полу и упало, словно было невинной бумагой. Мне было лучше знать. Я подтянула колени к себе и опустила на них подбородок. Как я могла отписать свою жизнь мужчине, который — я знала — принесет мне боль? У меня не было никаких сомнений по этому поводу. Его глаза, когда он смотрел на меня в машине, будто я была игрушкой, до сих пор преследуют меня. Я и прежде его боялась — боялась чего-то, чего не могла понять. До сих пор не в силах объяснить этого, но я испытывала ужас.

Слезы, накопившись, стекли вниз по носу, капнули на колени, и дальше оставили влажные дорожки на ногах. Я просидела так долгое время. Минуты, часы. Сколько бы времени ни прошло, я утонула в воспоминаниях о нас с отцом. Каким сильным он был, когда умерла мама. Насколько сильнее ему пришлось быть, когда я пыталась сделать то же самое. Могла ли я позволить ему отправиться к своей смерти, зная, что я могла спасти его?

Один год. Весьма недлинный срок. Мне понадобился год, чтобы восстановиться после своей попытки наложить на себя руки. Станет ли для меня большой утратой, если я исчезну на год? Я так и не окончила колледж. Мама покончила с собой в то лето, когда я собиралась отправиться в Нью-Йоркский университет. Моя жизнь приостановилась на неопределенный срок. Затем отец решил переехать сюда, чтобы мы решили, как нам жить дальше. Мать Дилана помогла облегчить боль папе на некоторое время, пока я задыхалась, запертая в своей комнате, рисуя темные картины мыслей, одна мрачнее другой, пока не становилось слишком.

Я содрогнулась от воспоминания о том, что сделала. Я поклялась больше никогда не быть слабой, никогда не позволять себе доходить до того момента, когда я желала забвения настолько сильно, что опрометчиво неслась ему навстречу. Я не могла снова попасть в то место. И точно так же, как я отказывалась спешить навстречу темной судьбе, я отказывалась отправлять отца в такой же мрак.

Я встала, спина затекла от сидения под беспощадной дверью. Решение принято. Я вытащила сумку для ручной клади из гардеробной и начала собирать вещи, не обращая внимания, что из собранного было модным. Самого главного хватит — рубашки, шорты, джинсы, лифчики, носки, трусики. Я собрала в охапку принадлежности из ванной и схватила наше с мамой фото с прикроватной тумбочки. Переделась в джинсы, темную футболку и синий кардиган, чтобы уберечь себя от холода осеннего воздуха. Быстро окинув взглядом свои пожитки, я подумала, стоит ли оставить записку.

Сердце разрывалось от мысли уйти, не сказав ни слова. Я вытащила бумагу для писем с узором в виде закрученного «S» вверху. На некоторое время я замерла над страницей. Рука дрожала. Мне так мало что было сказать. Или, может, вообще ничего. Ручка выпала из захвата пальцев.

Я не доверяла себе. Если перенесу на бумагу то, что чувствую, моя уверенность пошатнется. Отец все равно узнает, куда я уехала. Он никогда не был идиотом. Я всего лишь надеялась, что он не сделает ничего глупого, чтобы попытаться спасти меня. У него не было шансов. Выражение на лице Вайнмонта, когда он предложил свой обмен, было полно решимости. Если то, что я прочитала о нем, было правдой — его семья владеет

крупнейшими в Америке сахарными заводами и некоторыми самыми обширными плантациями сахарного тростника в нескольких странах — то у него были способы, чтобы удержать моего отца на расстоянии. Он и тот гадюка судья Монтанье, несомненно, предвидели это.

Я открыла нижний ящик комода и потянулась за ножом, который там прятала. Я приклеила его скотчем ко дну ящика над ним, поэтому только я знала, где он был. Это был тот же нож, который я использовала на себе. Моя кровь больше не пачкала лезвие, но я знала, что частички меня все еще были там, вкрапленные в сталь. Я сунула его в боковой карман сумки, пряча между туалетными принадлежностями и бельем.

Я в последний раз окинула комнату взглядом, безмолвно прощаясь, прежде чем тихо спустилась вниз по лестнице и проскользнула в гараж.

Бросила свои скудные пожитки в багажник и завела машину. Не понадобилось много времени, чтобы найти адрес Вайнмонта с помощью моего телефона. Дом находился в часе езды от города, в сельской местности округа. Удостоверившись, что я запомнила путь, я оставила телефон на маленьком столике рядом с дверью гаража. Лучше исключить риск того, что кто-то позвонит мне и изменит мое решение. Мольба отца могла сломать мою уверенность, а я была настроена довести дело до конца. Ради его безопасности.

Я свернула с подъездной дорожки, наблюдая за отдаляющимся фасадом дома позади меня. Один год, и я вернусь. Один год, и мой отец будет в безопасности.

Что был один год для того, кто уже был мертв?

Дорога была унылой и темной. Хоть луна висела высоко, виднелся только ее серп в широком изобилии чернильной пустоты и рассыпанных звезд. Чем дальше я отъезжала от города, тем более нечеткими становились окрестности. Ночь накрыла поля с хлопком, кроны деревьев и кусты ежевики, уединившиеся у реки.

Вскоре дорога сузилась к двум тонким дорожкам, деревья над которыми возвышались с двух сторон. Я продолжила ехать вперед, хоть и не встречала больше машин. Была только я одна, держащая путь прямо в ловушку Вайнмонта. Я кусала губу, и привкус меди был единственным, что остановило меня от дальнейшего уродования своей плоти.

Дорога повернула влево, а GPS оповестил, что впереди поворот направо. Все, что я видела, — это деревья и густой кустарник, и никакого признака дома. Я проехала немного дальше и увидела просвет. Впереди была дорога не более сотни футов в длину, которая заканчивалась перед массивными воротами. Я повернула и медленно подъехала к ним. Они были шире и выше, чем четыре машины, поставленные в ряд и друг на друга. Черное кованое железо с переплетающейся металлической виноградной лозой заключало в ловушку решетку ворот. В центре красовалось «V», вокруг которой оплеталась лоза и создавала непроницаемый барьер.

Воздух застыл в груди. Я посмотрела в обе стороны и увидела ту же кованую железную решетку, которая тянулась от ворот и исчезала где-то в тенистом лесу. Я остановилась и попыталась успокоить сердце, замедлить ощущение отбойного молотка, которое чувствовала в крови, курсирующей по моим венам.

Страх. Для этого не было другого слова. Холодный пот на висках, чувство, топящее меня в отчаянии. Меня охватил глубочайший вид страха, и я потянулась вниз к рычагу переключения передач, готовая развернуться и уехать. Может, был какой-то другой способ? Что-то, что я могла бы сделать, чтобы спасти отца и обойти Вайнмонта, не касаясь того, что скрывалось за этими зловещими воротами?

Металл сдвинулся внутрь, приоткрываясь. Не было никакой сторожевой вышки, ни видимой камеры где-то поблизости на непреклонном металлическом заборе. Но он по-прежнему наблюдал за мной. Я знала это так же, как и то, что буду здесь, с ним, весь следующий год.

Я убрала руку от рычага и вытерла потную ладонь о свои джинсы. Сделав глубокий вдох, я нажала на педаль газа и въехала в ворота, неуверенно впутываясь в неизвестное и непонятное будущее.

В начале подъездной дорожки росли такие же деревья и низкие кустарники. Они замыкались со всех сторон, закрывая даже луну, висящую высоко в открытом небе. Медленно деревья начали редеть, открывая аккуратно подстриженную траву по обеим сторонам от дорожки. Я проехала, казалось, почти милю, не видя ничего кроме пейзажа Луизианы. То здесь, то там появлялся мост через темные воды, которые я миновала.

Впереди трава становилась выше — словно широкая река струящихся на ночном ветру изумрудов. На большом расстоянии я наконец-то увидела огни во мгле ночи. Это, должно быть, дом. *Ego* дом.

Я выжала газ, больше не боясь того, что обитало в густых лесах и заболоченных устьях. Вайнмонт был настоящей, ощутимой опасностью, а не то, что у меня в воображении.

Даже когда трава стала выше, больше деревьев появилось впереди, формируя арку над подъездной дорожкой. Это были классические южные дубы, обросшие мхом на стволе у земли. За благородными деревьями выросал дом — высокое строение, крышу которого я не смогла увидеть из-за раскидистых ветвей. Три, возможно, четыре этажа довоенного великолепия — большие колонны крепко поддерживали похожий на дворец дом, и он светился призрачно белым светом в сиянии луны.

Через широкие и высокие окна на крыльцо лился теплый свет. Я могла представить кресла-качалки и детей, играющих в пятнашки, бегających по траве или смеющихся на пикнике. Но не здесь, не в то время, когда Вайнмонт управлял этим местом. Несмотря на очарование дома, его владельцу было неизвестно даже самое обыкновенное человеческое тепло. Фасад был воплощением величественности — очаровывающий камуфляж для порочной души, живущей внутри.

Я замедлила ход машины и остановилась напротив парадной двери. Дорожка уходила вправо, исчезая в землях поместья. Я вытащила свои ключи из зажигания и была готова бросить их в сумочку, но остановилась. Зачем? Разве эта машина будет ждать меня здесь целый год?

Мысль заставила меня рассмеяться. Мой побитый американский Седан, стоящий перед парадной дверью поместья целый год, явно проржавеет и развалится. Абсурд, как и все, что случилось за последние несколько месяцев. Я позволила смехулиться из меня. Где-то на страницах медицинского справочника прошлого века вы бы могли найти пару строк о том, что у меня приступ истерии, и посоветовали бы мне отправиться на корабле на лечебный курорт. Смешки прекратились, словно я трезвела. Я не знала, будет ли у меня еще шанс улыбнуться или засмеяться. По крайней мере, не в течение года, и что-то подсказывало мне, что этот год оставит на мне шрамы на всю оставшуюся жизнь.

Я бросила ключи в подставку для стакана и закинула ремешок сумочки на плечо прежде, чем выйти из машины. Хризантемы, идеально полные для осенней поры, росли рядами на клумбах у крыльца. Я подняла сумку и покатила ее по широкому деревянному полу, ведущему к двойной парадной двери.

Мне не пришлось стучать. Дверь открыл пожилой дворецкий. Он выглядел скучным и очень подходил своей профессии, хоть и улыбнулся мне. Высокий рост, тонкие седые волосы, светлые голубые глаза. Единственной странной вещью было то, что он открывал мне дверь после полуночи.

— Мисс, — он одарил меня слабым кивком.

— Эм, привет, — я не ожидала такого. Я ожидала, что Вайнмонт втащит меня и изобьет, оставит меня мучиться от боли и бросит в темницу.

— Вы не хотели бы войти? — он едва заметно улыбнулся, словно мое колебание перед парадной дверью его веселило.

— Я... я думала...

— Что ты думала? — Вайнмонт вошел в фойе. На нем были черные джинсы и серая футболка. Я никогда не видела его в чем-то, кроме идеально сшитого костюма. Он казался почти человеком. Грудь выглядела каким-то образом шире, чем я помнила, перетекая в тело с узкими бедрами и длинными ногами. Легкая щетина сглаживала твердые черты его челюсти и спускалась вниз по шее. Глаза все так же были наполнены холодом.

В нем было что-то еще, что я всегда считала невозможным — татуировки темных виноградных лоз змеями струились вниз от рукавов футболки к ладоням. Он был как такованая железная решетка — холодным, жестким, и душил своими непреклонными ветвями. Его неожиданные татуировки шокировали меня больше, чем сюрреалистичность моего положения.

Я закрыла рот, намереваясь не давать ответа на его вопрос.

— Тебе стоит войти, Стелла. Мы не кусаемся, — улыбнулся он.

Мне захотелось врезать ему по лицу и сбить с него это выражение.

— Фарнс, это наше новое Приобретение.

Дворецкий побледнел и покачнулся на месте. Вайнмонт взял его под локоть, чтобы тот не упал. Этот маленький акт доброты заставил меня чувствовать себя так, словно я попала в какую-то альтернативную реальность. Я не думала, что слово «добрый» можно когда-нибудь ассоциировать с пауком, стоящим передо мной.

Фарнс отвернулся от Вайнмонта, и снова посмотрел на меня, но дружественная улыбка поблекла.

— Понимаю, — вздох. — в этом году? Понимаю. Могу ли я?

Он протянул дрожащую руку, чтобы забрать мой багаж. Я передала ему сумку.

— Спасибо, мисс...

— Стелла Руссо, — ответил Вайнмонт. — Ступайте и приготовьте для нее мозаичную комнату. Я бы сказал вам раньше, но не был уверен, что она примет предложение, — холодная улыбка снова заняла свое коронное место на лице Вайнмонта, когда он продолжил оценивать меня.

Я ощетибилась.

— Думаю, ты *был* уверен. Ты все это время знал, ублюдок.

Фарнс деликатно кашлянул.

— О, ну, я просто приготовлю ее непосредственно для вас, мисс Руссо. — Фарнс странно посмотрел на Вайнмонта, почти сожалеюще, прежде чем взять мою сумку и направиться к широкой лестнице.

Я осмотрелась вокруг, игнорируя Вайнмонта. Дом внутри был настолько же красив, как и снаружи. Антикварная деревянная мебель и лепнина облагораживали каждую поверхность,

которую я могла увидеть. Полы теплого медового цвета отражали свет люстр и бра, купающих комнату в тепле. Мебель темного цвета создавала контраст и придавала всему еще более роскошный вид.

В комнате направо находились диваны и изысканный письменный стол. Та, что уходила налево, оказалась музыкальной комнатой. Я увидела фортепиано, гитары и несколько других инструментов. Я поняла, что вместо обоев на стенах висели нотные листы, приклеенные друг поверх друга, пока комната не стала воплощением папье-маше из мелодии и гармонии.

Дом Руссо в городе был огромным. Этот дом проглотил бы его за секунды.

— Когда перестанешь глазеть, разинув рот, можем перейти к делу, — Вайнмонт все еще окидывал меня взглядом, может, решая, насколько гнусно он сможет относиться ко мне. Я не знала. Все было таким чужим, таким поглощающим. Тем не менее, я заставила свой позвоночник выпрямиться. Я не позволю запугать меня.

— Хорошо, — я уставилась на него в ответ.

Он развернулся и прошел мимо лестницы, ведя меня в глубь дома. Великолепие не заканчивалось. Картины и дорогие гобелены рядами украшали холл. Я узнала некоторых художников, другие остались для меня загадкой, я хотела остановиться и изучить каждую работу. Но вместо этого я следовала за своим похитителем. Он привел меня в столовую с двумя яркими хрустальными люстрами. За столом, стоявшим посередине, могли поместиться двенадцать человек.

Вайнмонт прошел к буфету с графином и бокалами нем.

— Присаживайся. Хочешь выпить?

Если я прежде была сбита столку, сейчас я абсолютно потерялась.

— Выпить?

Он посмотрел на меня через плечо, пока наливал в бокал.

— Да, Стелла. В повседневной речи это означает освежиться с помощью напитка. В данном случае, я предлагаю алкогольный напиток.

Говнюк.

— Да.

— Что предпочитаешь?

— Что угодно.

— Мы поработаем над твоими вкусами.

Я поморщилась от мысли о том, что Вайнмонт будет работать над чем-то, что касается меня.

Села на ближайший стул и опустила голову на ладони.

— Что это? — пробурчала я. Я не была уверена, себя я спрашивала или его.

— Это ты и я, и мы выпиваем перед тем, как обсудить контракт. Предполагаю, ты его принесла? — со слабым звоном он поставил бокал рядом со мной.

Вайнмонт сел напротив меня.

Я запустила руку в сумочку и вытянула страницы.

— Да.

— Хорошо. Ты подписала его? — он отпил из своего бокала, пытаясь казаться равнодушным. Ему меня не одурачить. В его глазах горела жажда — паук истекал слюной по своей следующей жертве.

— Нет.

— Но ты здесь, так что я предполагаю, ты намереваешься подписать его?

Я откинулась назад и посмотрела на него так же, как и он на меня.

— Почему вы просто не отпустите моего отца?

— Потому что он преступник.

— Как и ты.

Он осушил бокал.

— Нет, я не преступник.

— Так рабство внезапно стало законным? Мне никто не сказал, что манифест Линкольна об отмене рабства был аннулирован.

Уголок его рта дернулся, словно коварная улыбка попыталась родиться на этот свет. У нее не вышло.

— Настоящий вопрос — тот, которого ты избегаешь — это веришь ты или нет в то, что твой отец — преступник. — Мужчина встал и налил себе еще один бокал прежде, чем вернуться назад к столу.

Я взяла свой бокал и покрутила его между ладоней, конденсат увлажнил мою кожу. Туда. Обратно.

— Он не такой.

— Значит, ты такая же тупая, как я и думал.

— Очень справедливо, учитывая, что я уже знаю, что ты такое же зло, как я и думаю.

Вайнмонт ухмыльнулся.

— Зло? Ты еще ничего не видела, Стелла.

— Смешно, потому что мне кажется, я уже видела более, чем достаточно, — я впилась в него колким взглядом.

Вайнмонт оттолкнулся от стола и прошел к моей стороне, подняв контракт. Его запах окутал меня. Я могла почувствовать его, его взгляд на мне, пока он стоял у меня за спиной. Вайнмонт наклонился ниже и разглядел бумагу своей большой рукой. Я заметила ряд шрамов на тыльной стороне его запястья. Они были бледными, едва заметными, но все равно они там были. Перекрещивающиеся линии поместили его идеальную кожу. Во мне проснулось дикое желание пробежаться ногтями по этим царапинам, увидеть, на самом ли деле они сделаны из плоти и крови. Но я не сделала этого. Не могла.

— Совершенно случайно у меня здесь есть с собой ручка, Стелла. — Он с силой ударил ладонью по столу, прижимая ручку рядом со страницей для подписи.

Он наклонился ближе, его рот оказался возле моего уха, хотя так и не коснулся.

— Подпиши это.

Я закрыла глаза, надеясь, что открою их, и кошмар растворится. Не сработало. Страница лежала передо мной, удерживаемая его сильной рукой.

Я подняла ручку и коснулась стержнем страницы.

— Ты собираешься причинить мне боль? — я ненавидела слабость в своем голосе, никчемность вопроса, но мне нужно было спросить.

Его теплое дыхание коснулось моего уха.

— Несомненно.

Рука начала дрожать, а моя уверенность — вянуть.

— Но это не значит, что тебе она не понравится, — он потянулся рукой вокруг меня, прижавшись твердой грудью к моей спине, пока успокаивал мою ладонь своей. — Подпиши это, Стелла.

Его голос казался каким-то гипнотическим соблазнением. Вместо презрения, меня

охватило нечто другое. Это было неправильно, мерзко. Тем не менее, я отклонилась немного назад, ища хоть какого-то комфорта. Вайнмонт не отодвинулся.

Его рука излучала тепло, в отличие от его сердца. Он нажал на нее, пока кончик стрелки не вжался в бумагу, и чернила не оставили после себя след, словно кровь из раны.

Мне стоило попытаться бороться против него, сжечь дом и сбежать. Но стена мышц у меня за спиной говорила мне, насколько ничтожной была эта мысль. Если я хотела выбраться из этого испытания, мне придется использовать другие средства.

Я сделала глубокий вдох. *Ради отца.* Дернув рукой под его ладонью, я оставила закрученную подпись, привязывающую меня к Вайнмонту, превращающую меня в его собственность, которой он будет владеть и разрушать на протяжении года. Когда подпись была поставлена, последняя буква выведена чернилами, он наклонился еще ближе, прижимаясь краешками губ к мочке моего уха и вызывая мурашки от шеи и вниз по телу.

— Теперь ты моя, Стелла.

Как только слова слетели с его губ, он выхватил бумаги и зашагал прочь из комнаты.

ГЛАВА 5

СИНКЛЕР

Нахрен. Не так все должно было произойти. Я расхаживал по своему кабинету, пока Фарнс сопровождал Стеллу в ее комнату. Что я делал? То, что моя эрекция откачивала кровь из мозга в себя, не помогало. Неудивительно, что я не мог думать трезво.

Я прошел в ближайшую ванную и заперся там. Расстегнул ширинку, злясь от усложнений, причиной которых был мой член. Все не так должно было произойти. Этот обмен был для меня лишь бизнесом. Чем-то, что нужно сделать. Тем же самым, что делалось поколениями Вайнмонтов. Тем же самым, что делалось веками. Я не какая-нибудь сраная снежинка с оригинальным узором. Я — Вайнмонт.

Конечно, последнее Приобретение было сделано моей матерью, когда я был еще ребенком, но я не помню, чтобы все вышло из-под контроля в таких масштабах. Она следовала правилам, чтит традиции. Она была настоящим Вайнмонтом, а я стоял в туалете, позволяя члену вести меня. *Ублюдок.*

Я вытащил предательскую длину из боксеров и начал водить по ней. Если бы просто мог выжать из себя высвобождение, я бы смог успокоиться и сделать все правильно. Я закрыл глаза и увидел ее рыжие волосы: как они спадали на ее плечи, пока я стоял позади, представлял их на своем кулаке, когда я буду трахать ее. *Нет.* Я со злостью открыл глаза и посмотрел на собственное отражение.

Я не буду думать о ней. Больше не буду думать о ней *таким образом.* Придет время — и я трахну ее, но не из-за чистого желания с моей стороны, а лишь из-за желания полностью сломать ее.

Я крепко сжал кулак на своем члене, насаживаясь на него, пока раскачивал бедрами. Нежеланное изображение ее простодушных зеленых глаз витало у меня в мыслях. Именно тогда мои яйца подтянулись и член дернулся в руке, выстреливая семенем в изысканную, разрисованную вручную раковину. Как только я закончил, оперся обеими руками о края

умывальника и сделал глубокий вдох.

Мне нужно было взять в руки контроль. Только так я смогу выиграть. В этом году приз за Приобретение будет моим. Все, что мне нужно сделать, это оставаться сильным. Я пялился на себя в зеркало, желая вернуть свою маску на место. Оставшись довольным, я превратился в того, кем нужно было быть, и выпрямился.

Убрал беспорядок, смыл сперму в сток раковины, и заправил член обратно в штаны. Оставив это кратковременное помутнение рассудка за спиной, я знал, что мне удастся удержать, обыграть и окончательно осквернить Стеллу Руссо.

ГЛАВА 6

СТЕЛЛА

Фарнс отвел меня в спальню наверху. Он включил свет и показал в ней все. Комната была огромной и тускло освещенной. Я думала, меня отведут в камеру с кандалами и металлической кроватью. Но нет, это была милая сельская комнатуха, даже более домашняя, чем моя продуваемая сквозняками комната в городе. Стеганные одеяла, словно мозаика, висели на стенах от пола до потолка.

Они были расположены с гордостью, некоторые сложены на полках, некоторые развернуты для обозрения. Уставшим взглядом я всмотрелась в самое ближайшее ко мне. На нем был изображен повторяющийся рисунок мальчика в рабочей одежде и широкой соломенной шляпе. Ткани были разные, хоть все и казались похожими.

— Оно датируется 1897 годом, полагаю, — Фарнс стоял позади меня.

— Он собирает их или что-то в этом роде?

— Нет, мисс. Его мать собирала, как и его отец, и все предшественники рода Вайнмонта.

— Кто их делал?

— Это было сделано прапрабабушкой покойного мистера Вайнмонта. Остальные были сделаны женщинами из семьи Вайнмонт и иногда мужчинами, если у них обнаруживалось умение к этому.

Было много других одеял, некоторые исполнены в знакомых стилях, другие — под влиянием арт деко, а некоторые и вовсе имели странный рисунок в стиле модерн. Комната была полна старого и нового.

— Вот это, — он указал на меньший квадратик материала, который находился намного дальше остальных в комнате, — было сделано матерью мистера Синклера.

Я пробежала пальцем по практически невидимому шву. На материале не было рисунка, всего лишь сине-зеленый материал с бахромчатыми краями. Шов был глубокого бордового цвета, кричащий и бросающийся в глаза.

— Не думала, что люди, имея такое богатство, буду озадачивать себя тем, чтобы быть полезными.

— Вечность — долгое время, мисс Руссо. Большинство вещей весьма постоянны. — Он сделал легкий поклон и ушел, со щелчком закрыв за собой дверь.

Мне нужно было больше, чем зашифрованная информация, но я слишком устала, чтобы

последовать за Фарнсом и задать вопросы. Он бы все равно не дал мне настоящих ответов. Поэтому я прошла к двери и открыла ее. Ее не заперли снаружи. Станный у них способ удерживания пленных.

Я прижала руки к двери, закрыв ее, и посмотрела на кровать. Четыре резных столба, взбитое одеяло и манящие подушки. Я прошла в гардероб и обнаружила, что он практически пуст. Фарнс оставил мой чемодан внутри. Стеганая ткань и нитки ютились на верхних полках вне поля моей досягаемости.

Я вытащила некоторые туалетные принадлежности из сумки и взяла их с собой в прилегающую ванную. Для такого старого дома она казалась огромной. Ванна, в которой можно было отмокнуть, маленькая душевая кабинка, умывальник и туалет. Я расставила принадлежности на тумбочке и вдоль раковины прежде, чем приготовилась ко сну.

Было странно заниматься всеми этими вещами в чужом доме, но я все равно это сделала. Почистила зубы, переоделась в футболку и кое-как надела маску нормальности во всей этой зловещей атмосфере.

Я вернулась к своей сумке и вытащила оттуда нож. Скотч все так же был приклеен к лезвию. Я выдвинула третий ящик прикроватного столика и приклеила нож ко дну второго сверху, как делала и дома. Никто не найдет его здесь. Он был моей страховкой. Только предназначен не для того, чтобы снова пролить мою кровь. Но кровь Вайнмонта? Для этого существовала отчетливая вероятность.

Оставшись довольной тем, что нож был спрятан, я села на кровать. Матрас оказался мягким, роскошным. Я была в зазеркалье — ничего не имело смысла и все, казалось, идет задом наперед. Это все было уловкой? Попробует ли Вайнмонт вытащить меня из постели после того, как я усну, и бросить в заплесневелую темницу?

Я потеряла глаза, окончательно сбита с толку и истощенная, чтобы размышлять о том, что может случиться в следующие минуты, не говоря уже о следующих часах.

Я встала и выключила свет. Темнота чувствовалась почти удобно, словно скрывала меня от глаз охотников. Я забралась в незнакомую кровать, скользя между гладкими простынями. Они пахли льном и едва ощутимо порошком. Чистые и прохладные на моей коже. Эти вещи, эта комната должны были соблазнить меня, как и голос Вайнмонта в моей голове. Это не было какой-то сказкой. Вайнмонт не был моим принцем.

Я вжалась в подушки, обнимая одну из них. Она была набита пухом, мягкая и удобная. Я сделала глубокий вдох и выдохнула. Могла бы насладиться тем, чем могла и пока могла, потому что не знала, что принесет завтрашний день. Сон опустился на меня словно занавес на сцене, медленно затемняя мой взор.

* * *

Стук в дверь вырвал меня из сна. Свет лился через окно, придавая моей камере оттенок традиционного южного стиля.

— К... кто это?

— Фарнс, мисс.

— О, входите, — я уселась и натянула одеяло до шеи.

Он открыл дверь и сделал единственный шаг в комнату.

— Завтрак готов и ждет внизу. Я хотел дать вам поспать подольше, но мистер Синклер попросил о вашем присутствии.

— Я еще даже не принимала душ, — я убрала волосы с глаз, зная, что они в спутанном беспорядке.

— Пусть даже так. — Он не смотрел на меня. По факту, он смотрел куда угодно, только не в моем направлении. Настолько скромный?

— Хорошо. Я спущусь через несколько минут, — я сделала паузу, понимая, что понятия не имею, куда идти, чтобы спуститься к завтраку.

— Я подожду, пока вы приготовитесь и сопровожу вас, если хотите, — произнес Фарнс.

— Да, пожалуйста, — я откинула одеяло и свесила ноги с края кровати.

Фарнс попятился из комнаты и с легкостью закрыл дверь со щелчком.

Я встала и потянулась, прежде чем пойти в ванную умыться и пробежаться расческой по волосам. Презентабельно. Но зачем мне так наряжаться? Может, когда Фарнс сказал «завтрак», он на самом деле имел в виду «гильотину» или «виселицу». Этого я так и не узнаю. Были ли эти добрые слова и лицо всего лишь еще одной уловкой Вайнмонта?

Я надела джинсы, майку и кардиган. Не была уверена по поводу обуви, так что нашла кроссовки. Села на мгновение, чтобы собраться и попытаться выяснить, что было правдой, а что — ложью. Это было невозможно. Наверняка я знала только одну вещь — Вайнмонт был моим врагом. Все, кто с ним связан, были под подозрением, если не прямой угрозой мне. С этой леденящей мыслью я сделала глубокий вдох, выпрямила спину и прошла к двери.

Фарнс был там, как и обещал, ожидая снаружи.

— Сюда, мисс.

Я последовала за ним по длинному холлу. Заглядывала в комнаты, когда проходила мимо них. В этой части дома они все были спальнями, и у каждой была своя тема. Некоторые были цветочные, другие отделаны дорогими темными тканями.

— Вы со всеми пленниками так обращаетесь? — вопрос оказался еще более ехидным, чем должен был быть. Я была раздражительным, злым, кипящим пузырем эмоций, который, казалось, переполнился ими за ночь, пока я спала, а теперь они медленно выплескивались на поверхность.

Фарнс остановился, а затем сделал еще шаг, обдумывая, стоит ли ему продолжать идти.

— Я не совсем уверен, что должен ответить на это.

— Почему? Я убеждена, что я не первая пленница, которую купил Вайнмонт.

— Я... ах. Ну, мисс, вы первое Приобретение за последние двадцать лет, если вы это имеете в виду.

— Приобретение? Я только и слышу это слово. Что оно означает? Это какой-то код, который вы используете вместо слова «рабыня»?

Мужчина повернулся ко мне, и в его глазах я видела доброту. Глядя на него, мне было сложно вести себя с ним грубо.

— Я так понимаю, мистер Синклер не рассказал вам о судах Приобретений?

— Есть *суды*?

— Да, есть. — Вайнмонт вышел к нам и холла. — И если бы ты спустилась вниз к завтраку, я бы тебе объяснил.

Я скрестила руки на груди.

— А к чему спешка?

— Фарнс, — взгляд Вайнмонта стал темнее, и он махнул дворецкому уйти.

Фарнс не решался, а затем подчинился, отходя туда, откуда мы пришли, пока мы с Вайнмонтом не остались наедине. На нем была другие темные джинсы и черная футболка, а

татуировки виноградной лозы спускались вниз по рукам из-под ткани. В утреннем свете я рассмотрела, что они выполнены в глубоком зеленом цвете, маленькие листочки вырисованы изумрудным, а зловещие шипы почти черные.

Он схватил меня выше плеча и дернул, чтобы я шла рядом с ним.

— Эй...

— Ты испытываешь мое терпение, Стелла. — Он остановился, толкнул меня к стене и взглядом впился в меня. — Не задавай Фарнсу подобных вопросов. Он тебе не поможет.

— Я могу спрашивать, что, мать твою, хочу, — коктейль эмоций прокатился внутри меня, сделав меня храброй даже перед яростью Вайнмонта.

Его взгляд скользнул по моему лицу, по губам, а затем вернулся к глазам.

— И вот где ты ошибаешься.

Он схватил меня за волосы и дернул голову назад. Его рот тут же оказался у моего уха, и его голос разлился южным акцентом:

— Я думал, что четко дал тебе понять, что теперь владею тобой. Ты делаешь так, как говорю я. Если нет, я удостоверюсь, что твой отец ощутит на себе твоё непослушание.

Он подступил ко мне, прижимая меня спиной к стене и сдавливая меня до боли. Я вскрикнула от внезапной агрессии. Он накрыл мой рот свободной рукой. Я инстинктивно ударила его по ребрам, по спине. Даже попыталась ударить коленом в пах, но он предусмотрел мои попытки и протолкнул своё крепкое бедро между моих, приподнимая меня над полом так, чтобы я оседлала его.

— Блядь, — это было его грубым шепотом.

Мое сердце билось все быстрее и быстрее, паника разрасталась во мне и вытягивала каждую эмоцию. Он собирался сделать мне больно. Прямо здесь, прямо сейчас, в этом залитом солнцем холле.

Он сильнее и сильнее тянул меня за волосы, собираясь, как я думала, вырвать их. Я прекратила бороться.

— Так-то лучше. Вот как это будет, Стелла. Ты прекратишь пытаться создавать мне проблемы. И будешь делать так, как тебе велено. Этот год пройдет легче для тебя, если ты будешь следовать моим приказам. Ты можешь сопротивляться мне, — его губы сместились вниз по моей шее, и у меня перехватило дыхание от его прикосновения. — И я не стану лгать, мне нравится, когда ты сопротивляешься. Это все мне облегчит. Но тебе не понравится результат.

Вайнмонт отпустил мои волосы и сделал шаг назад. Пробежал рукой по волосам, но продолжал пялиться на меня. Сердце гулко колотилось в груди, требуя, чтобы я умчалась подальше от него так быстро, как смогу.

Синклер облизнул губы, напоминая мне о голодном убийце, который чуял кровь. *Мою* кровь. Я содрогнулась под его взглядом, ненавидя свои соски, которые затвердели от ощущения его тела, прижимавшегося к моему.

Вайнмонт указал пальцем в направлении, откуда он пришел.

— Иди.

Я мгновенно двинулась от стены и прошла вперед по коридору. Обнаружила ступеньки справа и сделала маневр вниз по ним так быстро, что почти упала на второй. Его шаги гулко отдавались позади меня, тяжелые и обдуманные.

Я крутнулась внизу лестницы, желудок забурчал от запаха еды в воздухе. Свернула вправо, замечая парадную дверь. Я не выбирала. За меня это сделало мое тело.

Я побежала к двери и дернула ее на себя, открывая. Сорвалась вниз по крыльцу и ступенькам. Море травы, простиравшееся до горизонта, казалось спокойным в лучах утреннего солнца. Свежий воздух сообщал о том, что осень воцарилась даже так далеко на юг.

Мои кроссовки едва ли коснулись брусчатки подъездной дорожки, когда я сорвалась в бег по мягкой земле. Я бежала так быстро, как могла с моим маленьким ростом. Могла бы добраться до деревьев и спрятаться. Всего лишь зарыться где-то в корнях кипарисов или, может, залезть и спрятаться в ветках наверху. Может, Вайнмонт лгал о том, что судья у него в кармане. Может, я могла пойти в полицию или к кому-нибудь еще. Я хотела в отчаянии поверить в это, когда мчалась через залитую солнцем лужайку.

Ни одна из моих надежд не была правдой, я знала это, но мне было плевать, пока ноги продолжали с топотом нести меня к спасению за линией деревьев. Мне нужно было убраться от него, от ужаса, от вспышки нежеланного жара, который разгорался во мне.

Мои легкие начали гореть, обрушивая на меня болезненное понимание того, что мне нужно остановиться и перевести дыхание. Я не остановилась. Побежала быстрее, игнорируя боль в боку, игнорируя все, кроме приближавшегося убежища. Я оставила позади почти половину изумрудного поля.

Я упала. Сильно. Руки сомкнулись вокруг моей талии и потащили вниз так, что я полетела на живот. Трава смягчила падение, но не сильно. Воздух выбило из моих, и без того истощенных легких, а ребра ощущались словно на грани раздробленности, грозясь острыми концами проткнуть легкие. Запах плодородной земли и зелени внедрился в мои носовые рецепторы, но его запах тоже присутствовал.

Он был у меня на спине. Схватил за руку и грубо меня перевернул. Оседлав меня, Синклер прижался бедрами к моим. Я не могла видеть его лица. Солнце стояло высоко у него за головой, ослепляя меня. Я кричала и пыталась ударить его, поцарапать, пустить столько его крови, сколько могла. Он с легкостью схватил мои запястья и пришил их к земле у меня над головой. Он склонился надо мной, блокируя солнечный свет и показывая обжигающую злость в своих глазах. Мужчина был в ярости, намного хуже, чем там, наверху.

— Я тебя предупреждал, Стелла. Говорил же тебе, — его дыхание было сбитым, пока я пыталась поймать воздух ртом.

Он переместил оба мои запястья в один свой кулак и отвел вторую руку назад для удара. Я поймала его взгляд. Хотела, чтобы он почувствовал это, знал, с какой яростью я презираю его, знал, что я думаю о его развращенной душе.

Его глаза вспыхнули и расширились от моего взгляда.

— Блядь! — он помедлил, но вместо меня, впечатал кулаком в землю рядом с моей головой. Из него донеслось дикое рычание, гортанное и полное неприкрытого гнева.

Он отпустил мои руки и сел на пятки, прижимая под собой мои бедра. Синклер откинул голову назад, словно обдумывая форму ленивых облаков над головой, вместо того, чтобы думать о том, как причинить мне боль. Я лежала молча, снова ослепленная солнцем.

— Н-н-нет! — я начала выравнивать дыхание, хоть в голове и стучало от адреналина и голода.

— Да, именно, — он наклонился ниже ко мне, останавливая лицо всего лишь в дюймах от моего. Его жесткая эрекция упиралась мне в бедро. — Если бы ты сбежала, что, ты думаешь, я бы сделал? Ничего?

— Я н-не д-думала...

— Именно. В этом твоя проблема, — он протянул руку и сомкнул ее на моем горле.

Я пыталась расцепить его пальцы, поцарапать их и оттянуть. Он не шелохнулся, и чем сильнее я боролась, тем сильнее он давил. Чувство было такое, словно он сжимал глотку, перекрывая даже малейший поток воздуха. Когда мое зрение начало меркнуть по краям, я расслабилась.

— Я думал, на лестнице четко дал тебе понять. Но, выходит, нет. Что мне нужно сделать, чтобы до тебя дошло? Причинить еще больше боли? Взять больше? — Он пробежал свободной рукой по моему боку, животу, спустившись между бедер.

Я хныкнула, когда он потер шов джинсов на месте клитора.

— Значит, возьму, если это то, чего ты хочешь, если это заставит тебя понять, что теперь ты окончательно моя, — он потер сильнее, распалая жар внутри меня. Желудок сжался. Я не хотела от него удовольствия, не таким образом, но у моего тела были другие планы.

— Я прав, Стелла? — он приблизился ко мне ртом, пока его пальцы продолжали работать. Он был так близко, что я могла почувствовать его тепло и мятное дыхание на губах. — Я хотел тебя с момента, когда увидел. Даже до того, как решил сделать тебя своим Приобретением. Какая ты на вкус? Это очень меня интересует. Я думал об этом некоторое время. Ты бы хотела, чтобы я это выяснил?

Он продолжил пальцами свой с ума сводящий темп, заставляя желание пульсировать там, где его быть не должно, где вместо него должен быть страх и злость. Я не могла остановить неровное дыхание, срывающееся с моих губ.

Он рассмеялся, низко и хрипло.

— Ты и правда хотела бы, чтобы я испробовал тебя, так ведь?

Мои бедра двинулись навстречу его руке по своему собственному желанию, жаждая ощутить больше его. Он замер и моргнул, словно понимая, что именно он делал.

— Дерьмо! — он встал и упал назад, словно я обожгла его. Синклер сел в траве у моих ног, глядя на меня, точно я была гранатой.

Я села прямо, кровь прилила к щекам от того, как я отреагировала на нежелаемое прикосновение. Прикрыв глаза от беспощадного солнца, я увидела молодого парня, на вид едва ли за двадцать, приближающегося к нам. У него были песочно-карамельные волосы, гораздо светлее, чем у Вайнмонта, а его черты, хоть и напоминали кого-то, казались мягче, дружелюбнее. Он помахал рукой.

Чувствуя туман в голове, я ответила тем же жестом, не зная, что делать. Вайнмонт повернулся и увидел вновь пришедшего.

— Тедди, вернись в дом, — это была команда, но в ней отсутствовала обычная враждебность Вайнмонта.

— Что происходит, Син? — молодой человек продолжал свой путь, пока не остановился за спиной Вайнмонта. — Кто она?

— Она не твоего ума дело, — Вайнмонт встал и повернулся к нему лицом. — Иди в дом. Мы вернемся к завтраку через две минуты.

Тедди посмотрел на меня, а затем снова на Вайнмонта.

— Ты уверен?

— Да, уверен. Это мелочь. Поверь мне.

Взгляд Тедди устремился ко мне, без сомнения, оценивая мое растрепанное состояние.

— Ладно, Син, если ты так говоришь. Было приятно повидаться, эм...

— Стелла. Ее зовут Стелла Руссо.

— Думаю, увидимся за завтраком, Стелла, — Тедди нахмурил брови, но в итоге поверил Вайнмонту на слово. Я была рада увидеть, что я не единственная, кто сделал ошибку.

Вайнмонт потрепал парню волосы, когда тот повернулся и побрел к дому.

Вы, блядь, издеваетесь надо мной? Вайнмонт... треплющий волосы парнишке?

— Поднимайся, Стелла. Сейчас же.

Рычание было адресовано мне. Я могла или бороться и пуститься в бега, или уступить. Вайнмонт снова угрожал моему отцу. Я поверила ему. Он был настроен убийственно серьезно. Мысль о том, что мой отец в тюрьме, приковывала меня к месту, напоминала мне, что мне нужно было сделать.

У меня не было выбора. Я отписала его. Побег был инстинктивным. Теперь мне нужно просчитывать шаги, видеть их каким-то образом, чтобы сохранить жизнь моему отцу.

Раздраженно выдохнув, Вайнмонт протянул мне руку.

ГЛАВА 7

СТЕЛЛА

Фарнс поприветствовал нас у двери. Он не сказал ни слова, когда мы вошли, просто по-доброму улыбнулся мне. Я последовала за Вайнмонтом мимо уже знакомой лестницы к главному обеденному залу, в самое сердце дома. Мы миновали столовую, в которой находились прошлой ночью и продолжали идти, пока запах бекона и печенья стремился навстречу.

— Попробуй вести себя нормально хотя бы раз, — раздраженно бросил Синклер и свернул налево в залитую солнцем комнату для завтрака. Стол в ней был меньшего размера, чем в обеденной комнате, и за ним могло сесть человек двенадцать. Тедди, молодой парень со двора, сидел в дальнем конце и болтал с милой на вид горничной. Когда мы вошли, она замерла и поспешила прочь.

— Ты знаешь, что это запрещено, Тед.

— Что? Разговаривать с персоналом? — расплылся в улыбке тот.

— Разговаривать — нет. Все остальное — да. Ты — Вайнмонт. Ты не можешь принижать себя.

Тедди закатил глаза.

— Да ладно, Син. Я просто собирался узнать ее немного. Невелика беда, — он подцепил блинчик и бесцеремонно засунул кусок в рот. Парень указал вилкой на меня и спросил что-то похожее на «кто это?» с набитым ртом.

— Я говорил тебе. Стелла Руссо, — Вайнмонт кивнул мне сесть на место напротив Тедди, пока сам устроился во главе стола.

Та самая горничная внесла две тарелки, на которых по кругу располагались порции овсяной каши, блинчиков, бекона и омлета.

— Если вы хотите что-нибудь еще или что-нибудь другое, пожалуйста, дайте мне знать, — обратилась она ко мне и улыбнулась, показывая свою молодую красоту. — Хотите кофе, чаю, сока или воды?

— Я бы выпила кофе, — моей системе просто необходим был заряд кофеина, чтобы справиться с последствиями побега.

— Да, мэм.

Она ушла и тут же вернулась с кофейником и чашками для меня и Вайнмонта. Спросила о моем предпочтении сливок и сахара, но не спросила об этом Вайнмонта. Казалось, она уже знала его привычки. Закончив, девушка бросила Тедди улыбку и вышла через дверь у него за спиной, как я предположила, на кухню. Тедди подмигнул мне. Это был флирт, уж точно.

— Ладно, теперь мы одни. Скажи мне, что происходит. Ты никогда не приводил женщину на завтрак. Честно говоря, я вообще не думаю, что ты когда-либо приводил женщину в дом, — Тедди сунул еще один кусок блинчика в рот и улыбнулся.

— Тебе следует знать, что она — мое Приобретение, — Вайнмонт принялся большими глотками отпивать кофе, хотя тот был еще горячий.

Тедди выплюнул свой блинчик, почти давась им. Его лицо покраснело, а глаза заслезились.

— Это мы? Наш год?

Я сидела, изучая тарелку, поставленную передо мною горничной. Еда была вкусной и очень желанной. Чувство было такое, словно я не ела несколько дней. Я старалась вслушиваться внимательно в информацию, слетающую с их языков, чтобы найти в ней хоть какое-то удовлетворение для себя.

— Да, — Вайнмонт отрезал кусок бекона и принялся медленно жевать.

— Чем это является на самом деле? Я вроде бы знаю, но не улавливаю всей картины, — Тедди посмотрел на меня, и весь его предыдущий флирт канул в лету.

— Я не собираюсь обсуждать это прямо сейчас. Я самый старший из братьев, так что мне заботиться об этом. Тебе не стоит переживать. Мне не нужно и напоминать, что я хочу, чтобы ты относился к ней с почтением и уважал мои решения, которые касаются нее. Ты понимаешь это, Тедди?

Парень опустил свою вилку.

— Что это значит?

— Это значит, что ты можешь не согласиться или даже ненавидеть вещи, которые увидишь или услышишь, но она — моя ответственность и эти вещи должны быть сделаны.

— Почему?

Вайнмонт сжал переносицу.

— Потому что должны.

— Ладно, но *почему*?

— Черт тебя дери, Тедди! — Вайнмонт ударил кулаком по столу.

Тедди вздрогнул и взглянул весьма встревоженно. Наблюдал ли он такое поведение своего брата прежде? Я могла бы дать ему пару уроков о том, каким он может быть.

Вайнмонт опустил обе ладони на поверхность стола и сделал глубокий вдох. Казалось, он пытался взять себя в руки.

— Позволь мне помочь осмыслить тебе то, что я имею в виду, — он повернулся лицом ко мне. — Стелла, сними одежду и встань на стол.

Я замерла, перестав жевать.

— Что?

— Ты меня слышала.

Я посмотрела на Тедди. Его глаза расширились, кровь отлила от лица, когда он вернул

мне взгляд.

— Не смотри на него, Стелла. Ты — не его. Ты — моя. Ты сделаешь так, как тебе велено, или будешь наказана. Раздевайся. Если только не хочешь, чтобы я позвонил судье Монтанье.

Его угроза подвигла меня к действию. Я встала.

Тедди сделал то же самое.

— Нет, Син.

— Тедди, сядь на место. Тебе нужно усвоить, как все устроено. Я слишком долго с тобой сюсюкался.

Тедди попятился от стола, когда я подняла полы рубашки, стягивая ее через голову дрожащими руками. Слезы жгли глаза и горло, но я делала, как он сказал. Я не могла рискнуть и послушаться.

— Нет, Син, заставь ее остановиться! — паника наполнила мольбу Тедди.

— Сядь. На. Место, — челюсти Вайнмонта крепко сжались.

Тедди послушался. Как и я. Как и все, кто должен, под его крышей.

Расстегнув пуговицы и молнию на джинсах, я избавилась от них. Я сделала глубокий вдох, ненависть к Вайнмонту обжигала грудь, даже если он не смотрел на меня. Он был сосредоточен на Тедди — вот где проходила настоящая битва за контроль.

Оставшись лишь в белье, я поставила ногу на стул, чтобы взобраться на столешницу.

— Я сказал: все, Стелла, или ты не услышала меня? — холодный голос Вайнмонта звучал тихо.

Ублюдок. Всхлипывание попыталось вырваться из меня, но я бы не позволила. Я потянулась за спину и расстегнула лифчик, пока одна слеза скользнула по моей щеке. Внутри я кричала, редела, стонала. Снаружи я была непоколебима. Меня выдавали лишь неравномерно стекающие слезы.

Я сняла лифчик и бросила его на стул, где сидела пару мгновений назад. Тедди отвел взгляд. Трясущимися руками я стянула трусики вниз по ногам и отшвырнула их в сторону.

— Посмотри на нее, Тедди, — обратился Вайнмонт к парню. — Смотри!

Тедди повернулся лицом ко мне, и в его глазах царил страх.

— На стол. В полный рост.

Я отодвинула стул и встала на него, чтобы залезть на стол. Отполированное дерево было гладким и холодным под моими босыми стопами.

— Лицом ко мне, Стелла, — он все еще пялился на Тедди, заставляя парня наблюдать за каждым моим движением.

Больше слез стекало вниз, падая на грудь и скатываясь по животу. Я опустила голову, фокусируя взгляд на столе подо мной. Унижение текло в моих венах, словно кровь, или, может, подобно бензину, оно питало мою ненависть и грозило взорваться в любой момент.

— Теперь ты понимаешь, Тедди? Это ясно?

— Д-да.

— Хорошо. А теперь заканчивай свой завтрак, — Вайнмонт сделал еще один длинный глоток кофе и принялся за свою еду.

Тедди поковырял то, что осталось у него на тарелке.

— Ты просто оставишь ее стоять там?

— Я могу сделать и больше, если хочешь.

Тедди бросил свою вилку.

— Это не то, что я имел в виду, и ты знаешь об этом.

— Это необходимо. Это то, что нужно сделать. Привыкни к этому. — Вот Вайнмонт, которого я познала — холодный и непрощающий. Может, он был прав. Может, чем быстрее Тедди поймет, что его брат — монстр, тем лучше.

Вайнмонт так и не посмотрел на меня. Трус.

У меня за спиной послышался свист. Вайнмонт подался в сторону, но ему не удалось увидеть сквозь меня. Вместо этого он сосредоточился на мне, впитывая мой облик, впитывая всю меня. Выражение на его лице сменилось со злости на что-то еще. Он встал и замер на месте, напряжение исходило от него волнами.

— Люций, рад, что ты к нам присоединился, — взгляд Вайнмонта прошелся по всему моему телу. В его глазах была одержимость, желание.

Мне хотелось скрестить ноги, прикрыть себя как-то. Я знала, что он не разрешит этого. Поэтому я продолжала стоять, позволяя моему падению накрыть меня волнами.

— Так это и есть Приобретение? — спросил мужчина голосом, похожим на голос Вайнмонта, но мягче.

— Да, — взгляд Вайнмонта был все еще прикован ко мне, словно он не хотел отводить от меня глаза.

Я не разрывала зрительный контакт, проклиная его за то, что он сделал со мной. Я надеялась, что он почувствует пламя моей ненависти. Надеялась, что оно превратит в обугленную головешку его и без того черное сердце.

Чужое прикосновение сзади к моей ноге напугало меня, и я отпрыгнула. Стопа сорвалась с края стола. Я рухнула вниз.

Кто-то поймал меня и поставил на ноги. Вайнмонт прижал меня к себе, впечатывая лицом в свою твердую грудь. В этот единственный раз я была рада оказаться с ним рядом, рада быть хоть как-то прикрытой. Его руки казались теплыми на моей коже, а ладони влажными. Он вспотел от моего насильственного публичного выступления?

— Она пугливая, не правда ли?

Я повернула голову. Люций был высоким и носил татуировки, похожие на тату Вайнмонта. На нем была рубашка в синюю клетку с расстегнутой верхней пуговицей и с подкатанными рукавами. Растрепанные волосы были каштанового цвета, немного светлее, чем у Вайнмонта, и темнее, чем у Тедди. Еще один брат?

— Она — моя, Люций. Я всего лишь преподавал урок нашему младшему брату, — голос Вайнмонта прогремел у меня над ухом.

Люций выгнул одну бровь прежде, чем стянуть кусочек бекона с моей тарелки и сунуть его себе в рот.

— Думаю, единственный урок, который ты преподал Тедди, заключался в том, что мастурбация нужна позарез, и прибегнуть к ней необходимо как можно скорее.

Тедди встал с места.

— Я больше не могу выносить эту игру разума. Я уезжаю в город на день.

Он поспешно вылетел из комнаты, оставляя меня завидовать ему.

Люций задержался взглядом на моей заднице — единственной части меня, которая не была прижата к Вайнмонту.

— Она тот еще приз. Думаешь, станешь Сувереном? Я до сих пор не знаю всех правил. Так, к слову.

— Только перворожденный знает правила. Ты всего лишь предполагаешь, — прорычал

Вайнмонт.

Напряжение в комнате стало другим, уплотняя воздух, словно невидимый дым.

— Значит, пора рассказать мне, — Люций нарочно слизал жир бекона с указательного пальца, продолжая пялиться на мою задницу.

Вайнмонт ослабил свою хватку и подтолкнул меня, чтобы я встала позади него. Я начинала чувствовать, что согласна с Тедди по поводу игры разума. Сначала Синклер хотел выставить меня напоказ, а теперь — что? Прячет меня?

— Это будет нарушением правил. Ты не перворожденный.

Я выглянула из-за Вайнмонта.

— Ладно, — Люций пожал плечами. — Я просто получу удовольствие от шоу. Я знаю достаточно из того, что нам рассказывала мама. Это быстро станет увлекательным. Когда бал?

— В пятницу.

— Ты имеешь в виду завтра? Черт, а ты долго ждал, чтобы окольцевать свое Приобретение. — Он развалился на стуле, стоящим рядом со мной. — Лаура!

Симпатичная горничная поспешила в комнату, но остановилась, как только увидела меня. Вайнмонт властно положил руку мне на бедро. Девушка очнулась гораздо быстрее, чем я бы взяла себя в руки в подобной ситуации, и налила Люцию чашку кофе, после чего поставила тарелку с едой перед ним.

— Спасибо, крошка, — улыбнулся ей Люций.

Она поспешила обратно, но бросила еще один обеспокоенный взгляд в моем направлении.

— Я могу доверять тебе в том, что ты будешь держаться подальше, когда дело касается Приобретения? — Вайнмонт впился в меня пальцами.

— Да какая мне разница? Было бы мило, если бы ты поделился, хотя ты никогда не был особенно хорош в этом.

Давление усилилось, он сжимал мое бедро всей ладонью.

— Просто не путайся у меня под ногами.

Люций взмахнул вилок в воздухе.

— Хорошо. Продолжайте свой садизм. Не обращайтесь внимания на мужчину за тарелкой с завтраком.

— Возьми свою одежду, — Вайнмонт отпустил руку, тепло исчезло и оставило мурашки там, где была его ладонь.

Я вышла из-за спины Вайнмонта. Люций наблюдал за каждым моим движением, пока жевал. Я прошмыгнула за него и схватила джинсы, рубашку, лифчик, носки и туфли, но не смогла найти трусики.

Натянула рубашку через голову и поспешно надела джинсы. Как только оказалась в одежде, пригнулась, чтобы посмотреть под стульями и найти хотя бы признак моих трусиков. Их не было там, где я их оставила, и я не смогла найти их на полу.

— Люций, просто отдай их, — произнес Вайнмонт.

— Что отдать? — мужчина пожал плечами и повернулся ко мне. Его глаза были светлее, чем у его брата, небесно-голубого цвета вместо темной глубины, как у Вайнмонта. Люций похотливо подмигнул мне.

Я думала, что невозможно испытывать неприязнь к кому-то больше, чем я испытывала к Вайнмону. Кажется, я ошибалась.

Вайнмонт запустил пальцы в волосы и смачно выругался прежде, чем повернуться к двери.

— Идем, Стелла.

Я последовала за Вайнмонтом, но обернулась у выхода.

— Я еще не принимала душ сегодня. Просто чтобы ты знал.

Люций улыбнулся.

— Ммм. Как раз люблю, когда они немного влажные.

Мразь.

— Ты только поощряешь его, — Вайнмонт подтолкнул меня дальше по коридору.

— Убери от меня руки, — я выдернула свой локоть из его захвата.

— Ладно, — рыкнул он. — Просто иди, блядь, наверх. Я не могу разбираться с этим сейчас.

— *Ты* не можешь разбираться с этим? Ты шутишь?

— Стелла, я тебя предупреждаю, — она надвигался, прижимая меня к стене.

— Я не боюсь тебя, — я попыталась вложить все остатки сил в свои слова. Это было ложью. Я была напугана, сбита с толку, и ощущала себя более одинокой, чем когда-либо.

Его рука тут же оказалась на моем горле.

— Ты и я, мы оба знаем, что это неправда. Поднимись, нахрен, наверх. Сиди там, пока я не приду за тобой, — он сжал мое горло, усиливая значение своих слов, а потом отпустил меня.

Я спаслась бегством от него, споткнувшись о край ковровой дорожки в коридоре. Оглянулась через плечо. Он стоял неподвижно, наблюдая за мной. Я была в одном неверном шаге от того, чтобы он набросился на меня как зверь.

Синклер был хищником по природе. И тогда я поняла. Если он будет действовать инстинктивно, он разорвет меня в клочья.

ГЛАВА 8

СИНКЛЕР

Воспоминание о ее нагом теле было навек выжжено в моей памяти. Я был слаб, так чертовски слаб. Я думал, что заставить ее стоять на столе было демонстрацией силы, способом хоть как-то научить Тедди реалиям нашей жизни. Вместо этого я почти ослепил себя похотью и дал Люцию возможность поглумиться над Стеллой. Она была *моей*, чтобы истязать ее, и ничьей больше.

Я хотел уничтожить каждую гребаную вещь в этом доме, затем неистовствовать по примыкающей территории подобно торнадо прежде, чем поджечь леса. Вместо этого я вышел через парадную дверь на прохладный воздух. Мне нужно было проехаться. Что-то, чтобы очистить разум и сосредоточиться на судах Приобретения.

Я прошел пешком пятьсот ярдов к мастерской позади дома. Два этажа отвлечения. Быстрые машины, даже быстрее, чем байки, и всевозможные инструменты для ремонта каждой из них. Я пробежался пальцами по капоту МакЛарена, думая о том, что он мог бы стать тем, кто унесет меня отсюда, и так быстро, как мне было нужно. (прим. перев.: McLaren — марка производителя спортивных автомобилей, в том числе участвующих в

гонках Формулы-1). Но здешний воздух слишком хорош, чтобы скучать без него.

Я сдернул свою кожаную куртку со стены и вместо него выбрал Эмилию. Это был изумительный американский экземпляр с тюнингованным двигателем для увеличения скорости: мотоцикл, который мы с отцом купили много лет назад. Я перекинул ногу через нее и ударил по газу, заводя ее вручную. Крошка заурчала и завибрировала подо мной. Я вырвался из мастерской, прокладывая путь глубже во владения Вайнмонтов.

Вертолет ждал на площадке слева от меня, когда я промчался мимо. Это не вариант. Мне нужно было оставаться на земле. Было бы слишком просто взобраться на сидение пилота и улететь прочь от дома, от обязанностей, и от моего Приобретения. Я бы не сделал этого. Мне нужно было остаться и провести Стеллу через суды.

Несмотря на неудачи, сломать ее будет просто. То, что я показал Тедди, было лишь пробой, только верхушкой айсберга. Она понятия не имела, что уготовано для нее дальше. Я не был уверен, как далеко зайду, но знал, что должен победить. Проигрыш не рассматривался как вариант.

Я сильнее крутанул рукоять газа, проносясь мимо озера; торчащие тут и там камыши превращались в месиво из коричневого и зеленого, пока я мчался по набережной.

Но то, как она смотрела, как отреагировала на меня в траве, как пахла, как боролась со мной. *Блядь*. Я был в заднице. Мне стоило прекратить думать о ней как о *ней*. Она была моим Приобретением — моим *Приобретением* — и ничем большим. Если я буду мыслить нетрезво и позволю ей подорвать контроль, завтрашняя ночь станет катастрофой. Суверен должен уйти с вечеринки, зная, что мое Приобретение стоит испытания, буквально и образно.

Ранее я никогда не посещал Бал Приобретений, но мама рассказывала многое, пытаясь укрепить меня. Безнравственные поступки в ее историях повергали меня в шок, устрашали. Она не мелочилась, рассказывая, что именно мне придется сделать, чтобы выиграть. В процессе она поведала мне, что ей самой пришлось сделать на протяжении ее года Приобретений. Поведала о том, как умерла часть нее. Она хотела, чтобы я выдержал, чтобы прошел через это без шрамов. Чтобы был сильнее, чем она.

Я замедлил ход посередине набережной, вода мерцала в стороне от меня. Мои мысли направились прямоком к шрамам на запястьях Стеллы и ножу, который она прятала в ночном столике. Я почти забрал его, пока она спала. Мои пальцы прошли по рукояти, по лезвию. Каким-то образом я знал, что это было то же лезвие, которое она использовала на себе. В итоге я оставил его там. Не стоило этого делать. Еще одна ошибка.

Двигатель взревел и байк принялся пожирать дорогу подо мной, пока я проезжал мимо леса и воды. Дикая индюки разбегались, пока я мчался по их территории. Я объехал полный круг по поместью прежде, чем пронестись по извилистой узкой тропинке за пределы ворот.

Приближаясь к узкому проезду между лесом и воротами, я увидел блеск чего-то металлического за прутьями ворот. Машина стояла снаружи, тщетно ища вход в мои владения. Я скривился от идиотизма такой попытки, чистого отсутствия понимания этого визита. Но все равно я знал, что он приедет.

Я свернул вправо, чтобы иметь возможность встать возле широкого края кованных ворот. Когда я заглушил двигатель, вокруг повисла тяжелая тишина.

— Мистер Руссо. Приятно увидеть вас.

Он уставился через прутья и лозу, его глаза были красными и слезились. Не на что было смотреть. Был только я.

— Отпусти ее, — от его дрожащего голоса меня замутило.

— Нет.

— Ты, ублюдок! — парень помоложе выпрыгнул из машины и ринулся вперед. —

Приведи ее или мы войдем.

Я прыснул со смеху.

— Чудесно. Если это все, я лучше поеду. Давление и все такое.

Он схватил решетку и попытался встряхнуть ее. Ничего. Эта ограда могла бы выдержать больше, чем встряску от школьника в костюме для лакросса.

— Дилан, прекрати. Мы не сможем выиграть таким образом.

— Послушай старика, Дилан, — я наполнил слова ядом, который накопился во мне за последние двадцать четыре часа.

— Пожалуйста, — это была слезная мольба от мистера Руссо. — Просто отпусти ее. Я... я отправлюсь в тюрьму по собственной воле, если ты отпустишь ее.

Он жалок.

— Слишком поздно. Сделка заключена. Если это все, что вы хотели мне передать, то мне жаль, но вы впустую потратили свое время. Прощайте, мистер Руссо.

Дилан взорвался криками и солидным количеством ругани.

Я отрезал его крики ревом своего двигателя и оставил их стоять у ворот, пока разрезал воздух по гладкой дороге к дому.

Глупцы.

Она была моей. Никто не мог отнять ее у меня. Даже ее собственная кровь.

ГЛАВА 9

СТЕЛЛА

Остаток дня я провела в своей комнате. Мне некуда было бежать, нечего делать. Я приняла долгий горячий душ. Пока меня не было в комнате — завтракала, пыталась сбежать через газон и выступала нагишом на столе — кто-то пришел и поставил дорогой шампунь в моей ванной. Воображение нарисовало Фарнса, который крадучись ставит коробочку с тампонами, и эта картина вызвала у меня смех. Ну, это было нечто.

После душа я лежала на кровати, остывая, имея лишь полотенце на голове. Я включила верхний вентилятор пультом, лежавшим на прикроватном столике, позволяя прохладному бризу обдувать меня. Одеяла на стенах колыхались от потоков воздуха.

Я была в тепле, относительно сыта, и окружена некоторой безопасностью в этой комнате. Это не стирало беспокойство так сильно, как бы мне того хотелось. Я до сих пор трепыхалась в паутине, даже если шелковые нити, удерживающие меня, были мягкими и прекрасными.

Веки тяжелели, разгоряченное после душа тело и утренний забег затягивали меня в сон. Но я не сдамся. Когда бы я ни закрывала глаза, я видела Вайнмонта. Его злость. Но также что-то еще. Жар, когда он оказался на мне, его руку между моих бедер.

Я знала, что это было греховно. Мне не стоило хотеть этого. Его голос казался медленнodelствующим ядом, впитывающимся в меня, заманивающим мою душу глубже в ад.

Мои соски затвердели, когда я вспомнила ощущение его твердого ствола у моего бедра. *Что я почувствую, окажись он внутри меня?*

Я попыталась выдворить мысль из головы, но пальцы уже пробрались к до сих пор влажной киске. Я подразнила свои набухшие складки подушечкой пальца, отправляя волну потребности через все тело. Я попыталась убрать руку, ненавидя образ Вайнмонта в своей голове, возвышающегося надо мной, ненавидя его чувственный, но жестокий рот.

Как много его тела покрыто татуировками виноградной лозы? Как низко они спускаются?

Мой палец меня ослушался, опустившись ниже, закружив вокруг моего клитора. Бедро приподнималось навстречу каждому поглаживанию, напряжение усиливалось, словно кто-то донельзя натягивал нити. Мое дыхание стало рваным, пока я продолжала ласкать себя, и картина Вайнмонта между моих ног сводила с ума от потребности достичь своего высвобождения. Когда я представила, что его глаза загораются от желания меня и только меня, я не смогла сдержать волну удовольствия. Я прикусила щеку изнутри, чтобы не закричать, хотя все равно издала высокий звук, который нельзя принять ни за что другое.

Где-то поблизости в доме я услышала хлопок, словно с полки упала книга. Смущение и беспокойство охладило мое краткое и пылкое наслаждение. Я прикрылась одеялом. Спустя несколько мгновений мое дыхание вернулось в норму. Я не была окончательно удовлетворена, но голова стала ясной достаточно, чтобы вспомнить, что Вайнмонт был моим врагом, и ничем больше.

Я начала уплывать в полудрему, когда в мою дверь постучали. Усевшись на кровати, я посмотрела на гардеробную, где висела некоторая одежда для меня.

— Это только я, мисс, — произнес женский голос.

— О, входите, — я не знала, кто «я» это была, но она звучала совершенно безобидно.

Ко мне вошла женщина средних лет в элегантной черной униформе с белым отложным воротничком. Волосы были темнее ночи, спускались каскадом по спине блестящей гривой. Если в них и были седые прядки, я не смогла увидеть ни одной. Ей было не больше сорока пяти.

Она улыбнулась тепло и по-дружески, несмотря на отчетливую грусть, залегшую в ее морщинах вокруг темных глаз.

— Добро пожаловать. Я буду вашей личной помощницей на время вашего пребывания в этом доме. Если вам что-нибудь нужно, просто позовите меня. Я — Рене.

— Так это вы положили все те красивые мыльца и шампунь в ванной?

— Да, мэм. Я также взяла на себя смелость заказать некоторую одежду вашего размера. Конечно же, мистер Синклер помог мне выбрать ее для вас.

Я нахмурилась. Мысль о том, что Вайнмонт выбирал для меня одежду, была запредельно раздражающей. Я ему не питомец или кукла, чтобы он одевал меня. Я — его заключенная.

Женщина сложила руки на животе.

— Я знаю, как вы себя чувствуете. Это все немного неприятно, но со временем все сложится в общую картину.

Я стянула полотенце с головы и потерла висок одной рукой, придерживая одеяло другой.

— Вы знаете, как я себя чувствую? Вы рабыня, Рене?

Ее глубокого каштанового цвета глаза зажглись на миг.

— Нет, мэм.

— Тогда я не думаю, что вы хоть приблизительно знаете, как я себя чувствую. Не обижайтесь.

— Не обижаюсь, мэм, — она вернула мне грациозную улыбку, несмотря на мою колкость.

Я вздохнула. Я пробыла Приобретением меньше дня, и некоторые части меня — добрые, нежные — уже раскалывались.

— Простите, — произнесла я, когда она ушла в ванную. — Это не ваша вина.

Это ведь я подписала контракт. Рене не заставляла меня делать этого.

Она вернулась с расческой и села на кровать рядом со мной.

— Вот, — она протянула руки с намерением расчесать мои волосы.

Я подползла к ней, все еще прижимая одеяло к груди.

— Все в порядке. Я была бы больше удивлена, если бы вы не злились, — она начала с кончиков волос, как это всегда делала мама. — "*Путь наименьшего сопротивления*", — мама всегда говорила это, распутывая узелки на волосах, поднимаясь снизу и вверх к корням, пока волосы не становились гладкими.

— Как много таких, как я, здесь побывало?

Рене продолжила расчесывать нежными движениями.

— Сколько Приобретений?

— Да.

— Уверена, что не должна рассказывать этого.

Я вздохнула и позволила подбородку упасть на грудь.

Она понизила голос до шепота.

— У семьи Вайнмонт было только два Приобретения за последние двадцать лет, о которых я знаю. До этого было больше, но я не знаю всех деталей.

— Так мало? Разве это происходит не раз в год?

— Нет, мэм.

— Вы сказали «у семьи Вайнмонт»? Приобретения есть и у других семей?

— Да.

— Но зачем? Какова их цель? — Зачем им это делать? Какова вообще может быть гипотетическая причина принуждения людей ради того, чтобы просто-напросто превратить их в рабов? Может, это станет благом — раб на год, которого содержат и о котором заботятся. Ни работы, ни наказаний, ни плохого обращения. Я потрясла головой. Все это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Страх закрадывался по позвоночнику, пока мой вопрос висел в воздухе. Что-то подсказывало, что мне уготовано больше, гораздо больше, чем я могу даже предположить.

— Просто расскажите мне, почему, — любознательность покинула мой тон, передав лавры отчаянию.

Она колебалась, застыв расческой посередине моих локонов.

— Вы увидите завтра.

— Что будет завтра? — ужас тянул мое нутро вниз, словно якорь.

Расческа продолжила свой ход, разглаживая спутанные волосы по пути.

— Бал Приобретений.

Люций и Вайнмонт говорили об этом бале за завтраком, но я была не в курсе, что собираюсь посетить его.

— Бал? Я — рабыня и пойду на бал?

— Я правда не могу рассказать больше.

Мысли вращались по спирали. Что представлял собой этот бал? Был ли он настоящей, хоть и извращенной причиной, по которой Вайнмонт заставил меня подписать контракт?

Рене потянулась к моей макушке, все еще вытягивая непослушные пряди.

— Вот, думаю, готово.

Она встала, а затем остановилась, замечая фото моей мамы на ночном столике.

— Она красивая.

Я кивнула.

— Была.

— Это ваша мама?

— Да, — я рассматривала фотографию вместе с Рене. Годами пыталась угадать, о чем она думала, почему бросила моего отца и меня таким образом. Я предполагала, что не должна смотреть на нее так строго, учитывая, что я сделала то же самое. Я просто не видела всего, через что она прошла.

— Мне жаль, — Рене с сочувствием опустила руку мне на плечо.

Она легко сжала его и понесла расческу в ванную.

— Я попрошу Лауру принести вам ланч через пятнадцать минут, если вы не против. Или можете спуститься вниз к мистеру Синклеру и мистеру Люци...

— Все в порядке, — мысль о том, чтобы увидеть их в одной обеденной комнате, переворачивала мой желудок.

Женщина слегка поклонилась и покинула комнату. Я надела футболку и какие-то пижамные штаны, и устроилась на мягком сидении на подоконнике, купаясь в тепле полуденного солнца. Деревья уже начинали сбрасывать листья, оранжевые и коричневые коврики начинали стелиться по краям зеленого пространства. Я толкнула окно, чтобы открыть, и впустила прохладный ветерок в комнату. С собой он принес запах травы, деревьев и воды. Я вдохнула, вспоминая, что еще жива. Даже если моя жизнь принадлежала другому человеку на какое-то смехотворное время, я была жива и буду бороться за то, чтобы такой и остаться. Я пробежала рукой по шрамам на запястьях. Я не сломясь. Не проявлю добровольного желания пасть в оковы тьмы. Больше никогда.

* * *

Я просидела у себя до конца дня. Слава Богу, мне удалось уговорить Лауру принести мне какие-нибудь книги из библиотеки внизу. Они были старыми, но стоили прочтения, особенно несколько душераздирающих великолепий, которые она нашла.

Мне хотелось пройтись по дому и исследовать его, но в голове представлялись два рыцаря, скрещивающие мечи передо мной и преграждающие мне путь. Более того, возможность наткнуться на Люция без кого-то поблизости, была риском, который я не хотела испытывать.

К моему облегчению, Вайнмонт не звал меня и не приходил. Он уехал в город, очевидно, по своим делам — обязанностям адвоката государственного округа. Конечно. Я предполагала, что засаживать невинных граждан в тюрьму по ложному обвинению — было постоянной и неблагодарной работой.

КогРостоведа Лаура принесла мне обед, я спросила, не могли ли мне доставить

инструменты для рисования. Она пообещала осведомиться у Рене. Если мне придется провести все время, прячась в комнате, что было моим изначальным планом, значит, мне понадобится многое, чтобы занять себя.

Ночь прошла без инцидентов и даже без намека на появление Вайнмонта.

На следующее утро я уже встала и была одета в легкий свитер и джинсы, когда в мою дверь постучали.

— Входите.

Вместо Фарнса я увидела Рене. Она все также была одета в черную униформу горничной, а ее волосы спадали волнами.

— Доброе утро, мэм.

— Доброе утро, Рене. И, пожалуйста, зовите меня Стелла. Что случилось с Фарнсом?

— Он с мистером Синклером на весь день. А я с вами. Надеюсь, вы не против, — ее взгляд опустился в пол.

— О, нет, нет. Я не это имела в виду. Мне просто было интересно. Я рада снова вас увидеть.

После того, как эти слова слетели с моего языка, я поняла, что они были правдой. Я была рада поговорить с кем-то. Может, я даже могла бы назвать ее другом, если такое возможно в этом новом мире.

Женщина подняла голову, улыбка осветила ее лицо в утренних лучах.

— Я тоже рада вас видеть. Должна признать, я сама попросила, чтобы меня приставили к вам, как только услышала о вашем прибытии.

— Почему?

Она сунула руки в карманы униформы.

— Просто мне кажется, что у нас может быть кое-что общее.

— О, так вы тоже ненавидите Синклера Вайнмонта?

Она захохотала. Это был открытый, приглашающий, ничем не сдерживаемый смех.

— Я явно не ненавижу его, и не верю, что вы можете испытывать это чувство.

Я откинулась на спинку кровати.

— Очень даже могу.

— Ну, в таком случае, у вас будет длинный день и еще более длинная ночь. Я здесь, чтобы помочь вам подготовиться.

— Вы говорили мне о бале сегодня. Так что нам сегодня делать?

— Готовиться, конечно же. Мистер Синклер дал мне конкретные инструкции о том, как он хочет, чтобы вы подготовились. Он заказал вам платье в ночь вашего прибытия, выбрал драгоценности и украшения этим утром, — она подошла ко мне и взяла меня за руку. — Вы будете самым красивым Приобретением, которое они когда-либо видели.

Я вытащила руку из ее захвата, злость курсировала по мне, словно дикий огонь.

— Вам это нравится? Собираетесь представить собственность Вайнмонта на всеобщее обозрение других развращенных людей вроде него?

Рене вернула руки в карманы.

— Я всего лишь пыталась... — она пожала плечами и снова встретила со мной взглядом. — Я не могу переделать контракт. Не могу остановить бал или все остальное из того, что грядет, но я могу помочь вам, если вы мне позволите. Я проведу вас через все до конца года, и тогда вы сможете уйти. Это все, что я хочу сделать.

Честность ее слов вошла в мое сердце, словно нож. Она была права. Я подписала

контракт и теперь связана им. Если она хотела помочь, я проявила бы мудрость, позволив ей. Я всего лишь хотела узнать больше о Приобретении. Так или иначе, мне стоит обзавестись союзниками там, где это возможно.

— Простите меня, Рене. Я просто...

Приободренная моим извинением, она снова взяла меня за руку.

— Я знаю. Как вы и сказали вчера, я понимаю. А теперь позвольте мне отвести вас в спа.

Я почти рухнула назад на кровать.

— В спа?

— Здесь, в поместье, конечно же. Мистер Вайнмонт вызвал профессионалов во всей страны ради этого. У вас будет королевское обслуживание.

Она вывела меня в коридор, и мы спустились вниз по лестнице.

— Что конкретно подразумевает собой спа?

— Сначала завтрак.

Я уперлась пятками в пол и остановилась, несмотря на сердитое урчание желудка.

— Я не хочу их видеть.

— Мальчики уже покинули дом на сегодня. Не переживайте.

— *Мальчики?* Вы имеете в виду двух садистов, которые живут с третьим безмозглым братцем?

Она провела меня в, слава Богу, пустую комнату для завтраков.

— Я знаю их с тех пор, как они пешком под стол ходили, так что все равно считаю их мальчиками.

Рене позвала Лауру, эффективно отрезая мой скептический комментарий видом подноса с завтраком, на котором расположились вкусности.

Рене пригубила кофе, пока я поглощала еду. Если она была права о том, что у меня запланирован грандиозный день, мне точно понадобится хороший завтрак, чтобы запастись силами.

Я аккуратно вытерла уголки рта. Хотя бы с моими манерами ничего не случилось.

Рене закончила со своим кофе.

— Готовы начать?

Я встала и потянулась, как ленивая кошка.

— Ведите.

— Еще одно, — она показала мне холл вниз по коридору, ведущему глубже в дом, где я уже была. — Вы встретитесь с некоторыми людьми. Они нездешние. И не будут понимать, что происходит. Будет лучше для вас, если вы будете разговаривать с ними как можно меньше, чтобы избежать любых неприятных осложнений. Они знают, что вы собираетесь на бал. Придерживайтесь этой истории.

— Так я не должна говорить им, что я — Приобретение и являюсь предметом милости Вайнмонта?

Ее быстрая походка замедлилась лишь на мгновение, но Рене быстро взяла себя в руки и вновь ускорила шаг.

— Именно.

* * *

Спа находился в дальнем крыле дома. Помещение оказалось перестроенной террасой. Стены и потолок были сделаны из стекла, обрамленного сосновыми рамами, что позволяло естественному теплу и свету проникать внутрь. Это была просторная комната с каменным полом, парящей ванной посередине, большой деревянной сауной с одной стороны, и массажными столами с другой. Здесь невероятно пахло, дорогими маслами для ванн и какими-то древесными благовониями.

Нас ожидали двое мужчин и две женщины. Рене вошла первой и представила персонал по очереди.

— Это — Алекс. Он из Нового Орлеана. Он ответственен за вашу прическу и макияж для сегодняшнего вечера.

Передо мной стоял молодой мужчина с ярко-оранжевым, словно мех лисицы, ирокезом, множественными пирсингами в бровях, тенями на веках цветов павлиньего хвоста и разноцветными татуировками на обеих руках.

— Приятно познакомиться с вами, мисс Руссо. Когда я с вами закончу, вы превратитесь в *беллу* бала.

Я взглянула на Рене, вскинув брови.

— О бале знают все, кроме меня?

Алекс опустил свою наманикюренную руку на мою.

— О, нет, милая. Мне пришлось подписать соглашение о неразглашении длинной больше, чем мой чл... эм... длиннее руки, только, чтобы получить эту работу, и я до сих пор не имею понятия, что вас ждет, — он подмигнул мне. — Я всего лишь знаю: что бы это ни было, выглядеть вы будете фантастически.

Рене подвела меня к следующему человеку.

— Это — Джульетта. Она поработает с вашей кожей и сделает маникюр.

— Поработает с кожей?

— Избавимся от мертвых клеток, и я сделаю вашу кожу на вид, как у восемнадцатилетней, — девушка провела пальцами по моей шее и посмотрела на меня, словно изучая под микроскопом. — Не похоже, чтобы вы много загорали. Идеально. После меня вы будете сиять, словно новехонький пенни, — она взяла мои руки в свои и рассмотрела ногти. Они были покрыты нестираемыми пятнами от моих красок. Девушка нахмурилась, а короткие белые волосы упали на пухлые щеки, пока она оценивала повреждения. — С этим придется хорошенько поработать. Возможно, нам придется использовать гель, чтобы скрыть пятна.

— Хорошо, как скажете, наверное. — Я никогда не уделяла особого внимания таким вещам, как ногти.

Она перевернула мои ладони и закатила рукава, рассматривая. Увидев порезы на моих запястьях, она отшатнулась от моих рук.

Ее светлые голубые глаза нашли мои.

— О... простите.

— Все нормально. Это было очень давно. — Я не знала этих людей. И все равно, они для меня были, как и Рене, кто, казалось, хотел мне помочь. Я улыбнулась девушке. — Меня это не беспокоит. Вы можете посмотреть на них.

Она вновь взяла мои запястья в свои руки и провела пальцами по бугристой коже.

— Думаю, смогу использовать пару трюков, чтобы сделать их менее заметными, — она вернула мне улыбку, вновь показавшись расслабленной.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

У следующей женщины были темные волосы, монобровь, и она была самой невысокой из всех в комнате.

— Йонг займется вашей восковой депиляцией.

Я дернулась, обернувшись к Рене.

— Погодите, восковой?

Йонг кивнула и опустила руку мне на плечо, приближая меня, чтобы иметь возможность изучить мое лицо.

— С бровями нужно поработать... с губами все в порядке... хотя я все равно займусь лицом полностью. Остальное выглядит хорошо. Когда в последний раз вы делали бразильскую депиляцию?

Мои бедра невольно сжались.

— Воском? Никогда. Я вообще не использую воск.

Йонг нахмурилась, и ее монобровь, словно темная гусеница, нависла над глазами.

— Вижу. Над этим придется поработать. Когда я закончу, ваша кожа везде будет гладенькой, словно у младенца.

— Э... спасибо. Наверное.

Она улыбнулась.

— Я пойду и приготовлю все. Будет немного больно, но результат вам понравится.

Она вышла через примыкающую дверь, быстро и целеноправленно перебирая своими маленькими ножками.

— А это Дмитрий, — представила мне Рене последнего человека в ряду. В его росте было примерно семь футов (прим. перев.: немного больше, чем два метра десять сантиметров), и, казалось, состоял он из одних только мышц. Голова была побрита наголо, хоть и было видно линию, где темные волосы обильно пробивались на свет. Он взял мою руку, и его здоровенная ладонь полностью поглотила мою.

— Очень приятно познакомиться с вами. — От его сильного русского акцента я едва ли могла разобрать слова. Но, в отличии от других, в его улыбке я почувствовала тепло. Я ценила любое сочувствие, которое они могли предложить.

— И что делаете вы, Дмитрий?

Он отпустил мою руку и протянул свои ладони вверх.

— Массаж.

— Оу, — я с трудом сглотнула.

— Я не причиню вам боли, — он, поощряя, сжал моё запястье. — Ну, может, немножко. Вам понравится. Обещаю.

— Сначала в горячую ванну, — обратилась Джульетта. — Мне нужно, чтобы ваша кожа стала чувствительной и немного размягчилась, — она подступила к массажным столам. — Давайте, забирайтесь в нее. У нас много работы.

— Вы хотите, чтобы я разделась здесь перед всеми? — я посмотрела на Рене, затем на Джульетту, и подняла голову на Дмитрия.

Я скрестила руки на груди. Они могли вымыть меня и разодеть, словно куклу, но я не собиралась расхаживать здесь голой ради их увеселения.

Дмитрий рассмеялся, звук наполнил большую комнату, отчего я почувствовала себя крошечной.

— Ничего нового для меня, мисс Стелла. Но я подожду вон там, если вам так будет

комфортней, — он пожал плечами и вышел в ту же дверь, что и Йонг.

— Не нужно говорить, что это... — Алекс махнул рукой вверх и вниз по моему телу, — меня никоим образом не трогает. Но я все равно побуду джентльменом и посижу в своей мастерской. Мне все равно нужно будет смешать немного больше краски для волос. Думаю, нам стоит придать вашему рыжему более насыщенный клубничный оттенок и, возможно, добавить оттенок... — его слова затихали по мере того, как он удалялся из комнаты.

Рене отошла назад и заняла место у двери прежде, чем вытащить из кармана маленькую книжечку.

— Я останусь здесь на случай, если вам понадобится что-нибудь. Постарайтесь просто расслабиться. Насладитесь этим. Мистер Синклер не пожалел денег.

— Билет из ЛА первым классом и смачный чек, — пропела Джульетта.

Я ухмыльнулась.

— Ну, мы точно захотим, чтобы деньги Вайнмонта того стоили.

Я разделась, не церемонясь, и ступила в пенную ванну в центре комнаты.

— Я встретила с ним всего на пять секунд. Этот мужчина — абсолютная мечта, — Джульетта опустилась на колени в углу комнаты и принялась выкладывать инструменты из своего кейса на колесиках.

Она собиралась использовать все это на мне?

— Ага, если вам нравятся высокие, темные и неуравновешенные психи, — ответила я.

Рене подавилась смешком.

Я скользнула под поглощающее тепло и откинула голову назад.

— Так вы на самом деле собираетесь на бал? — спросила Джульетта.

— Это то, что я продолжаю слышать.

Джульетта издала легкий писк.

— Это так, так восхитительно! И, типа, романтично. У нас нет подобных балов в ЛА. Мне стоило родиться на юге. Как бы я хотела пойти с вами.

— Нет, не хотели бы, — я закрыла глаза и позволила своему шепоту утонуть в пузырьках пенной воды вокруг меня.

* * *

Четыре часа спустя я была передана на поруки Дмитрию. Я лежала абсолютно голая — мое чувство скромности было содрано с меня воском вместе со всем волосяным покровом с моего тела — и позволила его магическим пальцам делать свое дело.

— Вы очень напряжены, *Красивая*. — Дмитрий обращался ко мне на русском, как «красивая». Я не знала, что означает слово на его языке, и честно, мне было плевать, пока его гладкие руки продолжали касаться моего тела и заставляли мои мышцы петь.

Меня очистили скрабом, намазали пахучими маслами, сделали маникюр, педикюр, Рене покормила меня с ложечки, пока сушились ногти, а теперь меня превращали в расплывшуюся лужицу с помощью рук Дмитрия.

— Уже почти моя очередь. Не могу дождаться, — Алекс хлопнул в ладоши, встав рядом со мной. — Знаете, ранее мне не доводилось работать с женщиной, но для вас я сделаю исключение. Вы даже красивая. Если бы у вас был член, я бы сто процентов вас трахнул.

Я ухмыльнулась, пока руки Дмитрия прорабатывали низ моей спины.

— Почему в этой стране столько женоподобных мужчин? В России у нас таких нет.

Только настоящие мужчины. — Дмитрий сдвинулся вниз к моей попке и массажировал от нее вниз по бедрам сильными движениями, словно выжимая из меня стресс.

— Правда? Мой бывший парень как раз приехал из России со своей любовью к мужскому полу. Этот мальчик из Санкт-Петербурга мог чертовски неслабо обработать задницу.

— Неужели? — Дмитрий сжимал и растирал мои бедра.

— В качестве доказательств у меня были оргазмы.

Я застонала, когда руки Дмитрия выгоняли из меня напряжение. Боялась ли я его? Он был богом массажа.

— Ах, слышите это? Вот, что желает услышать настоящий мужчина. Заставить женщину дрожать от желания к нему. Тебе стоит научиться этому. А затем стать настоящим мужчиной.

— Ага, я как раз поработаю над этим, — Алекс похлопал меня по попке. — Далее вы — моя. И я обещаю, в отличии от *настоящих мужчин*... — он спародировал русский акцент, — у меня не встанет, когда мои руки окажутся на вас.

У меня вырвался смешок. Мне было плевать, возбуждался ли Дмитрий с мыслями обо мне, до тех пор, пока он продолжал выдавливать напряжение из всего моего тела вплоть до кончиков пальцев. Мне и прежде делали массаж, но ничего не могло сравниться с этим. Даже близко.

— Как дела у Приобретения?

Голос Люция пустил всю работу Дмитрия коту под хвост, когда мои мышцы сжались.

Дмитрий, скорее всего, почувствовал изменение, потому что со злостью выругался на русском. Его руки собственнически покоились внизу моей спины, когда Люций лениво проделывал свой путь ко мне. Если Вайнмонта можно было назвать методичным серийным убийцей, то Люций был милосердным наемником. Его грациозные движения и тело пловца говорили о скорости и гибкой силе.

Рене встала, спрятала свою книжечку в карман, но не сдвинулась с места.

Я не могла встать, потому что Люций увидел бы мою наготу во всей красе. Он видел лишь мою задницу, снова, что казалось меньшим из двух зол.

— Ты не нравишься Красивой, друг. Ты вмешиваешься в ее удовольствие, — голос Дмитрия звучал осторожным рокотом.

Люций встал рядом со мной, и его черные сапоги — это все, что я видела перед собой.

— Уверен, это не так. Я мог бы дать ей намного больше удовольствия, если бы мы остались наедине в этой комнате.

— Ну, ты не останешься, — Дмитрий обошел стол и встал напротив Люция.

— Что, потому что ты здесь? Наемная пара рук? — Люций опустил ладонь на мок задницу и сжал.

Я попыталась выдернуть свое тело из-под его прикосновения, но мне некуда было деться. Дмитрий сдернул руку Люция с меня. Я сползла со стола и попятилась от них, посылая наготу нахрен.

Дмитрий и Люций неотрывно и неподвижно смотрели в лицо друг другу.

Люций улыбнулся Дмитрию, словно добиваясь перемирия с мощным мужчиной. Вместо того, чтобы уйти, Люций нанес сокрушающий удар в челюсть Дмитрию. Классический удар молокососа. Дмитрий отшатнулся назад. Ярость перекосила лицо русского, и он ринулся вперед, отвечая Люцию ударом в челюсть и заставляя его отступить. Вместо того, чтобы

упасть, Люций, казалось, набрался храбрости и подзарядился от мощного соперника.

Джульетта и Алекс встали по обе стороны от меня.

— Вот теперь становится весело, — произнес Алекс. — Хотел бы я, чтобы у меня не конфисковали телефон. Я бы запостил видео этих двух амбалов и заработал бы на нем.

— Люций! — Вайнмонт поспешно вошел в комнату. Увидев меня, он замер, слегка приоткрыв рот.

Я прикрыла грудь одной рукой, а второй — низ живота, хоть и не очень успешно. Я теперь была абсолютно голой, не оставив ничего воображению.

Люций повернулся и тоже посмотрел на меня, его распутная улыбка вернулась на свое коронное место на его красивом лице. Дмитрий воспользовался возможностью и сделал захват Люция локтем под шею, чтобы перебросить через себя. Они боролись друг с другом, Люций попытался сбросить руку Дмитрия со себя и с силой ударил Дмитрия локтем по ребрам, разрывая хватку русского и ускользая из нее.

Вайнмонт, казалось, пришел в себя и встал между двумя мужчинами.

— Люций, убирайся нахрен отсюда!

— Это и мой дом тоже, Син, — ответил Люций. — Я могу ходить где, блядь, хочу. Мы — братья, забыл? — Он взглянул через плечо. — У нас все общее.

— Это — нет, — прорычал Вайнмонт.

— Посмотрим, — Люций провел большим пальцем по подбородку, вытирая кровь из разбитой губы. Он снова оценил Дмитрия взглядом.

— Ты неплохо дерешься, как для красного.

— А ты неплохо дерешься, как для *девушки*.

— *Я выебу эту девушку прямо перед тобой*, — ответил Люций на русском с четким акцентом, затем снова взглянул на меня.

Дмитрий угрожающе сделал шаг вперед, ярость сочилась из каждой его поры.

Мне хотелось, чтобы он размазал Люция по стенке, чтобы смел эту самодовольную ухмылку с его лица.

Вайнмонт растолкал их по разные стороны.

— Стоп!

— Разве здесь не жарко? Как пить дать, становится горячее, — Алекс обмахивался руками.

— Согласна, — рука Джульетты покоилась на ее горле, пока она наблюдала за мужчинами, язык мелькал в уголках ее рта.

Вайнмонт ткнул пальцем в грудь брата.

— Люций, я предупреждаю тебя. Убирайся.

— Ты не Суверен. Прекрати вести себя так, будто уже стал им.

Вайнмонт приблизился к Люцию и оба мужчины встали практически нос к носу.

— Уймись, Люций.

Начавшееся противостояние длилось несколько мгновений, прежде чем Люций моргнул и отвел взгляд.

— Даже не предполагал, что ты будешь настолько суетиться по поводу Приобретения. А должен был. Ты всегда мог по-королевски обломать наслаждение.

Люций прошел к выходу, но обернулся через плечо.

— Еще увидимся, Стелла.

Алекс выпустил вдох, который задерживал.

— Я бы с ним увиделся. Если быть точнее, я бы хотел увидеть свой рот вокруг его...

— Стелла, ради всего святого, прикройся, — Вайнмонт не сдвинулся с места и неотрывно удерживал свой взгляд на мне.

Йонг выскочила из комнаты для депиляции — или так называемой комнаты интенсивной боли и унижения — и бросила мне полотенце. Я схватила его и обернула вокруг своего тела, чуть не уронив.

Вайнмонт наблюдал за каждым моим движением, словно его тянуло ко мне на каком-то примитивном уровне. Он медленно моргнул и провел рукой по лицу.

— Сколько времени еще нужно, чтобы она была полностью готова?

— Три часа, — ответил Алекс.

— Попробуй уложиться в два. Швея будет здесь с минуты на минуту, чтобы одеть ее. Мне не нужны задержки.

— Хватит говорить обо мне, словно меня нет в комнате.

Вайнмонт повернулся ко мне с яростью на лице.

— Хорошо. Будь готова через два часа. Если ты разочаруешь меня, цена расплаты будет высока, и *ты* заплатишь ее.

Он развернулся на пятках и ушел, оставляя ярость в каждом шаге.

— Это. Было. Насыщенно, — Алекс оперся на массажный стол. — Я бы даже рискнул опоздать, лишь бы получить изощренное наказание. Святой Боже, я и правда хочу БДСМ прямо сейчас.

Джувьетта опустила плечи с облегчением.

— Оба эти красавчика хотят заполучить вас. Вы ведь знаете это, да?

— Первый из них даже не заслуживает взгляда на вас, не то, чтобы наслаждаться вашей киской, — теперь лицо Дмитрия потемнело от новой злости.

— Не переживайте, — ответила я, — моя киска — только моя, если вы имеете в виду это. Кстати, что Люций сказал вам по-русски?

Я не думала, что это возможно, но сердитый взгляд Дмитрия стал еще глубже.

— Он, как вы говорите, уверен, что ваша киска станет его.

— Ну, — Алекс взял меня за руку. — Я, может, и не попробую киску, но у нас есть только два часа сладкая, и вы вся моя.

Дмитрий пробурчал что-то о том, что не закончил массаж, и пообещал, что вернется, чтобы позаботиться обо мне.

Алекс опустил меня в свой стул для работы. Он, словно безумец, орудовал ножницами и спреями, которые пахли скипидаром и переспевшими фруктами. Он складывал фольгу, нагревал, опрыскивал и подрезал локоны, превращая мою голову в триумф красоты. Волосы остались того же рыжего оттенка, но он добавил немного более ярких и немного светлых тонов на разные пряди, чтобы создать целую палитру рыжих оттенков. Он накрутил локоны на крупные бигуди и обрызгал их немереным количеством лака для волос.

Затем он поставил передо мной косметичку, чтобы заняться макияжем. Я была немного взволнована, глядя на его павлиньи тени и яркие губы. Он еще больше усугубил мою тревогу, не позволив наблюдать в зеркало, пока не закончил. Спустя, по ощущениям, час расчесывания, нанесения теней, подводки глаз, выделения губ контурами и нанесения румян, я, наконец, получила свой шанс взглянуть на окончательный результат.

— Вуаля! — он повернул стул и придержал свободно спадающие волосы перед зеркалом.

Я никогда не оценивала свой внешний вид на десятку. Я понимала, что была красивой по большинству параметров, но ничего во мне не выказывало модель или кинозвезду. Когда я посмотрела на то, что сделал с моей внешностью Алекс, в моем взгляде было нечто большее, чем просто любопытство. Он подчеркнул мои скулы и пухлые губы. Придал моим бровям драматичности, выделив их изгиб. Но больше всего он подчеркнул зеленый цвет моих глаз. Они никогда не казались такими яркими.

— Вау, — было всем, что мне удалось сказать.

— Это точно «вау», детка. Именно за это стоит платить деньги. За это лицо, за эти волосы. Ты одна на миллион, уж поверь мне, — улыбнулся он мне в зеркало.

Рене вошла и хлопнула в ладоши перед собой.

— Это... Вы... Я никогда... — она не закончила ни одну из свои реплик, вместо этого издав писк.

Сдержанная горничная выглядела абсолютно по-девчачьи.

— Вы — абсолютное совершенство.

— Ну, спасибо, — Алекс изобразил слабый поклон.

Я засмеялась. Мне начинало нравиться общество моих ассистентов. Я попыталась не думать о том, что могу не увидеть их вновь после сегодняшнего дня. Было тяжело думать о причине, по которой Вайнмонт прислал бы их ко мне снова. Я не могла представить, что отправлюсь на другие балы. По факту, я подозревала, что этот «бал» был чем-то большим, чем казался.

Неважно, чем. Я должна пойти. Мне нужно сделать то, что я должна, чтобы мой отец остался жив и свободен. Пути назад не было, лишь вперед. И «вперед» означало, что мне придется выдержать бал и оставшиеся 363 дня.

— Швея здесь, — Рене успокоилась и кивнула мне присоединиться к остальным в главной комнате.

Швея оказалась миниатюрной женщиной в брючном костюме и балетках, с мелом на пальцах и карандашами за обоими ушами. То, что она принесла для меня, не было практичным платьем, если не сказать меньшего. Оно было пошито под фигуру модели. Я никогда не видела ничего подобного на страницах журналов. Это было длинное платье в пол глубокого изумрудного цвета с открытым декольте, кружевной шнуровкой на корсете, шлейками и юбками, полностью сшитыми из черных перьев павлиньего хвоста.

Алекс резко втянул в себя воздух и подбежал к платью.

— О, Боже мой, Боже мой. Я не видел ничего настолько же обворожительного за все годы моей практики, и, поверьте мне, я видел больше, чем просто какие-то ярмарки. Кто дизайнер и когда у меня будет такое же?

— Дизайнер — я, и уверяю тебя, оно уникально. — Швея окинула меня внимательным взглядом. У меня сложилось отчетливое ощущение того, что она каким-то образом снимала с меня мерки через полотенце. Уголок ее губ приподнялся, словно она была довольна. — Думаю, оно сядет на фигуру почти идеально, только придется собрать кое-где.

Алекс истекал слюной, глядя на платье. Оно было экстравагантным, сверхизысканным. Его хотелось нарисовать и не надевать.

Рене вошла в примерочную, изучая его сверхкритичным взглядом. Я не могла представить, как женщина, носившая только черный цвет, не делавшая макияж, и, казалось, вообще не занимавшаяся своей красотой, могла найти изъян в изделии мечты, висевшем перед ней.

— Думаю, тебе почти удалось, Энид, — Рене постучала пальцем по подбородку. — А где узор лозы?

— На накидке, — Энид щелкнула пальцами, и ассистентка поспешно вошла в комнату, поправив очки на переносице, и катя манекен перед собой. На нем была черная накидка с вышитыми зелеными лозами винограда, которые оплетали весь материал.

— И украшения, — Энид указала на вторую ассистентку, которая стояла ближе. Та держала красный бархатный футляр под рукой.

Энид взяла его и открыла элегантную крышку, ослепляя меня мерцанием. Внутри находилось кольцо с изумрудами с теми же мотивами лозы. Пара крупных сережек с драгоценными камнями дополняли набор.

Глаза Рене заискрились, когда она увидела фантастические украшения.

— Я не видела их двадцать лет, — она потянулась к драгоценностям, словно хотела коснуться их, но всего лишь задержала руку над ними.

Энид ударила ее по руке.

— Эй, мы тратим время. Сбрасывайте полотенце, и давайте оденем вас.

Я переминалась с ноги на ногу.

— Вы принесли белье? Мне нужно сходить в свою комнату и взять какой-нибудь набор прежде, чем я надену это.

Энид уперла руки в бока.

— Вы думаете, я позволю испортить мое роскошное творение какими-то хлопковыми трусиками?

Я в такой же манере опустила руку на свое бедро.

— Я не могу пойти на бал голышом, вы так не думаете?

— Можете и пойдете.

— Что?

— Раздевайтесь, — Энид сжала губы в строгую линию.

— Сделай это, сделай, давай! — Алекс попытался сдернуть с меня полотенце. — Мне нужно увидеть его в движении. Это может убить меня передозировкой восторга, но я умру счастливым.

Я посмотрела на Дмитрия. Он вздохнул, словно надеялся, что я забуду о его присутствии.

— Ладно, ладно. Я не стану смотреть. Даже если вы позволите сделать это женоподобному, — он хмуро посмотрел на Алекса и повернулся ко мне спиной.

Я, наконец, позволила Алексу стянуть с меня полотенце и сделала шаг к облачку из перьев.

ГЛАВА 10

СИНКЛЕР

Где она? Я ждал снаружи дома в черной спортивной машине, слишком взвинчен, чтобы вызывать своего водителя. Мне нужен был контроль во всех его пониманиях.

Отправиться на Бал Приобретений было тем, что я не делала никогда прежде. Всей

подготовки в мире вряд ли хватит, чтобы на самом деле подготовить меня к тому, что грядет. Я пройду через это. Убедиться в том, что Стелла исполнит свою роль — выдержит это — было моей главной целью. Я ухватился за руль, пытаюсь решить, стоит ли мне пойти внутрь и выволочь ее, когда парадная дверь распахнулась.

Рене вышла первой, а затем я увидел ее. Солнце уходящего дня блеснуло в драгоценностях на ее горле, едва ли видимых под черной накидкой, завязанной на шее. Ее платье было выполнено в особенном цвете Вайнмонтов, но Энид превзошла себя в работе с юбкой. Черные перья павлина привлекают к себе внимания больше, чем пары человек. Я надеялся, что одним из них будет Суверен.

Если этого не было достаточно, то лицо Стеллы просто излучало свет. Даже когда она переступила порог, и неуверенность сквозила в ее чертах, она сделала нечто, из-за чего внутри меня щелкнуло. Ее яркие зеленые глаза попытались поймать меня в ловушку, попытались заставить меня чувствовать что-то... но нет. Я не позволю себе.

И все равно я хотел увидеть ее. Всю ее. Черт бы побрал эту накидку. Я представлял, как сорву все с нее, за исключением украшений, и мой член налился кровью под тканью брюк смокинга. *Блядь*. Сейчас не место и не время.

Я собирался взять все, что потребуется, чтобы выдержать эту ночь. Еще больше этого потребуется от Стеллы. Как только все закончится, она не захочет иметь ничего общего со мной. Она, скорее всего, уже чувствовала это после стычки вчера во дворе. Сегодняшний вечер только закрепит сделку. Не то, чтобы у нее когда-либо был выбор. Она сделает так, как я ей скажу. Она заботилась об отце слишком, черт возьми, сильно, чтобы послушаться.

На ней были высокие шпильки. Я представил, как выглядят ее длинные ноги, гладкие и нежные, в одних туфлях. Я поерзал на месте. Огромный русский вышел из-за двери помочь ей спуститься по парадным ступенькам. Он беззаботно улыбнулся, когда она заговорила с ним. Я хотел уничтожить его за то, что он вообще подумал заговорить с тем, что принадлежало мне, уложить его на лопатки и показать, что я могу сделать. Я мог причинить боль, убить. А мог сделать еще хуже.

Стелла сделала последние несколько шагов к моей машине, и русскому ублюдку хватило дерзости открыть для нее дверцу. Она втиснулась в маленькое пространство, подбирая платье и почти падая на сидение.

— Полегче, *красивая*, — сказал он.

Мышцы дрогнули на моей челюсти, когда он назвал ее красивой. Она была моим питомцем. Если кто-то и мог по-особенному называть ее на русском или на любом другом гребаном языке, то это буду только я.

— Увидимся, когда вернетесь, — он закрыл дверь и отошел от машины.

Нет, не увидишься. Я сдал назад и отъехал от дома. Люций стоял за одним из окон нижнего этажа и наблюдал за нашим отъездом. Вообще-то, он смотрел не на *нас*. Его взгляд был сосредоточен исключительно на Стелле.

— У меня от него мурашки по коже, — глаза Стеллы были прикованы к тому же окну.

— Не говори так о моем брате. — У нас с ним была одна кровь. Она была моим Приобретением. Даже если бы я хотел выбивать похотливый взгляд с его лица до тех пор, пока не закончится кровь, некоторые узы были нерушимы.

— Ладно. — Она опустилась на сидении, насколько могла, и уставилась в окно. Я посмотрел на нее, впитывая ее потрясающий профиль. Кремовая, гладкая кожа, аккуратный нос, роскошный изгиб рта. На ее губах красовалась кроваво-красная помада — прекрасное

дополнение к изумрудам на ее шее.

На мне был классический черный смокинг. Мне не нужно было выделяться. Я был всего лишь шумом на заднем плане. Стелла была приманкой, звездой.

Между нами повисла неудобная тишина, пока я жал на газ, мчась по территории и выезжая на дорогу. Бал проводился в поместье Оукмэн, и так было заведено с незапамятных времен. Мероприятие этого года обещало быть еще более экстравагантным, чем в предыдущие года, учитывая, что в этом году Сувереном был Кэл Оукмэн.

Ублюдок уважал наше общество. Его победоносное Приобретение десять лет назад стало железобетонным фундаментом для его позиции в светском обществе Луизианы. Меня не было на том балу, несмотря на приглашение с платиновой гравировкой. Теперь я жалел об этом. По крайней мере, я бы знал, чего ожидать. К счастью, воспоминания моей матери о Бале Приобретений двадцатилетней давности соответствовали действительности. Должны были. Традиция и ритуал были основой целой системы.

— Что должно произойти?

Я проигнорировал ее вопрос. Если я опишу то, чего я ожидаю от бала, Стелла может создать весьма серьезную проблему. Она нужна была мне просто такой, какой была — идеальным, привлекательным, лакомым кусочком, с открытыми и глазами и естественной красотой. Мне нужно было, чтобы ее падение в итоге было показательным. Мне нужно было победить.

Сумерки сгущались, пока мы проезжали по проселочным дорогам мимо обширных поместий, скрытых за стенами деревьев, и темных заводов.

— Я не сбегу, — ее голос был тихим, но уверенным.

— Что? — я переключил передачу, когда мы подъехали ближе к воротам Оукмэна.

— Если ты скажешь мне, что случится, я не сбегу. Я знаю, что бежать некуда, и ты навредишь моему отцу, если я это сделаю, так что просто скажи мне.

Я резко затормозил, и Стелла вскрикнула. Опавшие листья зашуршали под колесами, когда машина остановилась.

— Ты хочешь знать, что самые могущественные люди юга, может, даже всей гребаной страны, сделают с тобой сегодня?

Она скривилась, а затем повернулась ко мне с яростью во взгляде.

— Да.

— Помнишь, я сказал, что причиню тебе боль?

— Да.

— Сегодня боль принесу тебе не только я. Это все, что тебе нужно знать.

Я хотел быть одним-единственным, кто причинит ей боль, кто заставит ее плакать, истекать кровью и кричать. Вместо этого, сраный Кэл Оукмэн возьмет часть обязанностей на себя и часть переложит на зрителей. Она была моей не потому, что я заботился о ней, а потому, что я владел ею.

Я ударил по рулю и повернулся к ней, зажимая ее подбородок между большим и указательным пальцами.

— Тебе просто нужно пройти через все это. Независимо от того, что случится.

Ее вдохи и выдохи ускорились, и она наклонилась ко мне. Накидка сползла на бок, приоткрывая изгиб ее груди.

— Но ты будешь там? Со мной?

Стелла притягивала меня каким-то образом, пока мои губы не остались всего лишь на

расстоянии шепота от нее. Она пахла розовой водой и медом — запах, который я выбрал для нее на сегодняшний вечер. Он должен был опьянить, привлечь людей, но не должен был работать против меня. Ее глаза закрылись, полные губы были готовы к поцелую.

Я снова подводил семью. Стелла была собственностью. Мне нужно было перестать вести себя иначе. Но она лишь усложняла. В день, когда она лежала в своей постели и ласкала себя, издавая тихие стоны и потираясь бедрами о свою руку, мне потребовалась каждая унция силы воли, чтобы не ворваться в ее комнату и не трахать ее до тех пор, пока она не начнет выкрикивать мое имя. Воспоминание направилось прямо к моему члену, еще больше усугубляя ситуацию.

Я вспомнил о ее вопросе. Буду ли я с ней там? Да. Будет ли она рада этому? Нет. Абсолютно нет. Ее губы молили об утешении. Я не могу и стану давать его ей. Я отстранился и демонстративно вытер пальцы носовым платком.

— Ты, наверное, в отчаянии, если думаешь, что я предложу тебе большую безопасность, чем те незнакомцы, с которыми ты встретишься. От меня ты ее не дождешься.

Она отпрянула, обожженная моими словами и действиями. Хорошо. Ей нужно было ненавидеть меня. Так ей будет легче.

Я завел машину и размял плечо. Я так отчаянно хотел выбраться из этого замкнутого пространства, подальше от ее глаз, от ее запаха, ее губ и ее дыхания.

Словно услышав мое желание освободиться, широкие ворота поместья Оукмэн распахнулись перед нами. Несколько машин проехали после того, как их владельцы показали охране особенное приглашение с гравировкой — в этом году оно было сделано из золота. Я вытащил карточку из внутреннего кармана своего пиджака и протянул его, после чего мне махнули в сторону линии деревьев. Дом Оукмэна вырос на горизонте — французский замок, построенный в стиле Версаля. Стелла сделала глубокий успокаивающий вдох рядом со мной. Нервы? Возбуждение? Страх? Что-то из этого, или все вместе, пожалуй.

Я молча посмотрел на нее, пытаюсь успокоить свои нервы так же, как и она. Так много было поставлено на карту. На нее. Она или спасет Вайнмонтов, или разрушит нас. Сегодняшняя ночь станет ее первым шагом навстречу одной из этих судеб.

ГЛАВА 11

СТЕЛЛА

Дом в дубовой роще выглядел зловеще, несмотря на уличное освещение, яркое, словно днем. Пришедшие на бал поднимались по широкой каменной лестнице к открытой входной двери. По мне прокатилась дрожь.

Я почти забралась под кожу Синклеру мгновение назад, но той крупницы контроля, которая была у меня над ним, оказалось недостаточно. Мои губы, мои слова — только этого было недостаточно, чтобы изменить его намерения. Я лелеяла смехотворную надежду на то, что, если смогу заставить его переживать обо мне, он мне не навредит. Я знала, что он не отпустит меня, пока не закончится год. Но, может быть, я могла бы убедить его оставить меня в покое, позволить мне рисовать, разрешить делать что угодно, лишь бы не стоять голой ради его развлечения или потакать его жестоким прихотям.

Но затем он отстранился, возвращаясь к прежней холодной версии себя. В последний

момент я потеряла его.

И если мне не удалось пошатнуть его уверенность, то, что происходило внутри замка, подводило Вайнмонта к грани. Не думала, что есть то, что может заставить его нервничать. Он пытался спрятать это за своей обычной маской, но я четко это увидела. Он многое мог скрыть от меня, но не это. Темные дела, которые поджидали его в этом месте, не вызывали восторга даже у него.

Он остановился возле лакея, стоящего напротив входа. Только сейчас я заметила, что все люди, проходящие мимо машины, были в масках. Я повернулась к Вайнмонту и обнаружила, что он уже надел простую черную маску с узором виноградной лозы, из-под которой, словно осколки темного неба, смотрели синие глаза. Крепко сжатая челюсть, чистые линии — безупречность под внешним спокойствием. Он вытащил куда более экстравагантную маску из-за моего сидения, сделанную из таких же черных павлиньих перьев, как и мое платье.

— Надень ее.

Я натянула ленту с обеих сторон головы и завязала сзади. У Алекса случился бы припадок, увидь он, как я прикасаюсь к волосам. Боль кольнула в груди от мысли, что я больше никогда не увижу моих случайных друзей. После смерти моей матери я мало чем интересовалась, помимо своего отца, рисования и чтения. Не было друзей, которые могли бы заметить мое исчезновение.

Теперь, не принадлежа самой себе, я по-настоящему поняла, насколько бесполезное существования я влачила. Я была абсолютно не готова к миру, к Вайнмонту, к теням, которые грозились истребить последнюю толику жизни в моем теле. Я могла почувствовать ее — темноту, закручивающуюся возле меня, высасывающую воздух из моих легких, словно прожорливый паразит.

Лакей протягивал руку на протяжении неловкой паузы, прежде чем я оперлась о нее и выбралась из машины. На нем была серебряная маска с чёрными линиями узора, напоминающими ветвь дуба.

— Благодарю.

— Рад служить, — ответил лакей. — Добро пожаловать в замок Оукмэн.

— Ни единой царапины, — Вайнмонт бросил ему ключи, а лакей с легкостью их поймал.

Мой спутник обошел автомобиль и предложил мне свою руку. Я бы отказалась от его помощи, если бы не слишком высокие каблуки на туфлях, ленты которых были завязаны на моих ногах. Если на то пошло, мне понадобится помощь, чтобы взобраться по этой широкой лестнице, если я не хочу сломать себе шею.

Я отбросила накидку с руки и взяла его под локоть. Тепло просачивалось через ткань его смокинга и впитывалось в мою руку. В этих туфлях я была почти на одном уровне с ним и могла прямо посмотреть ему в лицо, несмотря на маску, скрывающую его от меня. Челюсть была накрепко сжата, а в его напряжении читалась принужденность.

Мы начали подниматься, пока люди толпились вокруг нас. Я пыталась подслушать кусочки разговоров.

— ... выбрал в этом году?

— Я слышала то же самое! Кэл, очевидно, очень заинтересован в новых Приобретениях, настолько, что....

— Надеюсь, Визэрингтон победит. Вы видели его старшего? Он до сих пор не женат...

Кровь отхлынула от моего лица. Кончики ушей сковало холодом. Я остановилась, хоть Вайнмонт и пытался утащить меня за собой.

— Какого рода это соревнование?

Пара в масках рядом с нами обернулась.

— Ее первый бал, — добродушно пояснил Вайнмонт.

— О, дорогая, это покажется вам вишенкой на торте! — женщина в сверкающей маске с неестественно длинным носом взяла мою вторую руку.

Они с Вайнмонтом сопровождали меня вверх по лестнице.

— Этот год будет особенно интересным, — завибрировал ее голос по другую сторону от меня. — Три семьи — лучшие из лучших. Самые сливки общества. И Кэл станет самым великолепным мастером церемоний, которого мы когда-либо видели, если его Приобретение о чем-то говорит. Он на самом деле поставил высокую планку в этом году. Вы слышали, что он запланировал на сегодня?

— Не портите ей впечатление, — сказал Вайнмонт с улыбкой в голосе. — Я хочу, чтобы она сама все увидела.

Я прокляла его про себя за то, что оборвал поток информации, который был так нужен мне.

Мы достигли самой верхней ступеньки и встали в очередь за остальными парами.

— В таком случае, я больше не скажу ни слова. Увидимся внутри. Хотя, открою только одну тайну. Приобретениям этого года придется гораздо хуже, когда все закончится.

С этим он хихикнула и присоединилась к вечеринке.

Я пошатнулась на каблуках, в моих глазах потемнело. Кровь зашумела в ушах. Вайнмонт удержал меня и обвил рукой мою талию, притягивая к своему боку.

— Соберись, Стелла, — его голос звучал низко.

— Всего лишь скажи мне, что произойдет, — отчаяние окрасило мои слова, только намекая на панику, поднимающуюся у меня в груди.

Он неумолимо продолжил вести меня вперед. Ужас поднимался во мне, угрожая отнять слабое подобие контроля, который у меня был. Мне хотелось кричать, бежать, делать что угодно, только не заходить в этот дом с монстром, идущим рядом со мной.

— Прошу, Синклер, пожалуйста.

Он окаменел, когда я использовала его имя. Прижав меня к себе, он позволил остальным пройти вперед.

— Черт подери, Стелла, — его голос донесся до меня низким рычанием, когда глаза сверкнули за черной маской. — Прекрати задавать вопросы. Не смей разговаривать, пока с тобой не заговорят. Поняла?

— Я прекращу задавать вопросы и перестану говорить, если ты ответишь на этот единственный вопрос. Просто скажи мне.

Он притянул меня ближе, притворяясь, что мы обнимаемся, без сомнения, исключительно для любопытных глаз других пришедших.

Его рот оказался у моего уха.

— Я утаил это от тебя не без причины, Стелла.

Вайнмонт коснулся рукой моего горла, затем скользнул на затылок движением, выражающим абсолютную власть.

— Они пометят тебя, — он пробежал пальцами по коже у меня на затылке, провоцируя жар, разрывающий мое тело всего лишь прикосновением. — Здесь.

Его вторая рука скользнула под накидку к открытому месту на спине. Пальцы заиграли на обнаженной коже.

— И здесь.

Я дрожала так сильно, что он распрямил ладонь на голом участке моей спины и прижал меня к себе вплотную.

— Я предупреждал тебя, Стелла. Я не хотел, чтобы ты знала наперед. Страх — твой враг. От страха ты почувствуешь боль сильнее, чем должна. А теперь посмотри на себя. — Он скользнул рукой вверх по моему позвоночнику. — Дрожишь передо мной, перед тем, кто украл тебя из твоей жизни, перед тем, кто собирается отнять у тебя все. Ты подлизываешься к пауку, к которому питаешь отвращение.

Его губы едва коснулись мочки моего уха, и странный жар снова запульсировал в моем теле, прожигая путь прямиком к моему центру. Его зловещие слова распалили во мне не страх. Они заставляли меня нуждаться в нем, нуждаться в том, чтобы его язык занялся другими вещами, кроме как грозить мне болью.

Я знала, что должна бояться. И боялась. Но не его.

Он провел рукой по моему телу и подразнил мой сосок большим пальцем. Глубоко в его горле зародился низкий стон. Накидка прятала его движения, но каждое прикосновение я ощущала очень четко. Когда он обхватил мою грудь ладонью и сжал, я задержала дыхание.

— Ты бы позволила мне трахнуть тебя прямо сейчас, не так ли? Перед всеми этими людьми. Прямо здесь. — Он отпустил мой затылок, схватил за руку и направил ее прямиком к своему паху. — И ты бы приняла его.

Мое сердце забилось быстрее. Я скользнула ладонью по его длине и он бедрами дернулся моей руке навстречу. Я не могла думать, не могла тратить свои мысли на страх в то время, пока он создавал ад, выжигающий мои самые сокровенные места.

— Да, — выдохнула я. — Позволила бы.

— И я бы тебя взял. И возьму. Но не здесь. Сначала дела. Пройди через это, и я гарантирую тебе вознаграждение, — с этими словами он отпустил меня и сделал шаг назад. Это был уверенный твердый шаг, но в глазах читалась необузданность.

Моя кожа нуждалась, требовала его прикосновения и чего-то большего. Что со мной было не так? Я *ненавидела* Вайнмонта. Может, из-за того, что я сделала с собой в прошлом. Может, я чувствовала, что заслужила какое-то наказание за свою слабость в прошлом? Я не знала. Все, что было мне известно, это то, что я хотела, чтобы он вновь разжег пламя во мне, заставил гореть для него, и не важно, какой ценой.

Он снова протянул мне руку. Я взяла ее и позволила вести меня в сверкающий зал замка Оукмэн.

* * *

Нас встретили мужчины в масках и предложили забрать мою накидку. Вайнмонт отклонил предложение и провел меня далее вглубь дома. Внутри все светилось и шумело от разговоров и звона посуды с выпивкой. Официанты в масках арлекинов сновали между присутствующими, предлагая напитки и забирая пустые стаканы.

С подносом, уставленным бокалами с шампанским, один из них подскочил к нам.

— Нет, спасибо, — ответила я.

Вайнмонт взял два бокала и вручил один мне.

— Вышей. Это поможет.

Я сделала глоток. Затем еще один, пока мы проходили дальше. Все сверкало от золота и ослепляло своим блеском. Десятки люстр висели в ряд на высоком потолке, а стены были расписаны изысканными рисунками романтизированных сцен старого юга. Они отображали былую историю, кровавое и жестокое прошлое которой скрывала под собой светлая краска.

Я указала бокалом на картины полей хлопка и улыбающихся рабов.

— Это отвратительно.

— Благодарю за твою невероятную критику предметов искусства. А теперь пей, — убедительно настоял Вайнмонт.

Я сделала еще один большой глоток шампанского, отчего внутри стало тепло. А затем сладкий алкоголь закончился. Вайнмонт передал мне второй бокал.

— Прикончи его.

Я сделала, как было велено, внезапно чувствуя жажду и голод. Ланч из рук Рене, казалось, я ела несколько дней назад.

— Хорошо, — он передал бокал ужасному официанту, одетому как Арлекин в плачущей маске. Она напоминала череп, даже если колокольчики радостно звенели на его короне.

То, что звучало, как большой симфонический оркестр, начало играть где-то в глубине дома. Мы с Вайнмонтом попали в поток людей в масках, некоторые из них в красивых одеждах, казалось, попали с корабля на бал. На мужчинах были солидные черные костюмы, и единственное, что их отличало друг от друга, это маски на их лицах. Некоторые были обычными павлинами, а другие носили простые черные маски. Толпа гудела, пришла созданная чем-то эйфория, вызывая энергию предвкушения.

Какой-то мужчина дернул за край моей накидки и уставился сверху.

Я поежилась, попятившись к Вайнмонту.

Незнакомец, казалось, не заметил, или ему было плевать.

— Вайнмонт, я полагаю?

Гул музыки становился громче, завывание скрипок эхом отразилось в широком мраморном коридоре, затем звук дополнили остальные инструменты.

— Да, — Вайнмонт притянул меня к себе, заставляя незнакомца отпустить мою накидку.

Тот улыбнулся, глаза заискрились под маской полуночного синего цвета.

— Поскольку в семье Вайнмонт нет наследников женского пола, ты, должно быть, Приобретение.

— Я всего лишь...

— Она — моя. Отъебись, Чарльз. — Вайнмонт усилил свою хватку у меня на талии, прижимая и без того облегающее платье сильнее к моему телу.

Незнакомец прыснул со смеху.

— Я тоже рад тебя видеть, Синклер, — он снова уставился мне в глаза. — И я с большим нетерпением жду, когда увижу всю тебя. В скором времени.

Пол качнулся подо мной. Единственное, что удерживало меня в вертикальном положении — рука Вайнмонта у меня на талии. Он был тюрьмой из плоти и крови. Моей собственной клеткой.

Незнакомец — Чарльз — отпустил меня и прошептал что-то женщине рядом с ним на ухо. Она нахмурилась, глядя на меня, оценивая критическим взглядом с ног до головы, ее маска ярко-малинового цвета превратила ее в злобное существо.

Оркестр заиграл какую-то изысканную мелодию, такую, какие пишут для оперы или симфонического оркестра, но не для подобного бала. Она настолько не вписывалась сюда, что мне хотелось рассмеяться. Я подавила свой смешок и отвернулась от малиновой суки.

Я проигнорировала бесценные полотна, украшающие стены, и красивый орнамент двери, и гобелены. Вместо того, чтобы позволить великолепию дома успокоить меня, я всматривалась в скрытые масками лица, многие из которых теперь пялились на меня в ответ, так как прошла молва, что я — Приобретение, что бы это ни значило. Я была настолько редкой? Сколько Приобретений здесь побывало?

Хоть свет озарял каждую поверхность и рассыпался по ярким стенам и полированному полу, я была в ночном кошмаре. Дом был всего лишь позолочен — золото скрывало гнилую сердцевину. Меня окружали упыри, где каждый хотел полакомиться кусочком моей плоти. Блеск и гламур абсолютно не скрывали их истинной сущности. Даже маски не могли сделать это.

Быстрый ритм моего сердца резонировал в ушах, заглушая даже мягкое звучание инструментов. Вайнмонт не остановился, не сказал ни слова, только продолжил двигаться. Двигаться к тому, что для меня оставалось неизвестностью. Мы прошли через ряд широких дверей и вошли в бальный зал. Пол из светлого дуба сверкал, как и все остальное в этом порочном поместье.

В центре стояла большая платформа, возвышающаяся над головами пришедших. Круглая форма и цвет золота. Бутафорский дуб был установлен в ее середине, искусственные зеленые массивные листья тянулись к потолку, который был примерно в сорока футах над нами (прим. перев.: двенадцать метров).

Вайнмонт провел меня через толпу, приближаясь к дереву. Мне хотелось врезаться каблуками в пол, остановить его решительный рывок вперед. Толку не было. Чем ближе мы подходили к платформе, тем громче мой инстинкт кричал мне бежать. Что-то металлическое, тянущееся вдоль ствола, привлекло мое внимание, и колени почти подвели. Три пары серебряных кандалов свисали с ветвей дерева над нашими головами.

— Нет.

Я оттолкнулась от Вайнмонта.

— Успокойся, — он изменил курс и повел меня вокруг дерева, приближаясь к оркестру.

Еще одна платформа была установлена в дальнем конце комнаты, возле больших окон от пола до потолка. На ней стояло трое мужчин, перед каждым находился столик высотой до колен. Ни на одном из них не было рубашки. Каждая обнаженная мышца их тел была покрыта татуировками — голых женщин, черепов, трайблов, даже цветов. Один из них, в маске Гоблина, казалось, нашел меня и Вайнмонта в толпе.

— Он пялится на нас, — сказала я. — Гоблин, вон там.

— Все пялятся на нас.

Вайнмонт подвел меня к Гоблину. Я не хотела идти, но и не хотела пятиться от него, чтобы не подходить к дереву. Мы остановились посередине, между двумя платформами, но слишком близко к дереву, к моему огорчению.

Оркестр внезапно умолк, и зал полностью поглотила тишина. Все маски повернулись к платформе, на которой стоял мужчина с распростертыми руками, держа в одной из них микрофон. Кто-то работал наверху, направив освещение на очевидную звезду шоу. Его маска напоминала узор из дубовых листьев, таких же, которые венчали верхушку дерева на платформе.

— Добро пожаловать на двадцать пятый бал Приобретений! — прокричал он в микрофон.

Толпа ответила ликованием, и все зааплодировали, словно на открытии скачек в Кентукки.

После оглушительного взрыва оваций мужчина поднял руки, чтобы унять толпу.

— В этом году у нас прекрасная тройка конкурентов. — Он обвел взглядом толпу под ним, явно создавая шоу. — Хотя не такие невероятные, как в год победы моего Приобретения. Перед вами победитель Кэл Оукмэн!

По залу, полному хищников, пронесся смех. Вайнмонт не хлопал и не смеялся, всего лишь стоял рядом со мной. Напряжение было выгравировано в его осанке, так же, как и страх в моей.

— Для меня стало честью быть вашим Сувереном на протяжении последних десяти лет, и я с удовольствием могу сказать, что трое перворожденных, избранных для Приобретения в этом году, пополнят наследие Суверенов, которое я оставляю позади. Теперь, без дальнейших разглагольствований, давайте представим семьи Приобретений.

Толпа снова заревела.

Перворожденные для Приобретения были *избраны*? Вайнмонт не сам вызвался разрушить и унизить меня? Конечно, сам. Он был жестоким мужчиной, который наслаждался моей болью. Разве не так? Я больше не могла сказать, что было настоящим. И почему их было трое? Я осмотрелась вокруг. Из всех этих масок только двое могли быть моими союзниками.

— Первый. Роберт Иглтон. Поднимайся, Боб, и покажи нам, что ты привел с собой!

Кто-то начал пробираться через толпу справа от нас. Лысеющий мужчина средних лет в маске орла вел за собой еще большего мужчину, на котором была такая же маска. Они поднялись по ступенькам на платформу и встали под софиты рядом с Оукмэном. Лысеющий мужчина запыхался, но тот, что повыше и моложе просто стоял и наблюдал за толпой внизу.

— Хорошо, Боб, поведай нам, что у нас сегодня, — Оукмэну нужно было взять на себя роль ведущего шоу. Он протянул микрофон Бобу.

— Это, ну, это Гэвин. Он мое... эм... Приобретение. И мы победим в этом году, — Боб выдохнул с облегчением, словно прошел сложнейшую часть.

— Вы все готовы к первому разоблачению?

Еще один холодящий кровь рев толпы. Или, может, это пузырьки шампанского заставили мой мозг думать, что этот рев охлаждал кровь.

Оукмэн снял маску мужчины. Ему, казалось, недавно исполнилось двадцать, у него были темные глаза, бледная кожа, короткие коричневые волосы, и его красоту можно было рассмотреть даже с расстояния. Толпа зашебетала, а кто-то даже присвистнул.

— Кажется, это вызов, — Оукмэн захлопал в ладоши, отпуская Боба и Гэвина со сцены.

— Следующий — Визэрингтон. Рэд, ты здесь?

Послышалось больше оваций.

Еще один мужчина пробирался через толпу с противоположной стороны платформы. За собой он тащил женщину в маске из перьев, практически заталкивая ее на платформу.

Мужчина — Рэд — взял у Оукмэна микрофон.

— Это Брианна, победитель бала Приобретений в этом году.

Рэд сорвал с нее маску, открывая маленькую напуганную блондинку. У нее были огромные глаза, и она заметно дрожала под софитами.

— О, боже, — Оукмэн сделал шаг назад и осмотрел девушку с ног до головы. — А у нас будет напряженное соревнование, если вы понимаете, о чем я!

Гул и свист, смешанный со смехом, эхом взорвали зал.

— Мы следующие, — голос Вайнмонта прозвучал у меня над ухом, каждый слог приправлен твердой решимостью. Даже самый слабый признак теплоты, которую он показал мне снаружи, исчез. Он отпустил мою талию и взял за руку. У него была влажная ладонь — единственный признак того, что он нервничал.

Брианна и Рэд ушли с платформы.

— Теперь последний, но не менее значимый. Вайнмонт. Советник Синклер, покажи свой товар!

Он зашагал вперед, уверенность царила в каждом движении, и он повел меня за собой. Дерево возвышалось впереди, оковы сверкали на свету. Плохое предчувствие росло внутри меня и вытесняло голос из тела вместе с сердцем и душой. Я последовала за ним. Больше некуда было идти.

Мы поднимались по одной ступеньке за раз, и каждый шаг прибавлял вес на моих плечах и камнем тяготил мой желудок. Наконец мы встали рядом с Оукмэном. Все внизу сверкающей сцены покрыл черный туман. Софит казался ослепляющим солнцем, сосредоточившим свои лучи на мне, словно жестокий ребенок с увеличительной линзой.

— Ее зовут Стелла, но не то, чтобы это имело значение. — От Вайнмонта веяло холодом, а его слова льдом сковали мой разум.

Он развязал маску и сдернул ее с моего лица. Затем снял накидку, после чего кожу начало покалывать от внезапно появившегося воздуха. Коллективное «ах» донеслось из толпы, после чего загромыхали аплодисменты.

— О, боже, боже. Синклер, ты знаешь, что я всегда была падок на рыжеволосых. И это очень большой шанс пройти.

— Вот, что я скажу, Кэл. Когда я стану Сувереном, то буду присылать тебе по одной рыжей каждую неделю, — ответил Вайнмонт хриплому смеху толпы.

— Мне нравится твоя уверенность. Я положил глаз на эту рыжую, леди и джентльмены. Теперь давайте начнем вечеринку. Время меток!

Оркестр начал играть, и Вайнмонт помог мне спуститься с платформы. Лишившись маски и накидки, теперь я чувствовала себя обнаженной. Гоблины косились, пока мы проходили мимо них. Вайнмонт пропихивал меня через прижимающиеся тела.

Что, *время меток*?

Он снова вел меня к татуированному Гоблину. Мужчина-Приобретение, Гэвин, уже был без рубашки и лежал на животе, пока один из художников делал ему татуировку перед всеми зеваками в масках.

— Больше, — указал Боб.

Мастер кивнул и продолжил от руки рисовать орла на лопатке Гэвина.

Оркестр изменил мелодию на вальс, и многие из пришедших разделились на пары для танца, юбки закрутились, смех смешался с музыкой.

Рэд подвел свое Приобретение, Брианну, к одному из столов и толкнул ее в спину вниз. Он стянул шлейку ее темно-фиолетового платья вниз, так что ее левая грудь теперь была открыта взорам.

— Вот здесь. Мое имя.

Она с силой зажмурила глаза, напряжение читалось во всем ее дрожащем теле. Я

сделала неуверенный шаг к Рэду, готовая двинуть ему коленом в пах. Прежде, чем у меня был шанс, железная хватка Вайнмонта сомкнулась на моем предплечье, и он пихнул меня на платформу в такой же грубой манере. Толкнув в спину, он уложил меня на стол перед Гоблином.

Жужжащий звук двух других тату-машин, смешанный с хныканьем бедной Брианны, достиг моих ушей даже через волны музыки.

— Что это будет, Син?

Гоблин знал Вайнмонта?

— Традиционное «V», — ответил Вайнмонт.

— Где?

— Здесь. — Рука Вайнмонта смахнула волосы с моего затылка и позволила им ниспадать с плеча каскадом кудрей. Он сдвинул изумрудное ожерелье вверх. Затем его холодный палец прочертил «V» на моем затылке.

— Сделаем.

У меня никогда не было татуировки. Я думала о ней множество раз, но никогда не решалась сделать что-то конкретное. Я привыкла отдавать свое тело искусству, но не намеревалась сама им становиться. А теперь татуировку мне делали насильно. Больше ничего не было моим выбором. Я отписала такую возможность.

В миллионный раз с начала этого испытания я представила своего отца. Он сидел у огня в своем любимом кресле — в безопасности, в тепле, без сомнения грустный, но живой. Я сделаю то, что должна. Я покрою татуировками все свое тело, если это спасет его.

Несмотря на понимание того, что эта жертва того стоила, я хотела перестать чувствовать, прекратить испытывать ужас от того, что происходит. Но не могла. Я осязала холод стола подо мной, чувствовала взгляды людей в масках, которые наблюдали за тем, как меня «помечали», и ощущала Вайнмонта, стоящего рядом со мной, который, без сомнения, наслаждался моей деградацией каждую секунду.

Гоблин наклонился и прошептал мне на ухо:

— Будет больно, но я сделаю ее красивой настолько, насколько смогу.

— Спасибо.

Я только что поблагодарила своего мучителя?

Близкое жужжание донеслось до моего слуха. Я сжала ладони в кулаки, когда первый болезненный укол коснулся моего затылка.

— Хорошая девочка, — сказал Гоблин. — Просто расслабься. Я быстро. — Последовало еще больше жужжащей боли, которую подчеркнул Рэд, кричащий Брианне «закрыть ее ебанный рот». — Ну, по крайней мере, все девушки говорят, что я быстро.

Жестокость, приправленная шуточками о сексе. Вот, чем стала моя жизнь. Я закрыла глаза и позволила рукам свеситься, костяшкам коснуться пола, когда больше боли скрикошетило по моему позвоночнику. Я была Приобретением, собственностью Вайнмонта. Ничем больше. Он позволит Гоблину сделать метку на моей коже. Ему было плевать. Он так и остался хладнокровным пауком, которым я его знала с тем самых пор, как увидела впервые. Теперь я попала в его паутину, поймалась и барахтаюсь, пока он медленно съедает меня. Как он выиграет это соревнование? Что подразумевала под собой победа? Мою смерть?

Я позволила боли течь во мне, захлопнуть в ловушку мое сердце. Я накоплю ее, буду питаться ею, позволю ей набраться сил и окрепнуть, пока она не превратится в ярость. А

затем я выпущу ее на волю и поставлю Вайнмонта и остальных, проклятых жизнью людей, здесь на колени.

ГЛАВА 12

СИНКЛЕР

Ее тело обмякло. Она сдалась. Тони продолжал свою работу, изображая даже лучшее «V», чем то, что красовалось на моей груди. Он был моим личным тату-мастером. Его мастерская в Мобайле была событием на юге. Люди приезжали изо всех уголков страны, со всего мира, только чтобы носить его работу на себе.

Когда он закончил последние шипы, выполняя их в таком же глубоком зеленом цвете, как и мои, я наклонился и добавил дополнительную деталь.

— Я хочу маленького паука, — я указал на место внутри сплетенных лоз. — Вот здесь.

Я прошептал это достаточно тихим голосом, чтобы Стелла не слышала сквозь музыку и гудение машинок. Она всегда считала меня пауком. Теперь я останусь на ее теле навечно.

— Чувак, а мне нравится, — Тони сменил чернила на насыщенный темно-красный цвет и дорисовал маленький акцент. — Мило.

Один из станков прекратил гудеть. Девушка-Приобретение Рэда села и отдернула платье назад, прикрывая голую грудь. Я почти пожалел ее. Демонстрация такого малого количества обнаженной кожи — ничто по сравнению с тем, что последует.

Мне стало еще больше жаль девушку из-за броской татуировки, которую Рэд выбрал для нее — его имя ярко-красными чернилами с синим пламенем, лижущим буквы. До чего же убогим образом ублюдок решил искалечить красоту этой женщины.

Я покачал головой. Нет, Рэд вцепился зубами в игру. Разрушение было целью. Я стоял здесь и убеждался, что клеймо Стеллы было произведением искусства, а не чем-то, чтобы испоганить ее идеальную кожу. Я слишком много раз говорил себе прекратить думать о ней, как о человеке. Но вот он я — снова делаю это, позволяя своему члену руководить мной.

Я уже уступил ей, пообещал вознаграждение, если она переживет сегодняшнюю ночь. До чего же это было глупо. И все равно, если это сработает хоть немного, чтобы держать ее в узде, оно того стоило. Все это было спектаклем. Мне нужно было, чтобы семьи, и особенно Кэл, ушли сегодня отсюда с уверенностью, что именно я — кандидат на пост следующего Суверена.

Приобретение Боба было не лучше, чем Приобретение Рэда. По крайней мере орел на спине парня заключал в себе не много мастерства. Работа была ничем по сравнению с работой Тони, но выглядела гораздо лучше, чем карикатура на груди Брианны.

— Хорошо. Она готова. — Тони откинулся назад и восхитился своей работой, прежде чем втереть немного мази в кожу Стеллы.

Бессмысленная попытка. Татуировка была наименьшей из ее забот.

Стелла села ровно и окинула меня самым злобным взглядом, который я только видел на ее лице. Даже после того дня во дворе она не смотрела на меня с такой ненавистью.

— Вот, мой ангел, проверь в зеркале. Все не так уж и плохо.

Тони передал Стелле зеркало и придерживал второе у нее за спиной, чтобы она могла

рассмотреть дизайн. Ее ярко-красные губы открылись.

— Эта Богом проклятая «V»? И что это за красная херня? Похоже на... — Ее взгляд метнулся к моим глазам. — Паука.

— Да, в самом деле, — Тони забрал у нее зеркало и начал собирать свой тату-набор.

— Прощай, Тони, — сказал я. — Деньги уже на твоём счету.

Тони вскинул голову вверх и осмотрел комнату.

— Уверен, что мне нельзя остаться и посмотреть, смогу ли я убедить хоть одну из этих цыпочек в масках поехать со мной домой?

Тони и понятия не имел, что грядет. Я сказал ему, что это будет светская вечеринка с наемным персоналом и развлечениями, где Стелла и другие Приобретения как раз и были этими самыми развлечениями. Он думал, что все это было по согласию и превратится в ночь веселья. Если он останется подольше, то узнает, насколько здесь все происходило «по согласию». Я не хотел отталкивать одного из лучших друзей, которые у меня были, а ничто так не отталкивает, как рабство и избиение кнутом.

— Нет, друг мой. Без обид, но у тебя нет ни шанса с этими цыпочками. Ну, по крайней мере, если только твой банковский счет не больше, чем я думаю.

— Определенно, нет. Ладно. Я убираюсь. Еще раз спасибо, Син. На тебя приятно работать. — Он взял руку Стеллы и поцеловал ее. — Я бы хотел когда-нибудь увидеть тебя в своей мастерской. Раскрасить тебя в некоторых местах.

Она ему улыбнулась. На самом деле улыбнулась.

— Я бы тоже этого хотела.

Что-то заревело во мне, вернувшись к жизни. Это *что-то* разрывало меня в области ребер и пыталось продрать себе путь наружу через грудь. Ревность. Мелочная, властная, злобная. Я забрал руку Стеллы от него.

Тони прыснул со смеху и спрыгнул с платформы. Он отсалютовал мне и проложил себе путь через толпу к выходу.

— Почему ты улыбнулась ему? — смехотворность вопроса ударила по мне лишь, когда я его задал.

— Потому что он был со мной милым и явно не имел понятия, какого рода ебанутое дерьмо здесь происходит. — Она выдержала мой взгляд, бросая вызов своим поведением. — Не его вина, что ты втянул его в это. — Стелла вскинула брови и выпрямила спину. — Думаешь, развратность этого места не сказывается на людях? Думаешь, он останется непорочным?

Я схватил ее за локоть.

— Он намного непорочнее, чем станешь ты.

— Гори в аду.

Дерьмо. Ее гнев выстрелил по мне прямоком к члену, даже среди толпы этих дьяволов. Ее глаза блеснули передо мной неукротимой яростью.

— Всему свое время, — я улыбнулся ей улыбкой, которую, знал, она ненавидела; той, что забиралась ей под кожу.

Она подняла руку, чтобы ударить меня. Я поймал и опустил вниз, с силой сжимая запястье.

— Сделаешь это снова, и я ударю в ответ гораздо, гораздо сильнее. Поняла?

Я хотел, чтобы она повторила это снова, чтобы сбила с меня маску, увидела настоящего меня — меня, который хотел причинить ей боль, трахнуть ее, заставить кричать. Было легче

справляться с ее страхом, чем со злостью. Ее гнев заставлял меня давить сильнее, доводить ее до грани, вынуждать молить меня о чем-то — о чем угодно. Ее злость побуждала меня ломать ее. А страх давал понять, как близко я подбираюсь.

Музыка затихла, кружащие стервятники остановились, когда Кэл снова взобрался на платформу.

— Ну хорошо, господа, клеймо поставлено. Кажется, теперь мы готовы к большому шоу.

Официанты в масках поспешили через боковые двери с различными инструментами и предметами мебели: с кнугами, цепями, зажимами, фаллосами, лавочками для шлёпанья, диванами и несметным количеством кроватей. Как только все было расставлено по своим местам, в дверь вошла вереница проституток. На них были лишь маски, и среди них можно было найти женщин на любой вкус — худых, полных, старых и молодых; они встали как низко висящие фрукты, готовые к сбору урожая. Гости запорхали вокруг них, выбирая то ту, то эту, утаскивая приглянувшийся кусочек назад к выбранному ими месту греховности.

Я посмотрел на Стеллу. Она была ошарашена. Бессознательно она сделала шаг ближе ко мне, когда все в зале начали готовиться к основному событию. Теперь она стояла, замерев от ужаса, скорее всего, не в силах воспринять глубину порочности в этой комнате. Она была недостижимой, слишком бездонной для любого, кто захотел бы попробовать ее глубину. Особенно для Стеллы. Аура наивности витала вокруг нее как бесценный парфюм. Венка на ее шее пульсировала в тревожном ритме. Она была красивой, словно бледные крылья бабочки, и такой же хрупкой.

Оркестр продолжил играть мягкую мелодию, пока танцпол превращался в оргию. Только дорожка по центру зала осталась свободной. Полоса для пешей процессии.

— Давайте Приобретения, не стесняйтесь. Ступайте. Пора показать нам, что вы на самом деле можете нам предложить, — Кэл просто сиял от радости.

Я взял руку Стеллы и потащил ее через толпу, в которой многие из гостей уже разделись и совокуплялись, словно животные. Трахались, кусали и царапали друг друга. Их маски остались на них, словно это имело какое-то значение. Список гостей был составлен мастерски. Несметное количество губернаторов, богатых светских львов, бизнес-магнатов и прочих собралось здесь сегодня. Вся структура власти на юг от линии Мейсон-Диксон (прим. перев.: линия, разделяющая четыре штата, формирующая края штатов Пенсильвания, Мериленд, Делавэр и Западную Виргинию) собралась в этой комнате, совокупляясь словно свиньи и наслаждаясь шоу.

Я потащил своего жертвенного ягненка за собой, пока она охала от представления вокруг нее. Мужчины и женщины впивались в нее когтями, когда она проходила мимо, их голод выплескивался на всех и вся. Чистота Стеллы была словно приманка. Я тоже ее чувствовал. Я хотел уложить ее на пол и кормиться ею, как и они. Но она была здесь не для этого. Пока нет.

Мы добрались до конца освобожденного прохода, который делил пополам целый зал, и заняли место рядом с Бобом, Гэвином, Рэдом и Брианной. Официанты быстро поставили подмости вдоль всей тропы, и она превратилась в подиум, приподнятый над копошащейся вокруг массой порочности. Крики становились громче и заглушались другими. Оркестр продолжал играть, словно ничего из ряда вон не происходило.

— Пора пройти свой путь, Приобретения, — Кэл возвышался на краю подиума, пока одна из проституток сосала его член.

Я ненавидел мысль о том, что он увидит Стеллу, что все они увидят ее. Она была моей.

Но мне все также предстояло поделиться ею.

Боб толкнул Гэвина на подмости.

— Шагай.

Гэвин послушался, попробовав переставлять одну ногу перед другой. Пройдя немного, он осмелел, поднял голову и расправил плечи. В этом был смысл. В конце концов, что страшного в прогулке по подиуму.

Он прибавил шаг. Когда достиг конца подиума, то начал возвращаться обратно. Двое мужчин схватили его, сдернули с него его одежду, а затем разорвали рубашку. Он начал бороться с ними, но прекратил, когда один из них поднял над головой кнут для скота. Второй указывал обратно на подиум.

Стелла дрожала рядом со мной, пока Брианну разрывали визгливые рыдания. Рэд схватил ее за волосы и сотряс ее. Она закричала, громко и пронзительно.

Стелла дернулась вперед, быстро, словно кошка, и схватила предплечье Рэда, пытаясь оторвать его хватку от Брианны. Ее маленькие ручки ничего не могли сделать, чтобы остановить его.

— Возьми свою суку под контроль, Вайнмонт, пока это не сделал я.

Я обвил рукой талию Стеллы и оттащил ее назад.

— Прекрати, Стелла. Ты делаешь только хуже.

Она снова бросилась на Рэда, пока Брианна по-прежнему страдала в его руках. Я удержал ее подальше от него.

— Что, тебе это не нравится? — спросил Рэд и снова потряс Брианну. Он использовал свою вторую руку и разорвал платье у нее на спине, полностью выставляя верхнюю часть тела девушки напоказ. — А как насчет этого? Стелла? Это тебе нравится? — Рэд снова дернул платье, пока оно не упало на пол.

— Ты, сукин сын! — закричала Стелла.

— О, посмотрите-ка. У нас появилась дикарка, — голос Кэла прогремел у меня в ушах, эхом разносясь по комнате.

Я опустил руку на горло Стеллы, пока она не завалилась назад на меня и не начала задыхаться.

— Прекрати сражаться, — прошипел я ей на ухо.

— Отморозок. Вы, проклятые Богом ублюдки, — было всем, что ей удалось из себя выдать.

Рэд фыркнул и сделал шаг к нам.

— Отъебись нахер, Рэд.

— Или что?

— Или я сделаю еще одну дыру в твоей заднице, точно так же, как сделал с твоей сестрой на ее свадьбе в прошлом году. Помнишь?

— Нахуй тебя, Син.

— И тебе того же, Рэд.

Он вернулся к своей игрушке, хватая ее задницу ладонью так сильно, что, уверен, это было больно, пока она ждала своей очереди. Он косился на Стеллу, впиваясь взглядом, пока делал это, но она не совершила ни единого движения.

— Вы все лучшие друзья, не так ли? — голос Стеллы был тихим. — Вы все одинаковые. Отпусти меня. Я буду вести себя *спокойно*, — она не пожалела язвительности в последнем слове.

Ее комментарий должен был ужалить меня, но это была правда. Мы с Рэдом были одного поля ягоды. Он всего лишь играл в эту игру лучше, чем я. Мы исправим это к концу вечера.

Я отпустил Стеллу, но был готов снова удержать ее. Я не знал, что сделал бы Рэд, если бы она на самом деле задела его. Было бы не весело. Не то, чтобы я позволил ему причинить ей боль. Это право принадлежало не ему.

Она стояла передо мной, пытаясь не прикасаться ко мне. Спина была открыта, так что я мог видеть ее гладкую кожу. Она была такой бледной по сравнению с зеленой тканью платья. Безупречная, сияющая кожа. Я уставился на нее, зная, что она никогда не будет такой больше. Не после сегодня.

Гэвин продолжал свой путь полностью голый, и уже был на полпути к нам. Мужчины и женщины поднимались снизу, чтобы прикоснуться к нему. Я замер от мысли, что кто-то из них коснется Стеллы. Но они коснутся. Не было ничего, что я мог сделать, чтобы остановить их.

— Давай, шлюха, — Рэд толкнул дрожащую Брианну на подиум. На ней были только каблуки, когда она отправилась на растерзание зрителей.

Многие поспешили к ней, их пальцы тянулись к ее киске, ее заднице, ее сиськам. Ближе к середине один из мужчин стащил ее с подиума и бросил на ближайшую кровать, насильно пытаясь раздвинуть ее ноги. Крики Брианны смешались с остальными. Двое официантов поспешили к ним и оттащили мужчину, прежде чем вернуть ее назад на платформу. Теперь на ней не было туфель, и она рыдала, пока шла.

Девушка дошла до противоположного конца подиума и попыталась остаться там. Понадобился свист кнута в воздухе, который едва ли попал по ней, чтобы заставить ее вновь двигаться. К тому времени, когда она вернулась к нам, ее макияж стекал со струями слез по ее лицу, а тело сотрясалось от рыданий.

— Еще раз, — потребовал Рэд.

Она затрясла головой, Рэд выдвинулся к ней угрожающим шагом.

— Иди, просто иди. Покончи с этим, — Стелла побуждала девушку пройти по этой адской тропе еще раз. — Ты сможешь сделать то. Ты должна.

Брианна сфокусировалась на Стелле, которая кивала ей, воодушевляя.

— Я буду здесь, когда ты вернешься, ладно? Чем быстрее ты пройдешь, тем быстрее покончишь с этим. И затем настанет моя очередь.

Рэд повернулся и приложил к губам два пальца в форме «V», высунул язык, резво дергая им.

— Я подожду.

Мне хотелось вырвать ему колени, вдолбить в землю, и затем поссать на его труп. Стелла проигнорировала его.

Брианна сделала шаг назад и повторила свой путь, на этот раз быстрее, так как на ней не было каблуков. Когда она вернулась, Стелла вышла, чтобы обнять ее, но Рэд пресек ее.

— Отличная работа, шлюха. Может, я всего лишь высеку тебя сегодня, — сказал он, затем повернулся к Стелле. — Раздевайся, сука.

Я ударил его. Прижал к земле. Даже не думая. Я просто действовал. Ошибки всегда, кажется, случаются именно так.

Он скатился на пол, прижав руки к лицу, сдернул с себя маску и пощупал глаз.

— Какого хера, Син?

Дерьмо. Это было не по плану. Поддаться гневу и уложить одного из Приобретателей явно не входило в путь победы.

Смех Кэла эхом прогремел по залу через звуковую установку.

— А вот *это* было показательно, леди и джентльмены!

ГЛАВА 13

СТЕЛЛА

Рэд поднялся на ноги. Он был ниже ростом и меньше Вайнмонта, но явно пылал от злости.

— Ты хочешь выйти на улицу?

— Нет. Но могу позже заехать к твоей мамаше и снять напряжение по другому, — ухмыльнулся Вайнмонт, явно бросая Рэду вызов.

Рэд напал, но Вайнмонт с легкостью увернулся и бросился вперед, повалив Рэда на землю. Катаясь и колотя кулаками друг друга, они являли собой хаос из рук и ног. Я оглянулась вокруг. Ближайшие гости сфокусировались на борьбе. Я сделала пару шагов назад, затем еще несколько, а потом оказалась в плотной толпе масок. Некоторые из них взглянули на меня, но вернулись к своим занятиям. Другие не могли оторвать глаз от потасовки.

Я развернулась и пустилась бежать. Не думала ни о чем, кроме побега. Казалось, в моей голове гудело множество клаксонов, сердце предупреждало о смертельной опасности. Я прорвалась сквозь тянущиеся руки и проскочила мимо слуг у края подиума. Выбежала в первые открытые двери, почти потеряв туфли, когда повернула за угол. Я ускорила, пока какой-то мужчина не преградил мне путь. Я врзалась в его грудь, и он обнял меня.

— Куда-то собралась, Стелла?

Я узнала этот голос.

— Люций?

Мужчина потащил меня в помещение в стороне от главного зала и пинком закрыл за собой дверь.

— Единственный и неповторимый. — Он прижал меня к себе, впившись руками в обнаженную кожу на моей спине. Маска глубокого изумрудного цвета скрывала его лицо, но я могла видеть его глаза, светлые и пронзительные. — Куда направлялась?

— П-просто оттуда.

— Разве это не убьет твоего отца? — Он скользнул ладонью вниз по моей спине.

Чувство вины обрушилось на меня. Я побежала, руководствуясь чистым инстинктом, точно так же, как если бы отдернула руку от огня. Я не могла так поступить. Нужно было оставить руку в огне, пока она бы не сморщилась и не обуглилась. От этого зависела жизнь моего отца.

— Да.

— Ты знаешь, что я мог бы спасти тебя? — Его рука опустилась ниже и скользнула под ткань моего платья.

— Что?

— Я имею в виду, ты так и останешься Приобретением в течение года, с этим ничего не поделаешь. Но ты могла бы выбрать меня. Могла бы сказать Сину, что предпочтешь меня.

— Ты даже хуже него. — Я попыталась отступить, но он резко схватил меня и прижал к своей груди.

— Правда? Разве это я угрожал твоему отцу? Кто выдвинул ему обвинение? Кто заставил тебя заключить контракт?

Нет. Вайнмонт сделал все это и многое другое.

— Видишь, Стелла. Я не причинил тебе вреда и не загонял тебя в ловушку. — Одной рукой он скользнул по моей заднице и, приподняв мне подбородок другой рукой, приблизил мое лицо к себе. — Я мог бы сделать все это более приемлемым для тебя.

— Я тебе не доверяю, — мой голос был едва слышен, словно Люций высосал из комнаты весь воздух своими соблазнительными словами.

— Ты и не должна, — он наклонился, его губы оказались так близко к моим.

Дверь распахнулась, когда Вайнмонт ворвался внутрь.

— Стелла?

— В другой раз? — прошептал Люций.

— Что, черт возьми, ты здесь делаешь? — Вайнмонт бросился ко мне, струйка крови стекала из его разбитой губы. — Отойди от нее.

Люций отпустил меня.

— Я просто разговаривал с ней.

— Черта с два. — Гнев сочился из Вайнмонта. — Она моя, Люций! Оставь ее в покое. — Вайнмонт встал сзади и обхватил мою шею рукой, выказывая власть. — Моя, — это было скорее рычание, чем слово.

Двое слуг поспешили войти вслед за Вайнмонтом.

— Думаю, вы не найдете приглашение у этого человека. Вам нужно выпроводить его. Грубо.

— Да ладно, Син, — улыбнулся Люций.

Змеиное очарование Люция не подействовало на Вайнмонта.

— Пошел вон.

Слуги подхватили Люция под руки и вытолкали его из комнаты.

— Позже, Стелла, — выкрикнул Люций. Его голос эхом прозвучал в пустом мраморном коридоре.

Вайнмонт развернул меня, поэтому я была вынуждена посмотреть ему в лицо, маски на нем уже не было.

— Он причинил тебе боль?

— Причинил ли *он* мне боль? Ты хоть слышишь себя?

В комнату вошел Оукмэн.

— Идем. Я не могу ждать вечно. Им не терпится закончить прогулку и увидеть остальную часть празднования.

— Еще одну минуту, Кэл, если ты не против, — Вайнмонт даже не стал смотреть на хозяина поместья.

— Не больше, — голос ведущего лился из голоса Кэла, как вода через сито — Традицию нельзя нарушать.

Он закрыл за собой дверь, уходя.

— Ты не можешь сбежать, Стелла. Я поймаю тебя. *Они* поймают тебя.

— Единственный, кто меня поймал, это Люций.

— И тебе повезло на этот раз. Больше такого не повторится. Поверь мне.

Это был просто пиздец. Синклер вел себя так, как будто он так или иначе заботился о том, что произошло, но я знала, что все, что его волновало — это победа в таком извращенном соревновании. Он не обманывал меня. Никто не обманывал. Нахер его. Всех из туда.

Я отошла от него и направилась к двери.

— Куда ты идешь?

— Пройти свою аллею позора. Ты собираешься помочь мне выбраться из этого платья, или как?

Я никогда не видела шока на его лице. Если бы он не был монстром, это было бы почти мило. Вайнмонт последовал за мной обратно в бальный зал, где новые оргии разворачивались повсюду, словно у пришедших открылось второе дыхание. Я не видела других Приобретений.

Как только я встала у начала подиума, потянулась руками назад, чтобы расстегнуть платье. Затем я поняла, что понятия не имею, как Энид надела на меня эту вещь.

Тотчас Вайнмонт оказался у меня за спиной, пальцы потянули ткань и отстегнули крючки, которые, должно быть, удерживали ткань вместе по центру. Он поднял руки к моим плечам и глубоко вдохнул, прежде чем потянул шнурки и позволил одежде упасть на пол пушистой лужицей.

Холодный воздух обнял мое тело, и ближайшие развратники прекратили делать то, что делали, чтобы поглазеть на меня.

Вайнмонт скользнул по мне ладонями вниз до бедер, чувствуя мои изгибы. Его дыхание пронеслось теплом по моему плечу. Его знакомый запах странным образом утешил.

Сделав один шаг, а затем еще один, я высоко подняла голову, начиная движение. Я устремила свой взгляд через комнату на одну из красивейших люстр. С нее свисали хрустальные капли, многогранные и мерцающие, несмотря на то человеческое уродство, что творилось внизу. Она висела нетронутой отвратительными обитателями комнаты. Может быть, я тоже смогу такой остаться.

Я отпихивала руки и пальцы, отказываясь позволить им унижить меня больше, чем они уже это сделали. Игнорировала завывание и свист. Когда добралась до конца, повернулась и повторила свой путь, глядя на Оукмэна так вызывающе, как могла. Он пристально смотрел в ответ, прежде чем расстегнуть свою ширинку и указать одной из женщин внизу «помочь» ему.

Я переключила внимание и заметила, что Вайнмонт взирает на меня с таким огнем в глазах, которого не было прежде. Он не смотрел вниз на мое тело, просто удерживал взгляд, пока я шла, как будто манил меня к себе какой-то странной силой притяжения. Я дошла до него и развернулась, прокладывая себе обратный путь под бдительными взглядами и лапающими руками.

Я достигла противоположного конца, где меня поджидал сморщенный человек с выпирающей эрекцией.

— Мисс Руссо, рад снова вас видеть, — он усмехнулся, красная маска скрывала глаза, пока его пара на вечер — красивый мужчина не более двадцати лет — стоял близко за ним.

Я узнала его голос. Мой желудок перевернулся и сжался.

— Судья Монтанье

Спутник судьи приблизился и начал гладить член Монтанье, хотя лицо молодого парня оставалось безучастным.

— Ну, я должен вернуться, — сказал Монтанье. — Всего лишь хотел поздравить вас. Продолжайте делать все как должно, милая леди, и я, конечно, надеюсь, что Вайнмонт победит в этом году. Не волнуйтесь. Я пригляжу для вас за вашим отцом. — Он отодвинулся от руки молодого человека и опустился на четвереньки на соседнем диване. Я отвернулась, прежде чем увидела что-то еще.

Угроза судьи превратилась в удушающую лозу вокруг моего сердца, истребляя всякую любовь или тепло, оставляя только холодный страх. Я была глупа, так глупа, что побежала. Больше никогда не повторю этого. Меня схватили, сжали невидимыми тисками в виде этих людей, их силы. Некуда бежать, не к кому обратиться. Я посмотрела в толпу, желая сжечь замок вместе с ними.

Один из слуг указал на меня кнутом. Я сделала глубокий вдох и подошла к краю аллеи. Подняла глаза, пытаясь отдалиться от ужаса сцены. Я отказывалась сдаваться беспомощному чувству быть обнаженной и выставленной напоказ перед безликой толпой. Они метались вокруг меня, будто проклятые души в аду, опаляя горячим дыханием, касаясь меня руками. Я отбилась от них и ускорила шаг.

Никому не удалось сделать что-то большее, чем едва коснуться моей обнаженной кожи. Я считала это победой. Взгляд Вайнмонта все еще излучал восторг, хотя глазами он часто метал кинжалы в тех, кто тянул руки, чтобы коснуться меня.

Когда я вернулась к нему, он протянул мне ладонь, чтобы помочь сойти с подиума. Я не приняла ее.

— Ну, теперь, когда мы покончили с легкой частью, давайте перейдем к главной! — Оукмэн, как всегда, поддавал жару на развлечениях.

Я уставилась на Вайнмонта.

— Подождите, не это была главная часть?

Вайнмонт не выказал ни единой эмоции, просто взглянул на меня. Ему как-то удавалось сохранять стойкость, даже когда я чувствовала, как вокруг меня бушует буря.

— Ведите их наверх, — прорычал голос.

Вайнмонт сжал мою руку и толкнул перед собой в сторону лестницы и дерева. Гэвин и Брианна шли впереди меня. Когда они добрались до вершины, я слышала металлический лязг. Брианна взвизгнула.

— Мы еще даже не причинили тебе боли, — смех Оукмэна заразил всю комнату, пока не превратился в какофонию бездушного веселья.

Я сделала последний шаг. Брианна снова начала всхлипывать. Гэвин выглядел отстраненно, как будто ничего из этого его не касалось. Они оба были прикованы лицом к дереву. Вайнмонт направил меня к оставшемуся пустому месту напротив ствола. Он поднял мои запястья и застегнул оковы вокруг каждого. Стянул цепь сверху и присоединил ее в центре оков. Затем закрепил мои лодыжки с помощью кандалов у основания дерева.

Я дрожала. Не могла перестать. Не могла оставаться сильной перед тем, что, знала, грядет. Оукмэн стоял и любовно водил кнутом по руке. В медленном движении, держу пари, кожа на нем ощущалась гладкой и эластичной. Но, если хлестнуть им, он разорвет мою плоть. Моя дрожь усилилась до такой степени, что слышался лязг кандалов, что звенели друг напротив друга.

— О, я могу это исправить. — Оукмэн дернул за цепь, свисающую с барабана рядом с

ним. Это подняло наши руки вверх, пока все трое не прижались к дереву. Металл впивался в наши запястья и лодыжки, а спины были выставлены напоказ.

— Ответьте все. С годами становится все лучше, не так ли?

Согласие едва ли было слышно. Даже несмотря на то, что прожектор светил мне прямо в лицо, я чувствовала, что они все ждут, смотрят. Тревога пронзила меня с осознанием. Что может оказаться настолько увлекательным, чтобы заставить одичавших зверей перестать галдеть и совокупляться?

Я попыталась повернуться, чтобы посмотреть на Вайнмонта, попытаться пробудить в нем желание освободить меня, спасти меня, отпустить. Мне не удалось его увидеть. Ослепляющий свет и тесные оковы подавляли. Я ждала, кровь от кандалов уже стекала по предплечьям. Боль в моих запястьях и лодыжках росла с каждой секундой, металл врезался глубже с каждым новым вдохом.

— Двести пятьдесят лет гордости. И этот год — лучший из всех. Двадцать пять Балов Приобретений, двадцать пять ударов кнутом для каждого из наших гостей.

Толпа одобрительно взревела.

Я не смогла остановить рыдание, которое с шумом вырвалось из моих легких. Брианна начала кричать, ее голос превратился в визг, способный пустить кровь из ушей. Он затих, приглушенный платком Рэда или каким-то другим кляпом.

Мои мысли рассеялись, лишив возможности сосредоточиться на чем-либо. Я закрыла глаза и заставила себя думать о том, почему я здесь. Папа. Он оказался перед глазами, как только я их закрыла. Стоял рядом со мной, когда я проснулась в больнице. Убирал волосы с моего лица, даже когда мне наложили повязки и привязали к кровати. Разве это сильно отличалось? Я истекала кровью, была связана, колебалась между миром, который знала, и тем, который могла только представить. Но теперь, вместо того, чтобы сломать его, мои страдания его спасут. Слезы скатились по моим щекам и исчезли. Я вынесу это. Все это.

— Ну, кто хочет быть первым? — голос Кэла прорвался сквозь мои воспоминания.

— Это буду я, — сказал Вайнмонт, его голос звучал сурово, источая силу.

— Какой же ты молодец. Вот, держи. Заставь ее считать, — рассмеялся Оукмэн.

Вайнмонт встал позади меня и томительно провел рукой по моей коже, пока кнут покоился в другой. Его прикосновение было теплым, чуть нежным. Я позволила себе почувствовать его хотя бы на секунду. Позволила себе представить, что он заботился обо мне, что он прикасался ко мне, как прикасался бы любовник, что он не причинит мне вреда.

Тепло исчезло. Вайнмонт отступил.

Я затаила дыхание. Казалось, вся комната перестала дышать. И затем меня охватила боль. Я не поняла, что закричала, пока звук не умер в моих легких от силы следующего удара.

— Он действительно не щадит сил. Он может стать вашим следующим Сувереном, леди и...

Я не могла расслышать слов, ничего не различала, кроме звука моей боли. Это был мой крик, выедающий пустоту внутри меня, заставляющий мои уши кровоточить. Агония, которой я никогда не чувствовала прежде, вспыхивала у меня на спине. Линии разрушения. Я чувствовала, как моя кожа разрывается с каждым его злобным ударом. Кровь струйками стекала по моим ногам. Она ощущалась так же, как несколько лет назад, когда стекала по моим рукам. Но на этот раз ущерб был больше и не обещал освобождения от этой жизни.

Я кричала, пока мой голос не пропал, легкие больше не работали от воздуха. Тело

горело везде. Моя кровь брызгала на Брианну, чей приглушенный крик пришел на смену моему.

Я не могла дышать. Я не могла видеть. Я разрушалась.

ГЛАВА 14

СТЕЛЛА

Мама провела теплой рукой по моему лицу. Даже в темноте я знала, что это она. Она шептала мне утешающие слова, убеждая, что боль — временная, и скоро исчезнет. Острые жала теперь были далеко. Все вокруг меня было мягким, теплым. Меня любили. Я была довольна.

Моя спина ощущалась прохладной, онемевшей. Что произошло?

Я пыталась рассказать маме, как сильно скучаю по ней, как я рада, что она вернулась. Она так давно ушла. Куда она ушла?

— Шшш, поспи. — Мама подтянула одеяло до моей талии, от чего по ногам разлилось тепло.

— Давайте, попробуйте вставить ее чуть глубже, пока она ничего не чувствует. — Теперь она говорила с кем-то другим.

После меня накрыл глубокий сон без сновидений.

* * *

Звук щебетанья птиц вытащил меня из приятной темноты. Я едва узнала стены, окна, стеганные одеяла — все проносилось у меня в воспоминаниях. Я лежала на животе.

Страхнула сонливость и подняла голову. Мучительная боль пронзила мою спину. Я со стоном вернулась в прежнее положение.

— Стелла, — это голос моей матери? Нет. Нет, это Рене. Мама умерла.

— Рене? — я едва смогла выговорить, голос охрип.

Это трубка в моей руке?

— Я здесь. Не волнуйся. Ты хорошо поправляешься. Хочешь вернуться обратно?

— Обратно?

— Ко сну. Семейный доктор Вайнмонтов находился здесь в течение последних трех дней, давая тебе снотворное, чтобы ты могла исцелиться. Я могу позвать его, чтобы он ввел еще одну дозу, если боль тебя слишком беспокоит.

У моего мозга возникла проблема с «включением». Надо мной висела капельница и прозрачная жидкость капала в ней в неспешном темпе.

Я повернула голову, чтобы посмотреть на Рене. Ее обеспокоенное лицо вызвало ужасное воспоминание. Бал, пытки, Вайнмонт, кнутом сдирающий кожу с моей спины.

Всхлип поднялся и застрял в моем сухом горле.

Рене в отчаянии сцепила руки.

— Я позову доктора Ярбро.

— Нет, — прохрипела я.

Я боролась со слезами, хотя несколько из них сбежали и упали на мою белую подушку. Мы долго молчали. Бал воспроизводился в моем сознании как неописуемо яркий кошмар — маски, жестокость, насилие и боль. Отчетливее всего я вспомнила Вайнмонта, который первым вызвался отхлестать меня, вспомнила, как он стегал меня сильнее и сильнее с каждым ударом, пока я не отключилась от боли.

Как я могла хоть что-то чувствовать к нему? Каждый удар кнутом убил все, что искажало эмоции в моем сердце. Какая радость. Чувство предательства меня было заменено яростью, неукротимым гневом. Я добавила их в ячейку в моей груди, ту, где я прятала свою грусть. Она была полна до краев, готовая взорваться всеми негативными эмоциями, которые я ощущала. Тем не менее, я все больше копила их внутри, отравляя себя, удерживая горечь и ненависть.

Я попыталась успокоить свое дыхание. Каждый раз, когда мои легкие набирали слишком много воздуха, моя спина ощущалась, словно сейчас порвется. Рене выглядела почти такой же белой, как моя наволочка, и продолжала заламывать руки.

— Вайнмонт?

— Я его не видела. С тех пор, как он привез тебя обратно. Он был... Ну, он был в плохом состоянии. Люций и Тедди должны были с ним поговорить.

— Устал хлестать меня, не так ли?

— Нет, не так. Это что-то сделало с ним. Я не знаю.

— С ним что-то сделало, говоришь? — Я попыталась крикнуть, но слова превратились лишь в хриплый звук. Попытка заставила меня застонать.

— Я имела в виду. Я... я имела в виду... — Она резко поднялась и приблизилась, чтобы прикоснуться к моей руке.

Мне хотелось отдернуть ее, но я не посмела двинуться.

— Я имею в виду, что никогда не видела его таким. Он продолжал просить меня исправить это, вылечить тебя. Он сам попытался обработать твои раны до того, как прибыл доктор Ярбро. Не позволял никому прикасаться к тебе. Он сидел здесь с тобой и говорил, как сожалеет, снова и снова. Не уходил, пока не пришли Люций и Тедди. Только Тедди удалось достучаться до него. С тех пор я не видела мистера Синклера.

Я не могла представить себе того, что она рассказывала. Сожаление казалось совершенно чуждой эмоцией Вайнмонту. То, как он меня бил, было вторжением не только в мое тело. Он вбивался в мою душу, укореняя страх так глубоко, что я не знала, смогу ли когда-нибудь избавиться от него.

Когда я сама нанесла себе ущерб, это дало мне освобождение, шанс на забвение. Когда это сделал Вайнмонт, он еще больше отнял меня у себя самой. Каждый удар становился новым набором решеток, сжимающихся вокруг меня и держащих в плену. Если он смог со мной сделать *такое*, что еще он захочет сделать, чтобы выиграть Приобретение? Что потребуется, чтобы победить?

— Я знаю, что это сложно. Знаю, — голос Рене прорвался сквозь мои темные мысли.

— Знаешь? Нет, ты не знаешь. — Я убрала пальцы подальше от нее и ее теплой хватки.

Рене опустилась на колени у моей постели, оказавшись на уровне моих глаз.

— Знаю, Стелла.

Нет, не знаешь.

— Откуда? Тебя клеймили и высекали? У тебя отбирали год твоей жизни? Тебе приходилось терпеть такого человека, как Вайнмонт? — Слезы стекали, оставляя мокрые

пятна на моей подушке.

Темные глаза Рене были охвачены тревогой, и в ее груди, казалось, бушевала ярость. Она сделала глубокий вдох, как будто приняла решение, и начала расстегивать свою черную рубашку, ее пальцы оказались очень проворными. Затем она повернулась и убрала волосы с затылка. Там, черным и зеленым цветом была вытатуирована та же «V», что навек была вбита в мою кожу чернилами.

Она потянула свою униформу вниз так, что я увидела следы шрамов от кнута, пересекающихся на ее светлой коже.

— Что...

— Я была Приобретением миссис Синклер двадцать лет назад, — она снова посмотрела на меня, ее искренний взгляд обезоруживал.

У меня был бы меньший шок, если бы она ударила меня. В моем сознании мелькали миллионы вопросов, одни наслаивались на другие, прежде чем споткнуться перед еще большим количеством вопросов. Почему она осталась? Каким был ее год? Могла ли она помочь мне?

Рене встала и надела верх униформы обратно. Когда она стала отходить от меня, я потянулась к ней. Боль, словно молнией, ударила по спине. Она врезалась так глубоко, что я подумала: может, кнут достал и до моего сердца. Я закричала и опустила голову.

— Я позову доктора. Не двигайся, Стелла, милая. Пожалуйста, не надо. — И она выбежала из комнаты.

Мой разум вращался вокруг правды и неприятных ощущений. Рене все это время знала. Она знала, что случится со мной на балу. Почему она не предупредила меня? Слова Вайнмонта вернулись ко мне: чем больше я знаю, тем больше боюсь, и тем больнее будет.

Темная фигура поспешно вошла через дверь, Рене влетела сразу за ней. Прежде чем я смогла запротестовать — *а хотела ли вообще?* — мужчина принялся возиться с моей капельницей, и я отключилась.

На этот раз мне снились сны. Вайнмонт был в каждом из них — мучил меня или любил. Или это был один и тот же сон? Затем я увидела своего отца, сидящего в своем любимом кресле, рассказывающего мне историю, хотя я не могла услышать ни слова. Наконец, пришла моя мама, ее волосы были завязаны в грязный хвост, как и в моих воспоминаниях. Она была грустной. Всегда грустной. Вода вытекала из ее рта, а затем она превратилась в кровь, больше крови, чем человек мог потерять и остаться в живых. Она тонула в том самом, что дало ей жизнь. Я не смогла ее спасти. Я даже не могла спасти себя. Я сидела в луже собственной крови, капли замедлялись вместе с биением моего сердца. Шаги в коридоре... это мой отец. Я боялась, что он найдет меня до того, как это закончится. Я не хотела, чтобы он видел, как я умираю. Шаги становились все громче, а затем затихли.

— Стелла?

Я знала этот голос. Он принадлежал не моему отцу. Это был голос демона, который заставлял меня гореть желанием и ненавистью, пока обе эмоции не смешались в погребальном костре, источавшем черный дым.

Я открыла глаза. Он был здесь. Вайнмонт.

— Снова собираешься избить меня? — слова вышли шепотом, но он вздрогнул, как будто я крикнула на него.

— Я не знаю.

Я все еще лежала на животе. Мои глаза, наконец, приспособились к темноте. Он сидел

возле двери, лицо небрито, одежда смятая и растрепанная. Он выглядел так, как я себя чувствовала.

— Что это за ответ?

— Честный. — Он наклонился, упираясь локтями в бедра.

— Ты ебанутый на голову отморозок. — Я отказывалась плакать. *Я не заплачу.*

— Да. — Он провел рукой по лицу. Звук трения его ладони по щетине громко прозвучал в моих ушах.

— Что теперь? Собираешься причинить мне еще больше боли? Может быть, отрезать несколько пальцев и отправить их моему отцу? Пошел ты. Что бы это ни было, просто покончи с этим. — Усталость поселилась в каждой мышце и кости моего тела. Должно быть, это медикаменты. Моя спина больше не казалась такой горячей, я чувствовала лишь слабую боль там, где она должна была быть. Моя кожа ощущалась, будто была сшита вместе, но я уже могла чувствовать шрам и огрубелость кожи, которая заклеила меня навсегда.

— Нет, я бы никогда...

Я засмеялась, но это был грубый, уродливый звук.

— Ты бы *никогда*? Никогда — что? Никогда не поработил меня? Никогда не раздел меня догола и не заставил бы истекать кровью на публике? — Мои глаза сдерживали непролитые слезы. Боль внутри казалась слишком сильной для моего тела.

Вайнмонт опустил голову, поражение на его лице было таким же из ряда вон выходящим, как его небритый подбородок и взъерошенные волосы.

— Я не могу изменить того, что сделал, Стелла. Я снова это сделаю.

Мне хотелось кричать, злиться на него, требовать, чтобы он рассказал мне, почему он сидел здесь, изображая сожаление, и в то же время рассказывал мне, что сделает это снова, когда получит шанс. Это какая-то моральная пытка вместе с физической?

— Сделай мне одолжение. Когда станешь Сувереном, как насчет того, чтобы издать свой первый указ о том, чтобы тебя отымели по-королевски?

Он вздохнул и покачал головой.

— Я не ожидаю, что ты поймешь. Я не хотел...

— Убирайся. — Я отвернулась от него, шея затекла от отсутствия движения.

Он не сдвинулся. Я чувствовала, как он сидел там неподвижно, все еще сверля меня взглядом.

Больше нечего было сказать. Он избил меня, как скот. Хуже, на самом деле. Воспоминание о голосе Кэла Оукмэна с громом проносилось в голове. То, как он перекрикивал обжигающие удары Вайнмонта, который с такой так легкостью пускал мою кровь. Мои слезы трансформировались из грусти в гнев.

Я была яростной бурей ненависти и злости, но оказалась в ловушке своего изувеченного тела. Все, что я могла сделать, это пожелать, чтобы мои слезы исчезли, и я могла принять тот факт, что Вайнмонт проклял меня в моей жизни. Это жизнь боли... боли и тьмы. В ней столько много теней, о которых я даже не подозревала, они затмевали тот слабый свет, который во мне когда-то был. Я была изгнана, уничтожена человеком, который теперь выглядел потерянным.

Спустя долгий момент пол заскрипел, и я услышала его удаляющиеся шаги.

— Подожди, — обратилась я.

Он вернулся быстрым шагом, и теперь стоял позади меня.

— Ты сказал, что я могу получить вознаграждение, если пройду через бал.

— Да, — почти с надеждой прохрипел его голос.

— Я хочу увидеть моего отца и сводного брата.

Вайнмонт переминался с ноги на ногу. Опустилось еще одно долгое молчание, как глубокий снег зимой, заглушив и похоронив нас. Он коснулся края моей постели, и такое нерешительное движение заставило меня рассердиться, заставило меня хотеть причинить ему боль.

— Хорошо, — вздохнул он, принимая поражение.

— Ты собираешься сдержать свое слово?

Он провел пальцами по моим волосам. Я закрыла глаза, задаваясь вопросом, есть ли у него шанс успокоить огненную бурю, которая бушевала в моей груди.

— Я всегда это делаю, — его голос был таким же мягким, как и его ласка.

Я хотела поверить, что он был действительно тем, кем казался сейчас, — человеком, который выглядел таким же разрушенным тем, что он сделал, как и моя разорванная плоть. Но какой из них был реален? Разрушающий или разрушенный? В любом случае, мои слезы все еще падали, боль все еще жалила, сердце все еще болело. Он сделал это, и сделает снова. Я отогнала любые нежные мысли.

— Я хочу увидеть их вскоре, но только после того, как поправлюсь полностью. Или, по крайней мере, насколько смогу исцелиться от того, что ты сделал. Я не хочу, чтобы они видели меня такой.

— Просто скажи мне, когда, и я это устрою. — Вайнмонт последний раз приласкал мои волосы. Он колебался. Слова были у него на губах. Я чувствовала, что они задерживаются там в темноте. Вместо того, чтобы озвучить их, он повернулся и вышел быстрым шагом.

Я осталась наедине со своей болью и всеми различными ее оттенками. Повернула голову, чтобы посмотреть на стул, где он сидел. Мой взгляд скользнул дальше и упал на противоречивое одеяло, созданное матерью Вайнмонта. Что за человек мог пройти через Приобретение и выиграть?

Услышав другие шаги, я узнала Рене. К тому моменту, когда она добралась до моей двери, она замедлилась и тихо вошла на цыпочках. Ее черная юбка тихо прошелестела, когда она села и сложила руки перед собой.

— Я хочу встать.

Она поднялась и убрала мои волосы через плечо.

— Восход солнца через час. Побудь в постели до тех пор.

Ее движения и прикосновения приносили спокойствие. Я не хотела утешения. Я хотела прекратить разрушаться, чтобы укрепить то, что у меня осталось.

— Нет, с меня хватит постели. Помоги мне сесть, или я сделаю это сама.

Я больше ни минуты не могла лежать. Не могла казаться беспомощной и слабой. И не стану. Больше не стану.

* * *

С помощью Рене я поправилась в течение следующих нескольких недель. За это время я не видела ни Вайнмонта, ни Люция. Иногда мельком замечала Тедди в коридоре. Он улыбался и обменивался любезностями. Я почувствовала, что внутри он обеспокоен. У меня было слишком много собственных проблем, чтобы даже начать переживать о его. Он казался хорошим парнем. Не его вина, что он родился в яме гадюк. Было бы глупо думать, что он не

укусит так же, как Вайнмонт и Люций.

Я начала понимать, что он был единственным, кто знал меньше, чем я, о том, что происходит. Рене не рассказала мне ничего нового, только то, что Вайнмонт не добровольно согласился на Приобретение. Это было сделано на какой-то лотерейной основе.

Я поняла это на балу, когда были названы имена семей. Оукмэн сделал так, что это выглядело «чистой случайностью», хоть и было похоже на то, что быть избранным было плохим везением. Даже если так, я не могла простить Вайнмонту. Ему не нужно было выбирать *меня*. Не нужно было угрожать мне моим отцом, чтобы вынудить меня подписать контракт. Я бы не пожелала такой участи ни одному врагу, но не могла простить того, что его невезение превратилось в год лишения свободы и страданий для меня.

— Честно, я до сих пор не знаю, как они выбираются, — сказала Рене однажды за чашкой чая, после того как я приставала к ней с вопросами в течение часа.

Погода, наконец, стала прохладнее, листья пожухли и скрутились во дворе, а трава приобрела безучастный бурый цвет. Я выбрала горячий шоколад и пошевелила зефир в пенке, прежде чем глотнуть обжигающий напиток.

— Расскажи мне что-нибудь, что угодно. Что будет дальше? Ведь что-то будет? — Я надеялась, что нет. Надеялась, что это будет всего лишь год пленения, проведенного здесь с ней. Однако, я не была полной идиоткой. Я знала, что милая сказка слишком хороша, чтобы быть правдой.

Рене поставила кружку и уставилась на поднимающийся пар.

— Я скажу тебе следующее, и ничего более. Будет еще три суда. Следующий на Рождество.

Я подняла бровь, услышав об универсальной ебанутости природы праздничных пыток.

— Затем еще один весной, и последний — летом. Я не стану вдаваться в подробности.

После этого откровения она держала язык за зубами и всегда отвечала на мои вопросы уклончиво или что я получу все прямо из источника — от Вайнмонта. Независимо от того, сколько раз она повторила, что Вайнмонт не выбирал принимать участие в Приобретении, я не могла забыть рвение, с которым он преследовал титул Суверена, как он играл на публику замаскированных горгулий. Я все еще не знала, что именно ему потребуется, чтобы выиграть, но, если бы выставление моего тела напоказ и избиение хоть что-то говорили, для меня это приятным итогом не закончится. Поэтому, нет, я не стану с ним разговаривать.

Несмотря на то, что Рене держала от меня тайну Приобретения за семью печатями, мы с ней построили счастливую притворную дружбу, словно не было никакой темной тайны рабства и садизма. Она была более чем счастлива обсудить практически любую тему, которую я могла придумать, кроме той, которую я отчаянно хотела узнать. Мы проводили время в библиотеке за тихим чтением, пока шли дни. Никто не останавливал нас от изучения дома, и Рене показала мне входы и выходы в кухонном крыле, гостевом крыле и нескольких других частях дома, в которых находилось несметное количество комнат с замечательными гобеленами и богато украшенной мебелью. Фарнс всегда был рад видеть нас и поведал нам историю различных предметов старины и сокровищ, разбросанных по общим комнатам.

Однажды мы даже остановились в комнате Вайнмонта. В ней присутствовал его запах, мужской и чистый. На меня снизошло. Я хотела узнать больше о нем, разобрать его по кусочкам, пытаюсь выяснить, как он работает, чтобы, возможно, я смогла бы каким-то образом подобрать ключ к механизму.

Его комната была скромной, более современной и суровой, чем остальная часть дома.

Большая двуспальная кровать с белым одеялом, стенами темно-синего цвета и минимумом мебелью. На стенах не было ни единой фотографии его или его семьи. Я побрела к тумбочке, когда Рене не смотрела, и выдвинула верхний ящик.

Вместо порножурналов или старых выпусков «*Psychotic Monthly*» я нашла лишь одинокое черное перо. Я сразу узнала его. Оно было от платья, которое я носила на балу. Перо насмеялось надо мной, напоминая потерянную хрустальную туфельку. Только Вайнмонт не был принцем. Он был дьяволом.

Я захлопнула ящик.

К моему удивлению, комната Люция оказалась более светлой: белые стены, с предметами искусства на них, многие из которых хороши. Он был более неряшлив, чем Вайнмонт. На его столе были разбросаны книги и журналы, лежал iPod и наушники, которые после *случайно* попали ко мне карман.

— И где же они?

— Мистер Синклер, думаю, в городе по работе. Мистер Люций находится в Южной Америке с визитом на двух плантациях сахарного тростника. Он отвечает за бизнес, а мистер Синклер занимается юридическими вопросами и продолжает работать в качестве окружного прокурора. Он никогда не хотел эту должность, но Суверен постановил, что мистер Синклер займет ее, и все.

— Я думала, что окружной прокурор был избран?

Рене цинично подняла черную бровь:

— А я думала, что рабство незаконно.

— Туше. Что насчет Тедди?

— Он еще в школе, в Бэйтон Руж. Я не уверена, что он намеревается делать. Не похоже, что у него слишком много вариантов.

— Как у богатого, красивого молодого человека, как Тедди, не может быть множества вариантов?

— В зависимости от того, что скажет Суверен. Если Оукмэн решит, что Тедди должен быть адвокатом, тогда он отправится в юридическую школу. Если решит, что врачом ему будет лучше, тогда это будет медицинская школа.

— Суверен обладает такой властью?

— Большей, чем ты можешь себе представить. Кто, по-твоему, определяет победителя среди Приобретений? И ситуация действительно хуже всего для Вайнмонтов. Несмотря на то, что они были частью правящей верхушки более ста пятидесяти лет, некоторые семьи все еще помнят, что так было не всегда. Другие вставляют им палки в колеса и властвуют над ними. Вайнмонты раньше были бедными земледельцами и швеями. Работали на Оукмэна годами и годами, пока... — Рене приложила ладонь ко рту, как будто это каким-то образом остановило бы ее слова.

— Что? Пока что? — Я не хотела, чтобы она останавливалась. Все это было для меня ново, и я изголодалась по информации.

— О, ничего. Я не должна была говорить. Это древняя история. Просто... об этом не говорят. Особенно, в доме.

— Если это древняя история, то почему ты не можешь говорить об этом? Какой от этого может быть вред?

— Мистер Люций должен быть дома через пару дней. — Я уже поняла, что изменение темы Рене означало конец разговора, несмотря на мои многочисленные неудачные попытки

сделать иначе.

Была только одна часть дома, которую мы никогда не посещали — верхний этаж.

— Он в основном закрыт и не убран. На самом деле, туда никто не поднимается. Больше нет. — Рене всегда отводила меня в сторону от лестницы на третий этаж, даже когда я нерешительно ставила ногу на первую ступеньку, ведущую вверх. Ступеньки не были пыльными, и я почувствовала, что поспешное объяснение Рене скрывает нечто большее. И опять-таки, этот дом был полон секретов, и тот, что скрывала Рене, не последний из них.

Через несколько дней мы с Рене бездельничали в библиотеке. Я все еще не видела Люция или Вайнмонта с момента моего выздоровления. Иногда я задавалась вопросом, что делал Вайнмонт, где он был. Затем напомнила себе о шрамах на спине, и направила мысли в другое русло.

Рене сидела под пледом и читала, пока я пыталась рисовать. Она заказала все инструменты, которые я только попросила, чтобы я снова начала свое творчество, но третий день подряд я просто смотрела на пустой холст.

Раньше я хотела, чтобы все, что я чувствовала, выливалось на холст. Теперь мои эмоции словно превратились в чересчур злобный сумбур, из которого не вышло бы ничего, кроме подражания Пикассо. Куски разбросаны повсюду, что отражало то, насколько я разбита внутри.

Моя спина исцелилась. Она больше не причиняла страдания и не болела, но я знала, что она не осталась прежней. На ней появились шрамы. Каждую ночь Рене втирала какой-то специальный крем, который она заказала у Джульетты. Она сказала, что мои шрамы уже видны гораздо меньше, чем ее собственные. Даже тогда она не рассказала мне о своем годе в роли Приобретения, и о том, почему она осталась здесь, в этом доме.

Пока я потерялась в своих мыслях, мои руки работали на холсте сами по себе. Прежде чем поняла, я нарисовала одну суровую линию, затем другую, затем еще одну. Я работала лихорадочно, набрасывая эскиз тела, невероятно худого и втянутого, и покрытого пересекающимися линиями. Нарисовала, принялась штриховать, пока изображение не появилось на белом фоне таким, каким оно родилось у меня в голове.

Рисунок был жутким даже без цвета. Голова женщины была наклонена в сторону. Рука с хлыстом отведена назад, словно агрессор стоял перед ней там, где я, по эту сторону мольберта, в жажде ещё большего насилия. Когда я, наконец, решилась закрасить, смешав небрежно цвета, я поняла, что был уже поздний час. Рене уснула на диване, книга лежала на ее мягко поднимающейся и опадающей груди.

Я осторожно разбудила ее и отправила спать, прежде чем вернуться к своей работе, намереваясь завершить то, что начала. Я нанесла гладкий слой малинового цвета, позволяя краске стекать вниз полосами, прежде чем приняться за них кончиком кисти. Оставив эту часть высыхать, я начала работать над краями и фоном. Провела рукой по своей длинной юбке, оставив отпечаток краски, которую, как я знала, никогда не выведу.

Лозы в черном и зеленом цвете, спутанные, скрученные, подобно змеям, вырастали под моими мазками. Они выглядели такими ядовитыми, как я и хотела, угрожая с холста, пытаясь попробовать малиновый на переднем плане. Они обернулись вокруг лодыжек и запястий обнаженной женщины.

Когда я закончила, то отошла, окидывая картину критическим взглядом. Стемнело и нужно было еще очень многое доделать, но там, под карандашом и краской, жила моя душа. Тьма, заразившая меня, перешла на кисть, а затем вылилась в линии на холсте. Если

вытащить эту тьму из меня, перестанет ли она гнить?

— Передано как нельзя более точно.

Я повернулась. Вайнмонт стоял позади меня, так близко, что я не знала, как не услышала его. Он снова был выбрит, собран. На нем был костюм, галстук ослаблен, а верхняя пуговица расстегнута. Однако, глаза были загнанными. Они все еще отражали глубокую бурную синеву. Под ними были серые круги, беспокойство или тревога оставили свой след.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал он.

— Да неужели? — Я скрестила руки на груди, не заботясь о том, что запачкаю краской всю рубашку. Не впервые. — Может быть, тебе стоит посмотреть на мою спину. Она может изменить твоё мнение.

Он закончил возиться с галстуком, вытащив его, так что тот теперь просто повис у него на шее.

— Я сделал то, что должен был сделать, Стелла.

Горящая ярость вспыхнула в груди. Гнев кипел так долго, что лицо Вайнмонта сейчас перед глазами заставило злость забурлить через край. Но, что сделало все хуже, что действительно послало меня за край, так это то, что какая-то часть меня признала изменение в нем. То, что он сказал мне в ту ночь в моей комнате, как он выглядел сейчас — ничто из этого не говорило, что он охотно хотел бы причинить мне боль снова.

— Почему? — Я встретила его взгляд.

— Потому что ты мое Приобретение. И потому что я должен победить.

— Значит, ты сделаешь все, что нужно, чтобы победить, чтобы стать Сувереном?

— Победить? Да. — Его лицо ожесточилось, превратившись в грубую маску, которую я так хорошо знала. — Я сделаю все, что в моих силах, чтобы победить.

— Тогда почему ты здесь? Зачем вообще приходить ко мне и разговаривать, пока не настанет время для моего праздничного избиения?

— Рене рассказала тебе? — Он покачал головой, злость вспыхнула в его усталых глазах.

— Да. Она рассказала, что у меня очень напряженный праздничный график в течение следующих нескольких месяцев.

— Что еще она тебе рассказала?

— Ничего. Ты хорошо ее натренировал.

Вайнмонт провел рукой по темным волосам.

— Не я.

— Тогда кто?

Он сделал шаг мне навстречу. Я скопировала его, делая такой же шаг назад.

Тень пересекла его лицо. *Боль?* Затем исчезла, и он прижал руки к бокам, открывая ад в своих глазах.

— Послушай, Стелла, это то, чего никто из нас не может избежать. Я делаю то, что должен. Это все, что тебе нужно знать. Как только твой год закончится, ты сможешь уйти и никогда не оглядываться назад. А до этого момента мне нужно, чтобы ты делала, как я прошу, и просто приняла это. Больше никаких вопросов. И никаких попыток бегства.

— Я не бегу.

— Продолжай в том же духе. — Мужчина сделал еще один угрожающий шаг ко мне.

Я стояла на своем. Он мог причинить мне боль, но я не дам ему превратить мой страх в свое преимущество. Я смотрела в него, мимо синевы, глубже, наблюдая, как гнев в глазах

уступил место огню. Воздух в комнате начал трещать, словно его пронзил электрический ток, который проскакивал между нами.

Все беспокойство, с которым вошел Вайнмонт, исчезло. Он выглядел... голодным, словно луна вышла из-за облака и открыла истину о том, сколько в нем от изголодавшегося волка.

Его взгляд бродил по моему лицу, моему телу. Когда по моей коже ударил жар, как будто Вайнмонт коснулся меня, я знала, что я проклята. Желать прикосновения дьявола было ни чем иным, как смертным грехом.

Я ударила его. Моя открытая ладонь хлестнула по его лицу приятным шлепком. Он не ответил, просто отвел голову в сторону, пока в его шее не хрустнуло самым отвратительным образом. То, что было огнем в его глазах, превратилось в яростное пламя.

Вайнмонт двинулся вперед, остановившись всего в нескольких дюймах передо мной. Я отвела руку назад, чтобы снова ударить его, но он поймал, до боли сжав мое запястье. Я подняла подбородок, встречая его порочное вторжение неповиновением. Он не вселит в меня столько страха, чтобы я отступила. Отступление не для меня. Меня не волновало, было ли все это место покрыто чертовыми лозами, я рассеку и сожгу их, пока не расчищу место для себя, своего творчества, своих книг и своей собственной свободы.

Резко, словно гадюка, он обхватил свободной рукой мое лицо. Я не вздрогнула, хотя ожидала, что он ударит меня. Жар в его взгляде говорил о чем-то взрывоопасном — о насилии или желании, или, может быть, острой смеси и первого, и второго. Когда его ладонь коснулась моей кожи, мои глаза непроизвольно закрылись.

— Такая мягкая, — произнес он ошеломленным голосом.

Я падала глубже в кроличью нору, все перевернулось с ног на голову и стало неправильным из-за его прикосновения. *Боже, его прикосновение...* Ощущение было похоже на то, словно я все это время голодала, не зная об этом. Когда я открыла глаза, Вайнмонт наклонился, его губы поддразнивали мои на расстоянии миллиметра. Он был великолепным хищником — волком в овечьей шкуре.

Я подняла свою мятежную руку, чтобы снова ударить его, но он поймал ее, как и в первый раз, и вывернул обе руки мне за спину. Вайнмонт прижал меня к своей груди, загоняя в ловушку своим телом. Я чувствовала, как пламя исходит от него жаркими волнами. Мог ли он почувствовать мой огонь? Его взгляд удерживал меня крепко, яростно и властно. Он смотрел на меня, словно я была его *собственностью*. Не из-за контракта, не из-за Приобретения, а потому, что так ему диктовало его желание. У него было бы то, что он хотел. Его взгляд скользнул к моему рту, он опустил голову, и его дыхание коснулось моих губ.

Я горела от желания уничтожить его, оставить на растерзание языкам пламени, пока буду уходить от пепла. Но сначала... просто поцелуй. Я привстала на цыпочки.

Наши губы встретились.

Я потеряла себя.

Он не был нежен. Я знала, что и не будет, и все еще хотела его. Его губы были мягкими и настойчивыми, отдавая все и требуя еще больше. Его язык попробовал мои губы. Когда Вайнмонт потянул мои волосы назад, я выгнулась к нему и открыла рот. Его язык был порочным исследователем, ласкал и дегустировал меня так, как никогда.

Мужчина застонал и обнял меня, с силой прижимая к своему телу. Его запах охватил мои рецепторы, впитался в мои легкие, как вихрь, уводя меня еще больше под его

закливание. Соски, превратившись в твердые и жаждущие горошины, потирались об него. Они болели от желания ощутить на себе прикосновения его губ. Я не понимала чистейшей потребности, что вырастала внутри меня, влажности между моими бедрами, отчаянного желания получать все больше и больше.

Вайнмонт поднял меня и отнес к дивану, уложил и посмотрел на свой приз. Он снял пиджак и сдернул рубашку, позволяя пуговицам разлететься во все стороны, открыв моему взору свой пресс. Та же «V», что и на мне, была вытатуирована на его сердце, запутанные виноградные лозы расплзались и тянулись по его груди и рукам.

Я облизнула губы, и его взгляд устремился прямо к движению моего языка. Он был пауком, которым я всегда представляла его, смертоносным и красивым.

Мужчина опустился на меня, вжимаясь между моих бедер. Его руки тут же оказались на подоле моей рубашки, задирая ее и открывая мое тело. Он вздрогнул, увидев, что на мне не было лифчика.

— Черт, Стелла, — прохрипел он.

Он оставил по жаркому поцелую на каждом соске. Мой желудок напрягся и сжался.

Я впиалась пальцами в его волосы, царапая его, когда он взял сосок в рот. Я изогнула спину над диваном. Его рот ощущался таким горячим, пока он дразнил мою твердую вершину. Вайнмонт обвел языком пик, прежде чем потянуть его зубами. Ощущение направилось прямиком к моей киске, заставляя ее пульсировать от желания. Когда он всосал мой сосок достаточно сильно, чтобы причинить боль, я не смогла заглушить свой крик. Он собирался проглотить меня, точно так, как всегда обещали его глаза.

Он оставил мою грудь, чтобы подняться и заклеить мой рот. Его твердая длина упиралась в мою промежность. Это обещало больше удовольствия, чем я когда-либо чувствовала. Я впиалась ногтями в его плечи, желая причинить ему боль, отметить его так же, как он сделал со мной. Прикусила ему губу, пуская кровь. Он застонал и грубо поцеловал меня, заставив попробовать вкус меди на его языке. Я горела, ярость и ненависть смешивались с самой главной потребностью. Я хотела, чтобы он истекал кровью, но в то же время жаждала, чтобы он похоронил себя глубоко внутри меня. Хотела, чтобы Вайнмонт кричал от боли так же, как и от самого сильного удовольствия.

Пока наши рты сражались, вокруг моих ногтей пробивалась кровь там, где я повредила его кожу. Вайнмонт раскачивал свои бедра, заставляя мой клитор гудеть от силы каждого его удара. Он схватил меня за волосы, потянув, пока я не закричала. Когда я открыла рот, он вонзился в него языком, клеймя меня. Я сдалась. Открылась для него, позволив попробовать меня, разрешив владеть мной. Он так крепко поцеловал меня, что воздух исчез, и я дышала только им.

Он скользнул рукой по моей забытой груди и приподнял ее, проводя большим пальцем по моему соску. Я застонала в его рот, его язык принял на себя звук прежде, чем он проглотил его. Вайнмонт овладел мной, заклеил меня гораздо больше, чем чернила на шее или шрамы на спине. Его прикосновение, настойчивый поцелуй помечали меня глубже, надежнее, чем когда-либо сможет кнут. Я предавала себя. Я знала это. Мне было все равно. Я не хотела ничего, кроме него, его рук, его тела, его поцелуя. Я никогда не чувствовала себя более живой.

Мужчина запустил руку между нами, сдвигая мою юбку вверх, прежде чем грубо оттянуть мои трусики в сторону. Коснувшись моего влажного лона, он застонал. Я хотела, чтобы он был внутри меня. Хотела, чтобы вел себя дико, отчаянно. Хотела, чтобы он кончил

ради меня, и только ради меня.

— Ты такая влажная, — пробормотал он. Вайнмонт отпустил мою грудь и схватил за волосы, наклонив голову в сторону и всосав нежную кожу моей шеи.

Его пальцы набросились на меня, играя мной, пока я не начала корчиться под ним. Хотела и отчаянно нуждалась в его прикосновении. Он был самой вкусной вещью, которую я когда-либо пробовала.

— Тебе нравится, Стелла? — пробормотал он.

— Да, — выдохнула я.

— Как насчет этого? — Он погрузился пальцем внутрь.

Я ахнула, дыхание завибрировало в моем горле от безудержного удовольствия. Он вынул его и снова вошел. Мои бедра двинулись ему навстречу.

— Трахает мой палец, Стелла? Просто подожди, пока это будет мой член, который заполнит каждый последний миллиметр твоей тугой киски.

Мне показалось, я смогу кончить только от его слов. Никто никогда не говорил мне такого. Мне нужно было больше.

Он уселся на корточки.

— Не двигайся, — рык, подобный звериному, был под стать его дикому взгляду.

Он толкнул мою юбку вниз по бедрам. Одной рукой сорвал с меня трусики. Затем пристально посмотрел на мою киску. Я была голой перед ним, полностью открытой и отданной на его милость, какой никогда не была, даже когда меня приковали и высекли. Это был самый интимный момент, который я когда-либо переживала.

— Я не могу остановиться, — он медленно поднял взгляд на меня. — И не буду.

Я с трудом сглотнула, все еще ощущая его вкус на своих губах.

— Не останавливайся.

ГЛАВА 15

СИНКЛЕР

Понадобилась каждая последняя унция моего самоконтроля, чтобы не разорвать на себе ширинку и не вбиться в Стеллу. Ее блестящая розовая плоть была чем-то, о чем я фантазировал, и теперь момент, когда она находилась прямо передо мной, значил слишком много.

Я потянулся к ширинке и вытащил член из боксеров. Он пульсировал в моей ладони. Я не хотел чувствовать свою кожу. Я хотел Стеллу. Каждый ее дюйм.

Ее глаза расширились, когда она увидела меня, твердого и готового для нее. Я скользнул головкой по ее мягким складкам, едва сдержавшись, чтобы не кончить. Ухватил за основание, удерживая себя под контролем.

Она попятилась от меня. Ни в коем случае я не позволю ей сдать назад. Я подгрел ее обратно под себя и взял за горло.

— Он слишком большой, Синклер. Я... я не думаю, что смогу.

Она назвала меня по имени. Я всегда хотел, чтобы она звала меня «Синклер», хотя она настаивала на «Вайнмонт». В первом случае это означало бы капитуляцию, во втором же

было проклятием. Все, что мне от нее нужно сейчас, это полное повиновение, подчинение. И я получу это.

— Я не занималась этим с тех пор, как мы с Диланом...

Я заткнул ее, вставив в нее два пальца. Она застонала и закрыла глаза. Я не хотел слышать о том, как кто-то касался того, что было моим. После сегодняшнего вечера они все будут стерты. Я был готов трахнуть ее так совершенно, что смог бы стать ее первым, ее последним, ее всем. Моя сперма на ней — внутри нее — пометит ее, как мою.

Все еще удерживая ее одной рукой, я поглаживал ей клитор кончиками пальцев. Страх испарялся из нее, пока я доводил ее до иступления. Ее клитор был сладкой маленькой горошиной, которая требовала, чтобы ее удовлетворили. Я дам Стелле то, что она хотела, то, что ей нужно.

Я согнул указательный палец вокруг клитора и потирал его все более широкими кругами. Стелла становилась дикой, ее бедра встречали мои движения все с большей и большей потребностью. Она толкалась мне навстречу, умоляя об освобождении, которое не получит, пока каждый дюйм меня не будет похоронен в ее тугом жаре.

Я поднес свои влажные пальцы ко рту и слизал с них ее сладость.

Она наблюдала, ее глаза горели от такой же похоти, с которой я ее хотел.

Я скользнул членом к ее входу. Плоть под моей головкой была уже не просто горячей, а расплавленной. Мышцы спины дрожали от необходимости погрузиться в нее, взять то, что я хотел, взять так грубо, как я этого жаждал. Но я не мог. Я бы не причинил ей вреда. Не в этот раз. Еще нет.

— Синклер.

Это была благоговейная молитва, слетевшая с ее опухших губ.

Я толкнулся внутрь и приник головой к изысканному бархату ее кожи. Стелла застонала и схватилась за меня. Я не мог сказать, хотела она оттолкнуть меня или притянуть ближе. В любом случае, я не мог остановиться. Я нуждался в ней больше, чем когда-либо в жизни. Смотрел, как медленно погружался в нее, дюйм за дюймом. Дальше, еще дальше. Когда вошел так глубоко, как только мог, ее мышцы сжались вокруг меня, затягивая меня глубже. Тем не менее, я хотел большего. Я хотел все.

Я заломил ее руки над головой и прижал их к дивану, когда вышел, и снова вошел полностью, с силой, наполняя ее всю.

— Блядь.

— Синклер, пожалуйста.

Никогда в своей жизни я не слышал более сексуального звука.

— Что пожалуйста?

Она терлась об меня, ее клитор умолял об освобождении, как и ее рот.

— Пожалуйста, просто... просто... Я хочу кончить.

Блядь. Мой член пульсировал внутри нее, опасно близко к краю. Я успокоил свое дыхание.

— Ты хочешь, чтобы я заставил тебя кончить, Стелла?

— Да.

Я вытащил член и скользнул назад, прежде чем взяться за медленный ритм. На ее лице смешалось удовольствие и боль, пока я медленно делал ее своей.

— Посмотри на меня, Стелла.

Глаза были наполовину прикрыты, но все-таки сосредоточились на мне. Я хотел, чтобы

она смотрела на меня, когда я доставлял ей удовольствие. Этот гребаный варвар, который жил у меня в груди, требовал, чтобы она признала, что я — единственный, кто мог дать ей освобождение, о котором она просила.

Я облизал ее открытые губы, прежде чем снова напасть на ее рот. Я заклеил ее полностью, своим членом и языком, которые находились в ней, доставляя удовлетворение. Я знал, что мой член скоро взорвется, яйца поджались. Я не кончу, пока это не сделает она. Как только я почувствую, как ее мышцы выдаивают меня, я покрою губы ее киски своей спермой. Этот образ в моем сознании почти послал меня за край.

Я вытащил член, оставшись в ней только головкой, и поцеловал ее затвердевший сосок. Когда я отпустил ее руки, Стелла запустила их мне в волосы, потянув, пока не стало больно, и я зарычал против ее нежной плоти. Я прикусил вершину ее груди и принялся трахать жестче, глубоко вбиваясь в нее членом. Ее бедра поднимались мне навстречу, отвечая на мой ритм.

Я знал, что она близко, напряжение росло в ней, как я и предполагал. Каждый содрогающий ее тело толчок сказывался прямоком на ее клиторе. Она выгнулась дугой на кушетке, ее великолепная грудь дрожала от моих ударов, пока сама Стелла терлась клитором об меня с каждым движением.

— Не останавливайся! Пожалуйста, Синклер, не останавливайся, — ее голос был сексуальным, хриплым и низким.

Как будто у меня был выбор. Я не останавлиюсь ни за какие деньги, не тогда, когда я так глубоко погружался в ее розовую влажность.

— Кончи для меня, Стелла. Я владею этим телом. Теперь я хочу, чтобы оно кончило.

— Синклер...

Она принялась качать головой из стороны в сторону.

Не мог сказать, отказывала ли она мне или проигрывала перед своей собственной страстью. В любом случае, ей нужно было сосредоточиться на мне. Я схватил ее за волосы и заставил встретить мой взгляд.

Я вколачивался в нее, моя кожа шлепала по ней с каждым порочным ударом. Звук отражался по комнате, пока я трахал ее как зверь, злобный и одичалый. Ее стоны подстегивали меня двигаться сильнее и быстрее.

Я крепко схватил ее волосы, тонкие пряди опутывали мои пальцы. Хотел, чтобы она чувствовала только меня. Не думала ни о чем, кроме меня.

— Ты моя. Кончи для меня, Стелла. Сейчас же.

От моих слов ее киска задрожала, и Стелла выкрикнула мое имя, погружаясь в реку освобождения. Звук был невыносим. Я вышел из нее, чтобы покрыть ее сжимающуюся плоть спермой. Она вырвала из меня освобождение, которое охватило все мое тело с ног до головы, когда я сжал свою длину рукой, покрывая ее своим семенем. Ее взгляд был прикован ко мне, пока я кончал. Там, в ее глазах было что-то, чего я даже не мог себе представить. Это было притяжением, гордостью даже.

Когда последняя капля спермы осталась на ее идеальной коже, я сел и откинул голову назад. Сделал глубокий вдох, пока она задыхалась под мной.

— Это было, это было... — она пыталась связно говорить подо мной, бегая глазами из стороны в сторону.

— Я знаю, — ответил я.

Пока я пялился в потолок, меня омыла невидимая волна вины и ответственности. Что я

наделал? Разве все не было и так достаточно запутанным?

— Не делай этого, — теперь ее голос был мягким, а освобождение разжижало ее напряжение.

— Не делать что?

— Не сожалею. Не жалею меня.

Как я мог не делать этого?

В комнате раздался звук, похожий на выстрел, затем другой. Я повернул голову. Люций стоял в дверях, медленно хлопая в ладоши. Я дернулся назад, схватил пиджак с пола и прикрыл Стеллу.

— Очень мило, старший братец. После такого мне сейчас нужно будет пойти и изрядно подрочить.

Стелла закрыла лицо обеими руками.

— Не стесняйся, Стелла. Мне очень понравилось шоу. Твои сиськи, честное слово, эпические. И я могу только представить себе, насколько сладка эта киска, раз Сину так быстро снесло голову.

— Убирайся. — Я встал и дернул брюки вверх.

— Я всего лишь встал перехватить чего-нибудь на кухне после полуночи, вот и все. Ты не можешь винить меня за то, что я пришел убедиться, что шум издавал не грабитель. Ну знаешь, тот, который трахается до того, как обчистить это место. — Он ухмыльнулся. Я ненавидел его, главным образом потому, что он был почти зеркальным отражением меня.

Я двинулся на него. Люций отступил, смеясь.

— Я ухажу. Потому что, серьезно, придется хорошенько выжать свой член, прежде чем я даже смогу подумать о сне. Конечно же, в своей фантазии мне придется заменить тебя, но я уверен, ты поймешь.

Я двинулся к нему, готовый убить собственную кровь. Как уместно.

Он развернулся на каблуках и скрылся в коридоре, его самодовольный смех уничтожил мою уже несуществующую сдержанность.

Я вернулся к Стелле и использовал свой пиджак, чтобы вытереть ее. Она обхватила свою грудь руками, а затем оправила юбку, чтобы прикрыться. Когда она села и повернулась, чтобы взять рубашку, я увидел шрамы на спине.

Воздух замерз в моих легких от воспоминания о той ночи, заставив желчь в моем желудке плескаться и карабкаться вверх по горлу. Так много боли. Ее кровь пропитала всю мою одежду. Как только прожектор направился на что-то другое на сцене, и внимание толпы переключилось, я освободил ее, прижав к груди. Я не мог вынести мысль о том, что кто-то еще прикоснется к ней, посмотрит на нее. Ее кровь пропитала прикрывающую накидку, окрашивая все во вселяющий страх красный цвет, пропитывая воздух запахом меди.

Ее кровь все еще покрывала мои руки, хотя только я мог видеть ее. И теперь я взял еще больше от нее. Мне не хотелось раскаиваться, больше нет. Я собирался пройти через это, сделать это — стать монстром, которым я должен был стать.

Я протянул руку и провел по одной из отметин. Она застыла и посмотрела на меня через плечо. Обвинение в ее глазах было оправданным, более чем справедливым. Мне все еще было тяжело, это грузом лежало у меня в груди и тянулось к моему сердцу зазубринами.

Она отдернула свою рубашку, скрывая то, что я сделал с ней. Щеки покраснели, охваченные стыдом, или какими-то другими эмоциями, что придавало ее коже румяный оттенок.

— Пришло время выполнить свое обещание. Я хочу увидеть моего отца и сводного брата.

— Что? Сейчас? — Я не предвидел этого. А следовало.

— Да. Ты сказал, что устроишь, когда я попрошу. Итак, я прошу.

Я не хотел, чтобы они были здесь, отравляли ее и настраивали против меня. Хотя, сама эта мысль была смешна. Я и сам прекрасно справлялся с этой задачей.

Стелла оцетинилась от моего колебания.

— Что же, ты сдержишь свое слово или нет?

Моя мать ударила бы ее за такой дерзкий вопрос. Я же не двигался.

— Я всегда сдерживаю свое слово. В какой день ты хочешь увидеться с ними?

— Завтра. Днем.

— Отлично, но только на час. Не больше.

— Час? Этого недостаточно, чтоб... чтобы...

— Я никогда не обещал тебе того, как долго они будут здесь находиться, я всего лишь согласился на встречу. — Я ненавидел мысль о том, что ее приемный брат будет здесь, будет с ней разговаривать, думая, что он имеет влияние на нее. Он не имеет. И никогда больше не будет.

Она встала и разгладила юбку быстрыми сердитыми движениями.

— Знаешь, что? Я была права. Тебе стоит жалеть об этом. Тебе стоит пожалеть об этом всем.

Она ушла, не оглянувшись назад, и забрала с собой больше моей души, чем я должен был позволить.

ГЛАВА 16

СТЕЛЛА

Повозившись с волосами, я закинула их на спину, убедившись, что они скроют татуировку. Не хотела, чтобы папа или Дилан увидели мое пожизненное клеймо. На мне был простой черный свитер и серая юбка. В их глазах, я, без сомнения, буду выглядеть так же, как месяц назад. Только я знала, что женщина, которую они помнят, давно исчезла.

Входная дверь открылась, и шаги стали приближаться. Я стояла, от нервов мои движения выходили резкими. Так отчаянно хотелось увидеть отца, но я волновалась, что он очень разозлится. Ему не нужно было страдать больше, чем это необходимо.

Папа поспешил ко мне и обнял. Я не понимала, что слезы стекают по моим щекам, пока они не достигли моих губ, оставшись солью на языке.

— Папа, — это все, что я смогла выдать.

Дилан был в нескольких шагах позади, закипая от ярости. Вайнмонт стоял позади них, прислонившись к широкому дверному косяку гостиной.

Папа долго меня удерживал, гладил мои волосы и продолжал говорить, что он сожалеет. Я отстранилась и заглянула в его водянистые голубые глаза.

— Не сожалею. Я сама решила сделать это. И сделаю все, чтобы ты был в безопасности.

Он покачал головой, теперь еще более седой, чем я помнила.

— Это должен делать я. Не ты.

— Мы собираемся вытащить тебя отсюда, Стелла, — Дилан резко притянул меня в свои громоздкие объятия, сжимая. — Я вытащу тебя, — прошептал он мне на ухо.

Я опустила подбородок ему на плечо и поймала взгляд Вайнмонта, мечущий кинжалы в Дилана.

Ревнуешь, Вайнмонт?

Я поцеловала Дилана в щеку и взглянула на Вайнмонта. Он сжал руки в кулаки по бокам, его безупречный костюм и галстук плохо выполняли свою работу — им не удавалось скрыть под собой животное.

Дилан отстранился от меня и посмотрел в глаза:

— Он причинил тебе боль?

— Я... я...

Мужчина обернулся и двинулся к Вайнмонту, который просто стоял и ухмылялся. Он издевался над Диланом, дразня его, чтобы тот мог причинить ему боль. Я знала силу в теле Вайнмонта, как он мог сломать даже такого человека, как Дилан.

— Никто не причинял мне боли, — сказала я. — Пожалуйста, давайте просто посидим. У нас только час. Пожалуйста.

Он остановился всего в нескольких футах от Вайнмонта, и оба мужчины, излучая тестостерон, уставились друг на друга. Я подошла к Дилану и попыталась оттащить его.

— Пойдем, Дилан. Посиди со мной.

Он положил ладонь на мою руку и обнял меня за талию. Вайнмонт скрестил руки на груди, мышцы выпирали даже через его рубашку.

Я отвела Дилана от него до того, как мой час был бы украден бессмысленным насилием. Его мне хватило на всю оставшуюся жизнь.

Папа опустился на мягкий стул сбоку, а мы с Диланом сели на диван с цветочным узором. Солнце залило комнату светом, обнажая холодный воздух снаружи. Мой отец выглядел худее, хотя он, казалось, был хорошо одет: одежда была новой и отутюженной. Дилан был в своей обычной рубашке и джинсах.

Вайнмонт не сдвинулся, так и оставшись стоять у двери. Я посмотрела на него, желая, чтобы он исчез. Он улыбнулся мне в ответ, бросая вызов попросить его уйти. Я знала, что это бесполезно. Вместо этого я вложила свою руку в руку Дилана и переплела наши пальцы.

Наслаждайся шоу, ублюдок.

Краем глаза я увидела, как он переминался с ноги на ногу, увидела напряженность в его каменных мышцах. Помню их близко, в интимном моменте. Я отмахнулась от этих мыслей и сосредоточилась на отце.

— Как твои дела?

Папа посмотрел вниз, прежде чем снова взглянуть на меня.

— Я знаю, что все время говорю это, но мне жаль. Я должен был просто позволить ему посадить меня в тюрьму. Я должен был... Тебя никогда не должно было быть здесь.

— Я не хочу говорить о том, что должно было быть или могло быть. У нас есть всего лишь немного времени, и я хочу послушать о вас. Как дом? У тебя были проблемы со старыми клиентами? Какие-нибудь из моих картин продались?

Я заставила себя улыбнуться, побуждая моего отца сделать то же самое, словно мы были нормальными людьми, а не скорбящим отцом и порабощенной дочерью.

— О, твои картины, — он почти улыбнулся. — Да, да. Звонили из галереи. Всего

несколько дней назад появился какой-то коллекционер и скупил все твои работы до единой.

— Кто-то скупил всю галерею?

— Нет, не всю, только твои картины. Это было самое странное. Каждая оплачена, упакована и уже отправлена. Я не знаю, кто это был, и галерея сослалась на конфиденциальность. Но чек оказался весьма внушительным. — Его взгляд снова опустился. — Я положил деньги на твой счет. Они будут там, когда ты вернешься.

Сердце сжалось от мысли, что мое искусство будет украшать стены какого-то коллекционера. Я никогда не продавала больше, чем несколько картин. Конечно, никто никогда не покупал по две сразу. Эта новость была словно Рождество... А затем я вспомнила, что несло в себе мое предстоящее Рождество.

Моя улыбка немного поблекла, прежде чем я снова натянула ее на лицо.

— Дилан, как школа?

— Все по-старому, все по-старому. Моя команда лакросса ведет кубок, как и каждый год... — Он рассказал о своих больших достижениях в жизни снаружи этого поместья, о начале нового учебного года. Вместо того, чтобы заставить меня чувствовать себя лучше, это только усилило мою изоляцию здесь, в поместье Вайнмонта.

Я решила, что буду больше выходить на улицу, особенно сейчас, когда моя спина исцелилась. Рене говорила о конюшне и прилегающей территории. Я всегда была хорошим наездником.

Когда Дилан замолчал, мой отец наклонился вперед и взял мои руки в свои.

— Пожалуйста, скажи мне, чем ты занималась этот месяц. Я думаю о тебе каждую секунду.

Я взглянула на Вайнмонта. Его взгляд просверливал во мне дыры.

— Я в основном остаюсь в доме. Читаю и рисую. Я здесь не одна. У меня есть хорошая подруга Рене. И братья Вайнмонта приятны, особенно самый младший, Тедди. — Ладно, я, возможно, немного выдумала — ну, много выдумала — но я не могла рассказать о том, что меня высекли до крови и я разгуливала нагишом на балу.

— Он навредил тебе? Или кто-нибудь? Я не могу вынести мысль о том, что они причиняют тебе боль. — Слезы снова собрались в глазах отца.

Я настойчиво покачала головой, отрицая.

— Нет, нет. Здесь все очень приятные. На самом деле, я в порядке. Правда, это как высококласная тюрьма. Еда тоже хорошая. Гораздо лучше, чем ты когда-либо готовил, пап.

Месяц назад это заставило бы его рассмеяться. Теперь, однако, он только грустно улыбнулся.

— Если они просто держат тебя здесь, как питомца, тогда какой в этом смысл? — спросил Дилан.

— Я, эм, этого я действительно не знаю, — ложь с легкостью скатывалась с моего языка. — Думаю, что это что-то типа их традиции здесь.

— Почему бы тебе не просветить нас, говнюк? — Дилан повернулся к Вайнмонту.

— О, достаточно сказать, что мне нравится владеть прекрасными вещами. Как ты знаешь, твоя сводная сестра невероятно симпатичная, особенно когда она свободна от таких мелочей, как одежда, например, — ответил Вайнмонт, не мешкая.

Я крепко сжала руку Дилана, удерживая его рядом с собой на диване, вместо того, чтобы бросить вызов дьяволу в дверном проеме.

— У меня есть идея, Стелла. Почему бы тебе не показать Дилану, кому ты

принадлежишь?

Мое сердце окатило ледяной водой.

— Что?

— Если он хочет знать, почему я удерживаю тебя и что с тобой делаю, просто дай ему взглянуть на твою шею. Я понимаю, что мозг у него работает медленно, но, может быть, небольшая демонстрация поможет ему разобраться.

Дилан уже прожигал мое горло взглядом.

— О чем он говорит, Стелла?

— Ни о чем. — Я пригладила волосы.

— Он что-то сделал с тобой? — спросил папа. Печаль в его голосе оторвала частичку моего сердца, оставив кровавый, зазубренный край.

— Нет, он просто болтает.

— Покажи им, Стелла. — Это больше не было обычным предложением. Теперь это была команда.

— Нет. — Я умоляла его, унижение поднималось по мне, окрашивая мои щеки.

— По этому пути ты хочешь пойти? — Вайнмонт перевел взгляд с моего отца на меня, угроза повисла в воздухе. — Сделай это.

— Не разговаривай с ней так. — Гнев Дилана смешивался с уже опасным потоком эмоций в комнате.

— Нет, я покажу тебе. Только не спорь с ним.

— Я не боюсь его. — Дилан встал и посмотрел на Вайнмонта. — *Не боюсь тебя.* Давай выйдем наружу, ублюдок.

— Подожди, нет, Дилан. Он прав. Он владеет мной. Я позволила ему, ясно? Я его. Смотри. — Я наклонила голову и убрала волосы в сторону. — Видишь? Я его. Я решила быть здесь, решила принадлежать ему.

Отец ахнул.

— Нет, Стелла.

— Видишь, Дилан? — Самодовольный тон Вайнмонта пробудил во мне желание выколоть ему глаза.

— Все, что я вижу, это бабу, которая кончает от того, что причиняет женщинам боль, — прорычал Дилан.

Один-ноль в пользу Дилана.

— Давай не будем так преуменьшать. Мне также нравится причинять боль мужчинам, особенно таким тупым амбалам, как ты. Хочешь, чтобы я показал? — Вайнмонт оттолкнулся от дверного косяка и встал наготове.

Я убрала волосы назад.

— Хватит, вы оба! Дилан, пожалуйста, ради меня, просто поговори со мной еще. Игнорируй его. Разве ты не видишь? Он хочет, чтобы ты вышел с ним на улицу и вступил в схватку.

— Трата времени, Дилан, — добавил Вайнмонт не так мило.

Папа опустил голову на руки. Я никогда не видела его настолько подавленным. Я опустилась на колени у его ног.

— Пожалуйста, не надо, пап. Все будет хорошо. Все-все. Осталось одиннадцать месяцев? Это пустяки. Я вернусь прежде, чем ты это поймешь.

— Я никогда не прощу себя, — он вздрогнул, когда рыдание вырвалось из него.

— Здесь нечего прощать, — сказала я. — Пожалуйста, не мучь себя. Я хочу, чтобы ты был здоровым и счастливым, когда я вернусь домой. Хочу, чтобы ты ждал меня с распростертыми объятиями. Я буду там, папа. Вот увидишь. Это не так долго. — Я прижалась лбом к его голове.

Он больше не сказал ни слова, так как слезы одолели его. Я обняла руками его дрожащее тело. Пока держала отца, я словно вынырнула из какого-то глубокого колодца силы внутри себя, из того, о существовании которого даже не знала.

— Время вышло, — нахмурился Вайнмонт.

— Взгляни на него! У тебя действительно нет сердца? — прошипела я.

— В этом случае? Нет. Никакого сердца. Теперь, джентльмены, я предлагаю вам обратиться из моего дома.

— А если мы этого не сделаем? — спросил Дилан.

— Люций, — позвал Вайнмонт.

Появился его брат, и вдвоем они напомнили твердую стену мышц. Они были почти одинаковы. Оба сердиты настолько, что их угрозу можно было ощутить. Они могли избить Дилана и моего отца до беспамятства, если бы им предоставили такую возможность.

— Я провожу вас. Давайте. — Я не позволю им причинить боль папе или Дилану.

Мой отец с трудом поднялся, и я помогла ему дойти до парадной двери. Дилан взял его под другой локоть, когда мы спускались вниз по лестнице. Черный BMW ждал их снаружи.

— Твоя мама купила тебе новую машину? — спросила я.

— Нет, это его, — Дилан указал на папу.

— О, — я предположила, что его старая, разбитая Camry, наконец, умерла.

С жала отца в еще одном долгом объятье.

— Я скоро увижу тебя. Обещаю.

Он прижал дрожащую руку к моей щеке.

— Я буду считать секунды.

Вайнмонт фыркнул, как будто папа пошутил. Я выстрелила в него едким взглядом.

Мы с Диланом помогли папе сесть на место водителя. Когда он оказался внутри, я долго обнимала Дилана. И Вайнмонт, и Люций ухмылялись, не сомневаясь, что они одержали какую-то победу. Я покажу им.

Когда Дилан отстранился, я встала на цыпочки и поцеловала его в губы. Сначала он был удивлен, но потом углубил поцелуй, отклоняя меня назад и прижимая к себе. Его язык ринулся в мой рот, пытаясь ощутить максимально полный вкус. Это было не совсем приятно, но, когда он вернул меня в вертикальное положение, и я разомкнула объятья, огня в глазах братьев Вайнмонт было более, чем достаточно.

— Это было... — Дилан провел рукой по своим выкрашенным в цвет соломы волосам. — Это было мило.

— Я скоро увижу тебя, — я опустила руку ему на грудь, играя, словно за это мне дадут Оскара.

Он пришел в себя.

— Я вытащу тебя отсюда. Клянусь, я сделаю это.

Я улыбнулась ему, хотя знала, что его клятву нельзя было сдержать. Отсюда не было выхода. Не для меня. Пока не выйдет мое время.

Дилан подошел к пассажирской двери и нырнул в машину. Я махала им всю дорогу, пока они отъезжали. Когда автомобиль исчез в ярком свете, я повернулась и поднялась по

лестнице.

Вайнмонт схватил меня за руку.

— Что это было?

— Где? — Я невинно заморгала.

— Ты знаешь, где.

Я пожала плечами, наслаждаясь подергиванием мышцы на его челюсти.

— Я — всего лишь невероятно симпатичная сводная сестра. Что я могу сказать? — Я вытащила руку из его хватки и прошла мимо столь же разозленного Люция. — Хорошего вам дня, мальчики, — выкрикнула я и закрыла входную дверь позади себя, пока мое сердце согревала моя маленькая победа.

ГЛАВА 17

СТЕЛЛА

На следующее утро я завтракала с Тедди, так как он вернулся из школы на выходные. Мы довольно долго обсуждали его занятия по оценке предметов искусства. Как и Люций, он, казалось, имел наметанный глаз на хорошие вещи.

Он начал было плохо отзываться о Джексоне Поллаке, но к концу своего второго кофе пришел к мысли, что не все искусство должно воплощать собой натюрморты и цветы в вазах. Вопреки своим внутренним противоречиям, я начинала испытывать к нему больше любви. Он казался таким нормальным, как молодой человек, пытающийся понять себя и найти дорогу в свет.

Я задавалась вопросом, как этот хорошо воспитанный парень мог находиться в родстве с такими людьми, как семья Вайнмонт. Опять же, я встретила только Люция и Синклера. Я не знала, какими были их родители.

— Итак, теперь, когда мы разобрались с твоим уроком искусства, — сказала я, — у меня есть несколько собственных вопросов. Я устала от того, что сижу здесь взаперти, и думаю, что ты мог бы мне помочь. Есть лошади, на которых я могла бы кататься?

— Типа здесь, в поместье? — Он оторвал кусочек от бекона и подмигнул красивой горничной, пока она наполняла мою чашку.

— Да.

— Конечно. Я отведу тебя. Хотя не смогу покататься с тобой. Нужно доделать домашнее задание, а потом у меня свидание. — Его взгляд скользнул к горничной, Лауре.

— Оу? Что-то романтическое? — спросила я.

— Посмотрим, — Тедди встал. — Идем.

Я последовала за ним в коридор.

— Стелла, подожди. Ты не можешь кататься верхом в теннисных туфлях. Есть какие-нибудь ботинки?

Я посмотрела на свой костюм.

— Ты прав. Встретимся здесь через пять минут.

Я бросилась наверх и надела джинсы, футболку, легкую куртку и сапоги, прежде чем вернуться к Тедди. Лора поспешила прочь, когда я достигла нижней ступеньки. Тедди

улыбнулся, его были губы чуть более красного оттенка, чем когда я его оставила.

— Не говори ничего Сину, хорошо? — Он провел меня через кухню, а затем вышел через заднюю дверь.

— У меня нет намерений что-либо говорить ему, и точка. Так что ничего страшного.

— Да, между вами двумя происходит что-то сумасшедшее. Я этого не понимаю. Научился просто не задавать никаких вопросов. Во всяком случае, они ничего мне не говорят. — Он пожал плечами. Его волосы были светлее, чем у Вайнмонта, но он был таким же высоким и почти так же хорошо сложен. Неудивительно, что он нравился Лоре.

Тедди привел меня к квадроциклу, припаркованному за домом, и махнул мне, чтобы я села позади него. Он закинул ногу и запустил двигатель.

— А где, эм... шлем? — спросила я, перекрикивая шум двигателя.

— Страшно? — Он улыбнулся, и я поняла, что он был сердцеедом с телом молодого, милого человека.

Я прижалась к нему сзади и обняла его за талию:

— Езжай быстрее.

Он рассмеялся, глубоко и гулко, так, что я почувствовала это по его спине.

— Да, мэм.

День оказался нехарактерно теплым, но ветер от скоростной езды на квадроцикле ощущался восхитительно. В воздухе витал запах осени, терпкий и знакомый. Многие деревья по-прежнему не сбросили свой летний цвет, в то время как другие уже сдались, оголив ветви и уснув.

Тедди маневрировал по извилистой дороге. Я взвизгивала от удовольствия, от движения и свободы. Впереди появился сарай, большой, из классического красного кирпича. Связки сена выстроились перед ним, и куры бегали и клевали что-то у себя под ногами в курятнике рядом. Это была действительно прекрасная картина: небо голубое по большей части, с несколькими пушистыми облаками, красный сарай и разноцветные листья на деревьях — все вместе создавало некую идиллию.

Мы пролетели мимо сарая и подъехали к конюшне, построенной из того же самого красного кирпича. Тедди припарковался и помог мне слезть с квадроцикла.

— Это было весело.

Он снова улыбнулся красивой улыбкой.

— В любой момент. Я помогу тебе. Давай.

Мы вошли в конюшню, и он исчез, как я предположила, в комнате со снаряжением для верховой езды. В дорогом блоке стояло несколько лошадей. Две поразили мою фантазию. Одна — большая и темная — заржала, приветствуя меня. Я протянула руку и слегка потерла ее нос. Она была гордой, но все же дружелюбной.

Рядом стояла белая кобыла, настолько светлого окраса, что выглядела почти серебряной. Она посмотрела, как я приближаюсь, и ткнулась носом в мою руку.

— О, ты отправишься на Глории. Она моя любимица. Я бы и сам выбрал ее для тебя.

— Ты все время ухаживаешь за лошадьми?

— Нет. Хотя я бы с удовольствием. Вот только из-за школы нет времени. У нас есть специалист по уходу за ними и несколько конюхов. Они ухаживают за лошадьми, берут их на шоу и тому подобное. Они и в данный момент на шоу, завтра вернутся.

Тедди принес седло к стойлу Глории.

— Пойдем, Глория. Не хочешь хорошенько прокатиться? — Она фыркнула и кивнула

головой.

Я рассмеялась.

— Она точно знает, как получить желаемое.

— Умнее лошади ты еще не встречала. — Тедди бросил взгляд через плечо на черного жеребца. — Без обид, Тень.

Тень не ответил.

— Это лошадь Сина, — объяснил он.

— Я должна была догадаться.

Тедди вывел Глорию из стойла и запряг ее для меня. Как только уздечка была на месте, он помог мне скорректировать стремяна.

— Чувствуешь себя хорошо? — Он провел рукой по гриве Глории.

— Ага. Я думаю, что все в порядке. Спасибо, Тедди. — Мне нравилось находиться верхом на лошади. Это заставляло меня чувствовать себя высокой, всемогущей.

— Рад помочь. — Он вывел нас с Глорией из полумрака конюшни на дневной свет.

— Итак, как я уже сказал, я не знаю всего, но уверен, что у меня будут большие неприятности, если ты уедешь в закат и никогда не вернешься, — он прищурился.

— Не под твоим присмотром, Тедди. Обещаю.

— Тогда все в порядке. Скачи туда, если желаешь проехать мимо озера и по набережной. Там есть деревья, если захочешь прокатиться под покровом леса или можешь вернуться к дому. Тебе решать.

— Думаю, посмотрю на набережную.

— Хороший выбор, — он поднял глаза. — Не оставайся здесь слишком долго. Когда вот так тепло, вскоре жди бурю.

— Не буду. Прошло много времени с тех пор, как я ездила верхом. Задница начнет болеть в мгновение ока. — Я покраснела. *Что я только что сказала?*

Он усмехнулся.

— Справедливо.

Я пустилась медленной рысью, следуя по дороге. Тедди взревел на своем квадроцикле и ринулся обратно к дому. Я надеялась, что его свидание пройдет хорошо.

Он был прав в том, что день необыкновенно теплый. Я сбросила куртку и завязала ее рукава на талии. Подстегнула Глорию, чтобы та пошла немного быстрее, и она была рада послушаться. Может быть, она слишком долго была взаперти, как и я. Спина ее была гладкой, скорость идеальной. Кто-то явно любил ее и хорошо тренировал.

Вскоре мы мчались по траве. Ветер ударял мне в лицо, и волосы растрепались за спиной. Я любила каждую секунду этого. Страх смешивался с волнением, когда я наклонилась и схватила гриву лошади. Солнце залило мое лицо светом и восхитительным жаром.

Мы мчались много миль, конюшня давно осталась позади, и пред нашим взором расстилались лишь разросшиеся леса и тонкая полоса травы рядом с дорогой. Здесь, вдали от дома, земля была гораздо менее ухожена, поросшая дикой травой.

Мы напугали каких-то оленей в открытом поле, когда промчались мимо, заставив их разбегаться между деревьями, их белые хвосты торчали вверх, выдавая тревогу. Кажется, Глория не возражала. Она двигалась вперед, свободно и быстро, ветер звучал словно песня освобождения в наших ушах.

После нескольких минут галопа я потянула поводья на себя, замедлив ее, и уселась в

вертикальном положении. Я направила ее обратно на дорогу, и мы объехали мост, огораживающий широкую поросль. Рыба плыла в воде под нами, и лягушки квакали среди деревьев. В нескольких сотнях ярдов впереди мое внимание привлек блеск большого количества воды. Набережная. Мы дошли до края. Перед нами открылся широкий резервуар — озеро, исчезающее вдалеке в поросших лесом узких заливах.

На дальнем краю я могла четко разглядеть прямые линии домика в лесу.

— Как думаешь, Глория, здесь есть аллигаторы?

Она фыркнула и наклонилась к высокой траве.

Камыши росли по берегам, и отходы от лесопилы плавали на поверхности здесь и там. Неподалеку было видно заброшенный док и небольшую деревянную лодку. Вода темнела к центру. Интересно, насколько глубоко там было?

Я направила Глорию дальше вверх по берегу, где небольшой пруд с отстоявшейся водой отделился от большого озера. Выступ, покрытый травой, разделял водоемы. Наверху я спешила с лошади на землю. Последние несколько цикад лета играли свою песню на соснах, окруженных водой со всех сторон. Я всегда ассоциировала эти звуки с жаркими днями.

Я позволила Глории щипать высокую траву, пока сама улеглась на землю, глядя на проплывающие облака. Достала украденные у Люция наушники и наобум включила одну из песен на его айпode, пока солнце улыбалось сверху, согревая меня утешающими лучами.

Я провела пальцами по голове и закрыла глаза.

* * *

Меня разбудило громкое ржание Глории. Я, должно быть, задремала под теплым солнцем. Теперь оно исчезло, темные облака закрыли небо, грозясь пролить на меня ливень. Раскат грома заставил Глорию ткнуться носом в мою голову.

Я встала на колени, а затем поднялась на ноги.

— Я проснулась, проснулась. Нам лучше вернуться.

Спрятала украденный айпод. Когда взобралась на спину Глории, молния за облаками сверкнула, и на нас упали огромные капли дождя. Затем начался град, крупнее, чем тот, что должен падать с неба. Круглые льдины, размером с мяч для гольфа, больно били по мне с каждым ударом. Вероятнее всего, потребуется около получаса, чтобы вернуться в конюшню. Единственным другим убежищем был домик в лесу, который я заметила ранее. Я больше не могла видеть его из-за завесы дождя и града, но он был недалеко.

Кусок льда ударил меня по лбу, и я почувствовала, как по лицу потекла теплая струйка крови.

Дерьмо.

Я не могла оставаться на открытом пространстве. Приняв решение, я потянула Глорию к лесу. Нам придется переждать шторм в домике. Громовые раскаты становились все более оглушающими, и звук отражался в моей груди, когда молния рассекала небо.

Мы добрались до линии деревьев, ветви над нами блокировали или, по крайней мере, замедляли град. Глория заржала, когда за внезапной молнией последовал оглушительный раскат грома. Я погладила ее гриву.

— Все в порядке, девочка. Мы просто должны добраться до домика.

Я повела ее через деревья, направляясь туда, где, как я помнила, находился домик. Или,

по крайней мере, мне казалось, он там. Мы попали в центр бури, и от мрака и пелены дождя почти ничего не было видно.

Я вела и вела лошадь вперед. Домик должен был быть рядом. Я надеялась, что не пропустила его в темноте леса. Мы прошли немного дальше, но до сих пор не было никаких признаков сооружения. Мы, должно быть, пропустили его. Я повернула Глорию, чтобы возвратиться назад.

Дождь, казалось, поутих на короткое время. Может быть, шторм прошел, и мы сможем отправиться обратно в конюшню вместо того, чтобы переждать его? Затем странное ощущение пронзило мое тело, словно покаявание. *О, нет.*

— Глория, уходи! — закричала я.

Слишком поздно. Молния ударила так близко возле нас, что Глория со всей своей силы дернулась назад и скинула меня. Я ударилась об ствол дерева. Последнее, что я слышала, был оглушительный раскат грома.

ГЛАВА 18

СИНКЛЕР

Мне удалось добраться до переднего крыльца прежде, чем хлынул сильный ливень. Затем начался град. Хорошо, что я припарковался в гараже. Войдя внутрь, я снял пальто и протянул его Фарнсу, прежде чем ослабить галстук.

— Она в библиотеке? — спросил я.

— Нет, мистер Синклер. Думаю, что она и Тедди отправились на прогулку.

— Как глупо. — По крайней мере, Тедди позаботится о ней. Образ Стеллы в мокрой футболке проплыл у меня в голове. Мысль о ней с Тедди больше не казалась такой приятной. — Наверное, пойду проверю, успели ли они вернуться до дождя.

— Очень хорошая идея, сэр, — улыбнулся Фарнс.

Я поднялся по лестнице в свою комнату, перепрыгивая через две ступеньки за раз. Снял костюм и переоделся в футболку и джинсы. Сорвал плащ с вешалки, когда ритмичный стук донесся до моих ушей.

Люций все еще был на заводе. Я разговаривал с ним по телефону, так что больше никто не должен был находиться в нашем крыле дома. Я рывком натянул сапоги и направился по коридору, крадучись по ковру, чтобы приглушить шаги.

Чем ближе я подходил к комнате Тедди, тем громче был звук, прерываемый стонами и женским голосом. Мои руки сжались. Огонь лизнул сердце, хватая его как пламенное лассо, неумолимо притягивая меня к его двери. Образ Стеллы вернулся, но на этот раз она оказалась под Тедди, корчась от удовольствия, пока он трахал ее. Мне пришлось опереться рукой о стену, когда мое зрение заволочло туманной дымкой, и ярость окрасила все вокруг оттенками темного.

Нет. Ну, Фарнс сказал, что они ушли. Я бы рассмеялся, если что-нибудь казалось забавным. Но ничего не было. Убийство может быть интересным, но определенно не забавным. Я схватился за дверную ручку, закаляя себя перед тем, что собирался увидеть. Крики становились все громче, и между ними раздавались шлепки плоти о плоть.

Я распахнул дверь. Тедди лежал на горничной с кухни, Лоре. Он скатился с нее, когда увидел меня.

— Син! — Тедди набросил одеяло на обнаженное тело девушки.

Я выпустил сдерживаемый выдох. Облегчение омыло меня, заменяя горький вкус ненависти и ярости.

— Ты что, блядь, больше не стучишь?

— Чёрт возьми, Тедди. Я думал, ты... — Я покачал головой.

— Со Стеллой? — спросил Тедди.

— Мне лучше уйти, — дрогнул голос Лоры.

— Нет, останься, — Тедди погладил рукой ее по коленке.

Ее лицо, казалось, пронзило болью, когда она посмотрела на меня.

Я вздохнул.

— Я не собираюсь увольнять тебя, Лора.

Хотя и должен.

Мне стоило бы приказать ей упаковать свои вещи и уехать в ту же секунду. Вместо этого мой разум вращался вокруг вопросов, где была Стелла, что она делала. Тедди мог подождать.

Она выпустила сдерживаемый воздух, кровь вернулась к ее лицу с удвоенной силой.

— Конечно, он тебя не уволит, — Тедди уставился на меня.

— Тедди, мы говорили об этом. Ты не можешь трахать мой персонал.

— Как и ты не можешь трахать Приобретение?

Я снова посмотрел на него.

— Стелла — не твое дело. Я сказал тебе держаться подальше.

— Тяжело держаться от нее подальше, когда ты заставляешь ее стоять голой на столе или избиваешь.

— Тедди! — рявкнул я и взглянул на Лору. Она отвернулась, притворившись глухой.

Брат пожал плечами и опустил взгляд.

— Ты знаешь, о чем я.

— Тедди, пожалуйста, поверь мне, когда я говорю тебе, что ты ни черта не знаешь об этом. Ни о Приобретении, ни тем более о Стелле, — я пожалел о своих словах, как только они слетели с языка. Тедди выглядел уязвленным. Люций мог быть объектом нападок, но Тедди — нет. Он был не таким, как мы. Внутри него билось доброе сердце.

Я подавил свой гнев и оттолкнул его, прежде чем продолжить ровным тоном.

— Прости, Тедди. Я не это имел в виду.

— Я бы узнал об этом больше, если бы ты рассказал мне. Может быть, я мог бы помочь. — Он встал и провел рукой по волосам. Казалось, он не замечал, как его член раскачивался из стороны в сторону.

— Тебе не нужно знать. Это только для первородного. — С тех пор, как приехала Стелла, я разговаривал с ним об этом шесть раз.

— Тогда почему Люций знает?

— Люций всего лишь думает, что знает. Но это не так. Поверь мне. Когда станешь старше, если тебе придется заниматься этим дерьмом, ты узнаешь. И ты пожалеешь об этом, понятно?

Тедди пробурчал что-то и уселся. Он бросил взгляд на Лауру, и его настроение слегка улучшилось.

Тишина стала более, чем неудобной. Лаура кашлянула.

— Итак, где Стелла? — этот вопрос вертелся у меня на языке с того момента, как я вошел в дверь.

— Она решила прокатиться на лошади. — Тедди повернулся, чтобы посмотреть в окно. — Дерьмо. Я не понимал, что слышал гром. Я думал, что это ...

— Твоя кровать, которая долбила стену, жеребец? — Мне нужно было снять напряжение. Тедди стоил защиты, и я не хотел, чтобы он чувствовал себя так, как я, — пойманным в ловушку обмана.

Он улыбнулся, покраснев.

— Что-то вроде того.

Я последовал за его взглядом к окну, за которым хлестал ливень.

Блядь. Если Стелла там, она промокнет насквозь, и ей повезет, если она не попадет под град. Сейчас температура снизилась, так как на нас надвигался холодный циклон. Мне нужно было найти ее. Быстро.

— Она направилась к набережной, если это поможет, — сказал Тедди.

— Поможет. Спасибо, Тед. Прости, что прервал.

Я закрыл дверь. Когда достиг лестницы, из его комнаты вновь донесся прежний ритм.

Я бросился в гараж и завел машину. Дождь был непроглядным барьером молочного цвета, и градины отскакивали от роскошного автомобиля. Было больно слышать, как лед наносит ущерб, но я был слишком охвачен тревогой. Пробивался сквозь плотно непроглядной пелены дождя и мчался вниз по скользкой дороге к задней части поместья. Подумывал о том, чтобы спуститься к набережной, но понял, что если сделаю это, а она ушла в лес, то не смогу ее найти. Я остановился в конюшне и заглушил двигатель.

Я надеялся, что она внутри, теплая и сухая, переживает дождь. Я побежал мимо стойл в поисках ее. Девушки там не было, как и Глории. Что-то тревожное и тошнотворное скрутилось в моем животе. Чувство, с которым я попрощался очень давно. Страх.

Тень заржал от особо громкого раската грома и топнул в неодобрении. Дверь в стойле была открыта, а седла не было. Я не терял времени, чтобы оседлать коня. Он спокойно стоял, пока гремел гром, словно отчаянно хотел выбраться на прогулку, проклиная этим бурю.

— Это будет мокрая поездка. — Я забрался на него и отправился из конюшни в дождь. По крайней мере, град прекратился.

Капли жалили, когда я направил Тень под ливень. Мы установили адский темп. Это был не просто дождь, небо сбрасывало воду, силой выталкивая ее на землю. Молния расколола небо над нами, вспышка и последующий раскат заставили Тень встать на дыбы.

— Спокойно. Спокойно, мальчик, — я держался за поводья, как за дражайшую жизнь, и заставил его опуститься на землю. — Соберись, — я провел рукой по загривку, погладив его. Дождевая вода пропитала мою одежду. Плащ ничего мог сделать против ее натиска.

Тень возобновил галоп, и я направил его к дороге, пока трава с двух сторон превращалась в болото. Для его копыт становилось тяжелее, но он мог маневрировать, поэтому набрал свой темп. Мне казалось, что я обгоняю время — жгучая потребность добраться до Стеллы поселилась глубоко внутри меня.

Чем она думала, уезжая в одиночку? Если она хотела поехать, то должна была спросить меня. Я бы взял ее. Теперь она попала в бурю. Даже пока я молча поносил ее, жуткий страх преодолевал мой гнев.

Я увидел движение сквозь темную стену ливня впереди. Конь. Мое сердце подскочило.

Я потянул поводья назад. Я мог бы отвести Стеллу обратно в конюшню и быстро согреть ее. Я проигнорировал сильное облегчение, которое спустилось на меня и прищурился, глядя вперед. Порыв ветра оттолкнул водяной занавес в сторону на секунды. Мое сердце замерло.

Блядь.

Глория выбежала из ливня и пронеслась мимо нас в сторону конюшни. Она была без наездника и запредельно напугана. Мое мгновенное облечение отправило меня в еще более глубокое состояние паники, когда я понял, что это не что иное, как мираж. Стелла осталась где-то в буре.

Мои мысли превратились в хаос, подобный тому, что окружал меня. Тедди сказал, что она поехала к набережной. Куда бы она пошла?

— Быстрее, Тень. — Я впился пятками в его бока, и он метнулся вперед.

Я проигнорировал жала капель воды, хлещущих меня по лицу. Холод просачивался в поры, вырывая тепло из моего тела, когда я приказывал Тени мчаться вперед. Мелькнувшая молния и гром стали еще одной частью размытого пейзажа. Мы развили полный галоп, головокружительный темп, мчась в сердце бушующего шторма.

Мы пересекли узкий мост, ведущий к набережной. Я потянул Тень налево, к вершине холма, где, я чувствовал, Стелла, возможно, могла остаться. Мы замедлились и объехали вокруг него. Должно быть, она была здесь. Я едва смог рассмотреть, но трава была пожевана, и небольшой ее участок был примят, как будто кто-то недавно лежал там. Она была здесь. Куда она подевалась?

Я не мог этого видеть, но знал, что поблизости находится старый охотничий лагерь. Возможно, она попыталась добраться до бревенчатой хижины. Я направил Тень вверх по краю озера, и мы вошли в сосновый лес. Я крепко держался за поводья. Тень был напуган, готов сорваться прочь. Я медленно гладил его на ходу. Если Стелла попыталась укрыться под ветвями, я не мог позволить себе пропустить ее. Копыта жеребца погружались в размягченную землю под деревьями, но он продолжал двигаться быстро.

— Полегче, парень. Не спеши. Ступай медленно. — Рев дождя, пронзающего каждую поверхность, заглушил мой голос, но Тень повиновался.

Я направил его к месту, где, я знал, находится бревенчатый домик. Мы проехали приблизительно сто ярдов, прежде чем запах озона заглушил свежий аромат дождя в воздухе. Почерневшее дерево, покрытое бороздами и рассеченное пополам, лежало справа от нас. Должно быть, молния недавно ударила по нему.

Дерьмо. Где Стелла?

Мы проехали еще немного легким галопом, прежде чем я увидел ее. Она лежала на земле. Мое сердце, уже мчась в груди, ощущалось, словно могло остановиться, и никогда вновь не обрести свой ритм. Я спрыгнул с Тени, крепко держась за поводья, когда подтащил его к ней.

— Стелла! — Я крикнул сквозь стену дождя, и мой голос едва можно было услышать из-за воющего ветра.

Она не двигалась. Кровь вытекала из раны на ее лбу, и она была бледной, почти белой. Я схватил ее в свои объятия, страх в моей душе практически можно было пробовать на ощупь.

Она дышала. Когда ее грудь шевельнулась на вдохе, я аккуратно забросил ее вялое тело на спину Тени. С одной стороны держа ее в безопасности, а с другой сжимая поводья, я вел Тень сквозь деревья. Раскаты грома и в подметки не годились ударам моего сердца. Я

проталкивался вперед, снова и снова вырывая сапоги из промокшей илистой земли. Через некоторое время мои ноги горели от напряжения. Я проигнорировал боль. Ничто не мешает мне обезопасить ее. Я продолжал брести, пока в поле зрения не появился домик.

Подвел Тень к широкому крыльцу и привязал поводья к перилам.

— Здесь ты будешь в безопасности.

Я снял Стеллу со спины Тени и понес внутрь.

Домик был старым, но мы ухаживали за ним. Недавно отреставрировали, внося современные удобства, и он стал гораздо больше, чем обычный охотничий домик. Я оставил грязные следы на мраморном каррерском полу и опустил Стеллу, перепачканную и окровавленную, на кожаный диван. Шторм все еще бушевал снаружи, но домик был как кокон, заглушая неукротимую ярость погоды.

Мы насквозь промокли. Я убрал слипшиеся волосы с ее лица и осмотрел рассечение на лбу. Оно было неглубоким, но кровоточило, как сучка. Я прощупал ее голову и обнаружил сбоку под волосами шишку размером с мячик для гольфа. *Блядь.*

— Стелла, проснись, ради меня. Стелла?

Она вздрогнула. Циклон, принесший шторм, принес и холод. Я приступил к работе, сначала сдергивая сапоги, чтобы раздеть ее до лифчика и трусиков. Я обследовал ее, ища кровь или сломанные кости. Страх оставлял меня поэтапно — каждая часть ее, что была неповрежденной, изгоняла его.

Она казалась прекрасной, если не считать голову, которая была абсолютной противоположностью прекрасного. Больше всего мне нужно было согреть ее. Я поднял ее и положил на пушистый ковер перед камином. Схватил пульт и нажал на «огонь», вжимая кнопку сильнее и все выше и выше поднимая градус температуры на панели управления, пока нас не начало окутывать тепло.

Тропливо снял с себя одежду и притянул Стеллу спиной к своей груди, пока мы лежали перед ревущим огнем. Я убрал ее волосы от лица и пригладил их.

— Стелла, мне нужно, чтобы ты проснулась, ради меня. — Я провел рукой по ее телу. Кожа была липкой и холодной, несмотря на тепло от камина.

Я схватил край ковра и набросил его на нас. Мы были обернуты овчиной и прямо перед огнем. Мы либо согреемся, либо сгорим заживо.

— Давай же, Стелла. — Мне нужно, чтобы она была в порядке. Я твердил себе, что это потому, что она необходима мне для Приобретения. Это было ложью. Я хотел ее. Заботился о ней. И дело не в том, что это становилось чертовой проблемой эпического масштаба.

Я продолжал растирать рукой ее бок, желая перелить свой жар в ее тело. Ее кожа медленно нагревалась под моим прикосновением. Она пошевелилась, ее веки задрожали, и я сделал вдох, в который вылилось больше страха, чем, думаю, способен испытать.

— Синклер?

— Да. Я здесь.

— Что случилось?

— Ты мне скажи. Я нашел тебя в лесу. Как твоя голова?

— Болит, — ее голос звучал слабо.

Я положил руки ей на плечи и повернул, чтобы она посмотрела на меня. Порез прекратил кровоточить, но красный след по-прежнему оставался вдоль линии роста ее волос и на бровях. Я провел рукой по шишке на ее голове. Казалось, она немного уменьшилась. Приподнял ее подбородок, чтобы взглянуть ей в глаза. Зрачки, похоже, были в норме.

Сотрясения нет. Возможно.

Я покачал головой и притянул Стеллу ближе к себе, ее голова упала на мою мокрую шею.

— Ты выглядишь ужасно.

— Кто бы говорил.

Я рассмеялся. По-настоящему не смеялся от чистой радости ни с кем, кроме моих братьев так давно, что этот звук казался странным, но одновременно и правильным.

— Ммм, не думаю, что когда-нибудь слышала, как ты смеешься. Ну, разве что ты делаешь это всякий раз, когда топишь щенков или что-то в этом роде. Я никогда не слышала твоего смеха.

Я зарылся носом в ее мокрые волосы.

— Я топлю щенков каждый четверг. Тебе просто нужно поймать меня в подходящее время.

Она хихикнула и обняла меня. Воздух между нами расширился, каким-то образом становясь обширнее, гуще. Может быть, приправился ожиданием. Мы лежали на ковре перед огнем, а снаружи бушевала гроза. Мы должны были пить вино, смеяться и трахаться. Но это был не роман или сказка. Она была моим Приобретением.

— Перестань думать. — Она потянулась своими губами к моим и легонько коснулась их. Сладкая приманка.

— Не знаю, могу ли.

— Если я могу, то и ты сможешь. В конце концов, я — пленница, раба, Приобретение, та, кого ты высекаешь и унижаешь...

Я набросился на ее рот, потому что, черт возьми, я хотел заткнуть ее. То, как она озвучивала длинный список моих грехов, несло слишком много правды. В тот момент перед огнем мне хотелось сказки. Хотелось быть ее рыцарем вместо демона. Я поцеловал ее, как будто чувствовал, что она — нечто большее для меня, чем собственность. Я позволил отпустить себя. Только на один раз.

Стелла ответила более решительно, чем я имел право заслуживать или ожидать. За последние недели она много раз удивляла меня, так что я должен был привыкнуть к этому. Но не привык. Когда она приложила руку к моей щеке и нежно приласкала ее, я был захвачен ею больше, чем мог вынести. Я сбросил с нас ковер и затянул ее вверх на себя, так и не разрывая нашего отчаянного поцелуя.

Она оседлала меня, ткань ее трусиков — сводящий с ума барьер между ее восхитительной кожей и моей. Я расстегнул ее лифчик. Она выпрчмилась и сняла его, ее соски сморщились и напряглись в танцующем свете. Я сжал ее грудь, ощутив безупречный вес каждой из них в своих ладонях. Стелла закрыла глаза и откинула голову назад, когда я прикасался к ней, поглаживал и дразнил. Наклонился и поймал одну из жемчужных вершин в рот. На вкус она была как дождь, пот и сладость. Совершенство. Я облизнул и втянул в рот, щелкая языком по твердому соску. Ее бедра двинулись навстречу моему члену, дав мне представление о том, что меня ожидало под тканью — горячее, влажное и желающее.

Я подцепил пальцами резинку ее трусиков с одной стороны и разорвал их. Сделал то же самое с другой стороны и выдернул их из-под нее. Мой член подпрыгнул от обещания эйфории, которую предлагала ее киска. Я знал, что она тесная, гладкая, совершенная. Она потиралась своим нуждающимся клитором по моему стволу, давая себе фальшивое удовольствие, точно так же, как и мне. Я хотел все.

Схватил ее бедра и приподнял. Она обвила мой член своей маленькой ладонью. Стелла превратилась из холодной в обжигающе горячую, и ее прикосновение заставило меня шипеть.

— Черт возьми, Стелла. — Я едва мог формировать слова сквозь стиснутые зубы.

Девушка дразнила меня, потирая головкой свой клитор, когда ее бедра раскачивались надо мной. Я больше не мог ждать. Потянул ее вперед, разместив головку перед ее входом. Когда она скользнула по моему члену, я застонал от требовательной необходимости вбиться в нее. Кончиками пальцев впился в ее мягкие бедра. Она окинула меня затуманенным взглядом зеленых глаз из-под полуприкрытых ресниц. Когда она поднялась и снова опустилась, впуская меня так глубоко, как только могла, потребовалась каждая унция моей силы воли, чтобы не перевернуть и не оттрахать ее жестко и быстро.

Стелла наклонилась ко мне, прижимаясь своей идеальной грудью к моей. Она установила медленный ритм, словно пытаясь привыкнуть к моей длине внутри нее. Этого было недостаточно. Я вколачивался в нее, встречая ее удары с чистой животной похотью, желая отнять у нее все, что было. Она задыхалась, каждый выдох вырывался жаром из ее приоткрытых губ. Я разместил одну ладонь на ее заднице, а второй рукой сгреб ее волосы в кулак.

Обрушил свой рот на ее, когда наши тела слились в одно. Она застонала и ускорила темп, скользнула назад и вперед по моему члену и потерлась об меня клитором. Я хотел его в своем рту, но ни за что не мог позволить своему члену покинуть ее жаркое лоно. Я был груб, клеймя ее рот и натягивая ее волосы. Она впивалась ногтями в мою грудь, пока объезжала меня, все сомнения испарились, сдались перед нашим взаимным удовольствием.

Я перевернул ее на спину, широко развел ее ноги под собой, сел и набросился ртом на каждый дюйм ее покрасневшей киски. Это была самая горячая вещь, которую я когда-либо видел, что заставило мои яйца подтянуться еще сильнее.

— Чертовски красивая, Стелла.

— Син, — выдохнула она.

Она никогда не называла меня так. Я ставил это хрипло прозвучавшее слово на повтор в своей голове каждый раз, когда думал о ее тесном теле.

Когда я вновь вошел в нее, я словно вернулся домой. Вся мягкость исчезла. Мне нужна была она, и больше ничего. Стелла ахнула, когда я лег на нее и вонзился еще раз. Она крепко сжала мои плечи, когда я припал ртом к ее шее, слабый соленый привкус остался на моем языке. Она вжималась пятками мне в спину, а я погружался членом в ее мягчайшую плоть.

Ее бедра были прижаты к полу, но ей все еще удавалось толкаться мне навстречу, добавив еще больше грубости к нашему гребаному безумию.

— Тебе так нравится, Стелла? Когда мой член глубоко внутри тебя?

— Бог мой, да, — воскликнула она.

— Не бог, Стелла. — Я вколачивался в нее более длинными и грубыми ударами, и мой член требовал, чтобы я взорвался внутри нее.

— Син, — она выгнула спину, прикасаясь своими сиськами ко мне.

— Именно. — Я наклонил голову и втянул в рот ее напряженный сосок, всасывая его в ритм со своими толчками.

Стелла впила руками мне в волосы.

— Я так близко.

Я захватил ее сосок зубами, прежде чем поднял голову, чтобы встретить ее похотливый

взгляд.

— Да?

Я распластал руку на ее животе и откинулся назад, наблюдая, как ее сиськи великолепно подпрыгивают при каждом ударе. Потянул ее бедра на себя, чтобы оставаться так же глубоко. Потому что я был эгоистичным ублюдком.

Опустил одну руку на ее бедро, чтобы удержать ее прижатой подо мой, затем облизнул большой палец другой руки и прижал подушечку к ее клитору.

Стелла извивалась всем телом, когда я коснулся ее чувствительной точки.

— Посмотри на меня, Стелла. Когда ты кончишь, я хочу, чтобы ты сказала мне... Сказала мне, кто заставил тебя кончить.

Она кивнула и стала хватать воздух ртом, когда я усилил давление на ее клитор, не переставая трахать ее. Мой член требовал освобождения. Я не сдался, пока она не сжалась вокруг меня.

Ее взгляд впился в меня, когда я закружил большим пальцем вокруг ее клитора. Ее киска пульсировала, и я знал, что она была на грани. Я подталкивал Стеллу к ней, быстрее потирая клитор, пока ее скользкие стенки не напряглись и не сжались.

— Син! — Она кончила с сокрушительным давлением на мой член.

Ее киска, дрожа, сжималась, когда она схватилась за ковер и повторяла одно это слово. Мой член больше не мог этого вынести, не тогда, когда перед моими глазами разворачивалось это прекрасное зрелище, и ее влагище выдаивало меня. Я толкнулся в Стеллу последний раз, сильно и жестко, и выстрелил в нее, глубоко и сильно. Я наполнил ее, каждая горячая капля, вышедшая из моего члена, стала блаженным освобождением, пока я не был опустошен.

Я позволил себе упасть на нее, чувствуя ее последние содрогания, пока оставался глубоко внутри нее.

ГЛАВА 19

Стелла

В теле ощущалась удовлетворенность, а в душе — оцепенение. Что я наделала? Этот человек, подаривший мне самый эротический момент в моей жизни, с дьявольским упорством стремился меня разрушить.

Я повернула голову к огню, пока он осыпал мою шею короткими поцелуями. В этой комнате был предатель, и он жил в моей груди. Я думала, что играю в игру, заставляя Вайнмонта заботиться обо мне достаточно, чтобы сохранить мою безопасность. Но боль в моем сердце, та, которая говорила мне, что я восприняла эти украденные моменты слишком близко к сердцу, стала обвинительной пощечиной по моему лицу.

Я пыталась увлечь его собой, заставить его заботиться. А получилось наоборот, и мое сердце попало в ловушку. Даже сейчас я снова хотела попробовать его губы, чтобы сделать его твердым и желающим под моим прикосновением. Я глубоко вздохнула.

— Прекрати, — Вайнмонт перестал зацеловывать мое лицо.

— Что прекратить?

— Думать, — он снова впился в мой рот, теперь мягко, благоговейно.

Я так сильно хотела его, что это скручивало мое сердце. Я хотела, чтобы он желал меня, чтобы дорожил мною. Но он всегда был прямолинеен. Черт, он даже сказал мне, что снова будет меня мучить. Мужчина запустил язык мне в рот, пытаюсь стереть все мысли из моей головы, и ему это почти удалось. Его запах был повсюду, что означало, что я — его. Я любила это, и в то же время ненавидела. Я разорвала поцелуй, прежде чем попала бы под его заклинание.

— Я не могу.

— Мой член все еще внутри тебя, Стелла, а ты не можешь? — Он двинул бедрами, чтобы подчеркнуть свои слова, снова будоража мой клитор.

Я толкнула его в грудь, и он отстранился, поднимаясь с меня. Я тут же захотела, чтобы он вернулся. Он впитывал взглядом мое тело, синяки, покрасневшие соски в местах, где остались следы от его укусов, отметины на шее, следы от его пальцев на моих бедрах. Он все еще выглядел голодным. А мне хотелось утолить его голод.

Но я не могла.

Я подтянула пушистый ковер повыше к груди. Он встретился со мной взглядом.

— Это было ошибкой, — сказала я.

— Я знаю. — Вайнмонт обвел глазами комнату в поисках своих боксеров, и, найдя их, надел.

Его слова ужалили меня больше, чем должны были. Теперь жар от огня в камине угнетал. Вайнмонт схватил пульт и убавил пламя. Он провел рукой по волосам в классическом жесте, который теперь я могла назвать «что-то расстроило Вайнмонта».

— Это не может повториться, — сказал он. — Ничего из этого. Нам просто нужно пережить этот год. И все, — он вложил в свои слова решимость, которую, я знала, он не чувствовал. — Это были просто... обстоятельства, — мужчина махнул рукой на окно, через которое сейчас уже лился солнечный свет.

Боль в груди расцвела еще больше. Я проигнорировала ее, потому что он был прав. Я все еще была его Приобретением, его игрушкой. Он все еще был моим похитителем. Я отбросила ковер и стала искать одежду. Он пристально смотрел на мою обнаженную кожу, прежде чем отвести взгляд и сжать челюсти.

Почти вся моя одежда, кроме джинсов, высохла у огня. Я все равно взяла их. Вайнмонт тоже одевался, его движения были быстрыми и сердитыми.

Он провел меня через парадную дверь.

Тень стоял на крыльце, его голова почти касалась стропил. Он фыркнул, когда мы вышли, и ткнул носом в руку Вайнмонта. Этот мужчина был так нежен с животным, которое тянулось к его прикосновению. Тень ответил, положив голову на плечо Вайнмонта. Они были великолепной парой, темной и красивой.

Вайнмонт повел его по ступеням на влажную траву. Я последовала за ними, и Вайнмонт помог мне забраться на лошадь, усаживаясь у меня за спиной.

— Давай, Тень, едем домой.

Мы ехали молча. Холодный ветерок проснулся после бури. Зима вскоре заявит свои права. Я откинулась назад, чтобы хоть немного ощущать тепло Вайнмонта, или так я говорила себе. Он обнял меня, немного скрывая от холодного ветра. Тень набрал легкий темп, никто из нас, похоже, не спешил возвращаться.

Я не могла сосредоточить свои мысли ни на чем другом, кроме человека за моей

спиной, его действий и слов. Я все еще хотела верить, что между нами что-то другое. Хотела верить, что наши украденные моменты в библиотеке и в домике в лесу означали нечто большее, чем просто секс.

Я задавалась вопросом, что происходит в его голове. Он тревожил себя этим так же, как и я? Вайнмонта нельзя было прочитать, если не сказать большего. Я снова расслабилась возле него, прижимаясь к его твердой груди. Он притянул меня ближе, едва держа вожжи, пока Тень неторопливо двигался домой.

Когда мы достигли конюшни, я вспомнила о своей сбежавшей лошади.

— Глория?

— Уверен, она уже жует сено внутри. Она проскакала мимо нас в пик ливня.

Буря, мой несчастный случай — Вайнмонт искал меня, несмотря на грозу.

— Спасибо, кстати.

— За что?

— За... ну, за мое спасение.

Он откинулся назад.

— Я не сделал этого. Не спас.

Он убрал руки, позволив внешнему холоду просочиться в меня за то короткое расстояние, что мы ехали к конюшне.

Мы обогнули гладкую черную машину, все еще мокрую и покрытую вмятинами. Глория ждала там, как и сказал Вайнмонт, и жевала сено.

Вайнмонт спешил на землю, а затем помог мне. Он залез в карман и протянул мне ключ от машины.

— Езжай обратно к дому. Мне нужно отвести Глорию и Тень в стойла, а тебе необходимо согреться.

— Я могу остаться и...

— Нет. Просто езжай. — Это был приказ. Он повернулся спиной и начал расседлывать Тень.

Козел. Я открыла дверь модного автомобиля и села на место водителя. Взглянула на коробку передач, похожую на жезл. Я не водила такие машины годами и не очень хорошо разбиралась в них. Я ухмыльнулась широкой спине Вайнмонта. Это причинит больше боли ему, чем мне. Я нажала кнопку зажигания, и двигатель ожил.

Выжала сцепление и с легкостью сдала назад. Ударил по газам и отпустила сцепление. Автомобиль понесся вперед и зарычал.

Ни в жизни я не сдам назад.

Вайнмонт оглянулся через плечо и покачал головой. Я переключила коробку передач на то, что было, скорее всего, задним ходом, и попробовала снова. На этот раз я быстро поехала задом из конюшен, и мне пришлось ударить по тормозам, как только я выровняла машину.

Вайнмонт полностью повернулся, наблюдая за мной, скрестив руки на груди. Я не могла сказать, был ли он огорчен или сожалел. В любом случае, я собиралась переключить коробку передач на следующую скорость. Я выжала сцепление на первой передаче, трансмиссия сердито и громко завизжала, поле чего я вжала педаль газа в пол. Я сорвалась, точно выстрел, оставив Вайнмонта и конюшню позади.

Переключила на вторую передачу, представляя лицо Вайнмонта, поскольку в этот раз я еще сильнее выдавила сцепление, от чего трансмиссия издала жуткий звук трения металла об металл. Я улыбалась, на скорости рассекая воздух весь путь до дома. Я припарковалась

перед парадной дверью, довольная собой.

Рене сидела в библиотеке и последовала за мной по лестнице, когда я бросилась наверх. Я раздевалась в своей комнате, когда она вошла.

— Где ты была? Что случилось? — Ее любопытный взгляд остановился на моей шее. — Это любовные укусы?

— Я... уф, я замерзла. Мне нужно принять ванну, и тогда я расскажу тебе об этом.

Она переключилась в режим горничной и набрала для меня горячую ванну, пока я сбрасывала оставшуюся одежду. Затем я отмокла, позволив теплу успокоить мое ноющее тело. Случай во время поездки верхом стал причиной некоторой боли, но причина остальной боли — намерения Вайнмонта. Я рассказала ей, как прошел мой день, избежав большинства сексуальных деталей, но она получила весьма полную картину.

Рене почти мгновенно пришла в смятение. Я закрыла глаза и откинула голову на бортик ванны.

— Неужели все так плохо, Рене?

— Да, если не хуже.

— Почему?

— Если его мать узнает...

Мои глаза открылись, и я дернула головой в ее сторону. Она с хлопком прикрыла рот ладонью.

— Мать Вайнмонта *жива*? Ты сказала, что она умерла!

Рене начала заламывать руки как никогда сильно.

— Я никогда не говорила, что она умерла. Ты просто сделала такие выводы.

Понимание снизошло на меня.

— Третий этаж?

Она кивнула, смущенный взгляд захватил ее черты.

— Почему это имеет значение? Где она? Она может сделать с этим что-нибудь, с Приобретением? — Мой разум мчался от мысли к мысли. Почему мать Вайнмонта скрывалась как какой-то секрет?

— Это важно, и нет, она не может тебе помочь. Она не помогла бы, даже если бы могла. Понимаешь, она была Сувереном в течение десяти лет.

Я повернулась в воде так быстро, что она вылилась за край ванны и расплескалась на пол.

— Нет, я не понимаю. Ты утаиваешь все эти секреты от меня. Как я вообще могу понять?

— Ребекка не хочет иметь ничего общего с Приобретением. Она попросту не может.

— Почему не может? — Это была та самая Рене, что рассказала мне о Приобретении, так же, как она рассказала об испытаниях. Мне нужно, чтобы она продолжала говорить.

Она опустилась на пол, садясь на коврик перед ванной.

— Я не понимаю, почему я должна держать это в тайне от тебя теперь, когда вы с мистером Синклером...

— Расскажи мне.

— Это сделает для тебя все намного хуже, — слезы собрались в ее глазах.

Я радовалась, что не рассказала ей о том, что мы сделали той ночью в библиотеке. Она могла полностью сломаться.

— Ребекка нашла меня, в то время в моей жизни не было никакой цели. Я... я... — Она

установилась на свои руки. — Я была молода и продавала свое тело в Новом Орлеане. — Красный цвет с шеи перешел на ее щеки.

— Я не осуждаю тебя, Рене. — У меня не было права судить ни о чем и ни о ком, кто пытался выжить.

— Ну, она нашла меня там. Просто наткнулась на меня, на самом деле. Тогда почти подошло время Бала Приобретений, и в том году были избраны Вайнмонты. Она была старшей, поэтому ей выпало пройти через это. Тогда я этого не понимала, но она отчаялась найти свое Приобретение. Я стала им. Я так безумно хотела выбраться из Нового Орлеана. Потому что это была судьба, — скорбь в ее голосе и чувство предательства разрывали меня.

— Прости, Рене.

— О, это было давно, — она смахнула слезу. — Просто Ребекка была такой доброй и заботливой. И она действительно оставалась такой, хотя Приобретение висело над ее головой. Ее служанка в то время стала моим союзником и рассказала мне, каким хорошим, милым человеком Ребекка всегда была. Она также была прекрасной матерью. Я сама это видела. То, как она любила своих мальчиков, было чудесно.

Она сделала паузу и глубоко вздохнула.

— Она была добра ко мне. Действительно была, пока больше не смогла это делать.

— Из-за бала?

Рене кивнула и рассеянно подняла воротник.

— Да, из-за бала и Рождества, — она побледнела. — А затем весеннего и летнего суда.

— Что случилось, Рене? Что происходит на этих судах?

— Это зависит от Суверена. В мой год... — ее голос застрял у нее в горле. — Говорят, мой год был одним из самых жестоких в истории Приобретений. Они рассказывают об этом с гордостью, словно это перо в их шляпе, с наслаждением от того, что люди могут так страдать.

Хоть вода была еще теплой, озноб пробежал по моему позвоночнику.

— У каждого суда одна цель — в соответствии с традицией, — но Суверен может выбирать, чтобы «улучшить» изощрения. Рождество оказалось для меня самым худшим. — Ее темные глаза искали мои. Они были загнаны, охвачены грустью. — Худшее для нас обоих, Ребекки и меня. И теперь я боюсь, что оно станет худшим и для тебя.

— Что случилось на Рождество, Рене? — Мне нужно было знать, но я боялась ответа.

— В мой год? В мой год они приковали нас на холоде. Мы втроем дрожали и плакали. Ты когда-нибудь замерзала до такой степени, что твоя кожа онемела, а под ней кололи миллионы игл? — ее голос зазвучал приглушенно, и я поняла, что она больше не смотрит на меня. Она все еще скована цепью, холодом и страхом. — Они сидели в обогреваемых палатках, смотрели, пили, смеялись и предавались своим самым первобытным желаниям, пока мы страдали. — Она провела руками вверх и вниз по предплечьям. — Затем, когда они были готовы к нам, они завели нас внутрь. Мы были на грани гипотермии. Один из нас даже потерял палец на ноге от обморожения, хоть я слышала, что потеря части тела была нарушением правила. Всему был предел, — она рассмеялась, высоко и отчаянно. — Они положили нас на столы в их палатках. Я была рада оказаться в тепле... а затем не рада. Они брали меня по очереди. Их было так много, — ее пронзила дрожь.

Меня пронизывал ужас. Это то, что Вайнмонт намеревался со мной сделать? Позволить этим замаскированным горгульям с бала насиловать меня?

— Они причиняли мне боль. Я не могу лгать. Они делали мне больно. Но в какой-то

момент во время этого я вроде как... отключилась. Ушла, сгорела на оставшуюся часть суда и на довольно долгое время после него. Ребекке так не повезло... Мы были, мы были...

Я протянула руку и убрала волосы от ее лица влажной рукой.

— Все в порядке, Рене. Все нормально. Прости.

Я пожалела о том, что вновь открыла ее раны, но мне нужно было знать. Или сейчас, или никогда.

Она вытерла слезы рукавом.

— Я любила ее. Я была уверена, что и она любила меня. Но эти суды и то, что они со мной сделали — это изменило ее, сделало ее холодной, жесткой. Вот как они побеждают. Понимаешь? Единственный способ победить — стать одним из них, по-настоящему превратиться в монстра, который сможет управлять всей развращенной аристократией железной рукой. Понимаешь? Это то, что они сделают с мистером Синклером. Он падет. Сломается. Но он победит. И когда он это сделает...

Ее грустные глаза захватили мои, предсказывая мое собственное темное будущее посредством описания ее прошлого.

— Ребекка победила, но потеряла себя.

ГЛАВА 20

СИНКЛЕР

— Я ничего не могу с этим поделать, Люций, — я опустился на стул в кабинете, а Люций расхаживал по комнате.

— Я устал от того, что Суверен забирает такую огромную долю, — сказал Люций. — Мы надрываем задницы, ну, по крайней мере, я, пока ты играешь роль госслужащего, а затем ебаный Кэл приходит сюда и требует проклятых денег.

— Ты знаешь, что мы обязаны платить, — я уцепился за переносицу. — Мы обсуждали это миллион раз.

Быть Сувереном — означало иметь невыразимое количество преимуществ, главным из которых является получение доли от всех доходов других правящих семей. Существовала ежегодная цена, и ее нужно было выплатить в течение месяца. Выплатить или страдать от последствий.

У меня уже было слишком много последствий, чтобы добавлять к списку еще и неуплату.

Люций пнул корзину для мусора рядом с моим столом.

— Мы до смерти изнуряем гребаных бразильцев работой и оказываем еще большее давление на наши и без того проблемные отношения с мексиканскими производителями. Сахарный тростник не такой прибыльный, как раньше. Даже такой ебанутый на голову хрен, как Кэл, должен быть в состоянии провести элементарные математические расчеты.

— Я в курсе. Это не имеет значения. Мы обязаны платить Кэлу. — Я не мог выразить это никак иначе. Факты есть факты.

Он прекратил расхаживать и уставился в окно в глубокую ночь.

— Что нам ему дать?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты знаешь, что я имею в виду, *кого* я имею в виду. Стеллу. — Он повернулся ко мне, опалив меня тем же злобным взглядом, который он носил с тех пор, как понял, что я самый старший и, следовательно, руковожу им.

— Стелла — не твоего ума дело. Она моя.

Его глаза сузились.

— Она не обязана быть твоей.

Я встал, внезапно закипев. Знал ли он?

— О чем ты говоришь?

Люций скрестил руки на груди, нацепив на лицо самодовольную усмешку.

— Мама рассказала мне некоторые правила. Она сказала, что, если бы Стелла выбрала меня, я мог бы занять твое место на судах Приобретений.

Блядь.

После долгого дня со Стеллой я был изнуренным и уставшим. Я был слегка на взводе, но Люций делал все возможное, чтобы раздуть во мне пламя гнева.

— О, да неужели? А она рассказала тебе об остальных правилах? Рассказала, что произойдет, если ты проиграешь?

— Ты не обязан становиться Сувереном, — он пожал плечами. — Что с того? Это не поражение. Мы будем в том же положении, что и были прежде.

Я колебался на грани того, чтобы рассказать ему об истинном наказании, о крови, которую потребуют от нас, чтобы сохранить наше положение. Это был тяжелый секрет, который с каждым днем обременял меня все больше. Может быть, если бы я разделил это бремя, оно не давило на меня так сильно. Я открыл рот, чтобы поведать ему смертельную правду, когда Фарнс постучал и вошел.

— Что? — огрызнулся я.

— Нам позвонили из городской больницы. Кажется, отец мисс Руссо болен. Он находится в реанимации. Ее сводный брат попросил ее приехать. Я не был уверен, что вы захотите, что бы я сделал с этой новостью.

— Я знаю, что я бы хотела, чтобы вы сделали.

Стелла вошла за Фарнсом, ее тихие шаги были не слышны из-за моего спора с Люцием. Как долго она слушала?

— Это, вероятно, какой-то трюк, придуманный твоим сводным братцем, — сказал я. — Я запрещаю тебе ехать. — Она же понимала, что это не что иное, как отчаянная уловка? Понятная и тупая, как и ее сводный брат.

Она подошла ко мне и уставилась в глаза, глядя прямо в мою душу.

— Ты не можешь запретить мне увидеть моего отца в реанимации.

Я посмотрел на Фарнса. Он понял намек и попятился в коридор, закрыв за собой дверь.

— Могу, и я только что сделал это. Вернись в свою комнату. — Я больше не выпущу ее из этого дома, не после того, что случилось в домике ранее. Она добралась до меня, пробилась сквозь мою гнилую сердцевину в единственную часть истинного сердца, которую я скрывал. Я даже не знал, что у меня еще было сердце, пока она не добралась до него. Черт бы ее побрал.

— Я никуда не пойду, пока не поговорю с отцом, — она вскинула подбородок и опустила руки на бедра.

Люций подошел к ней сзади.

— Син, это ее отец, может, тебе...

— А может, тебе, нахер, заткнуться, Люций? — Вид их вместе, стоящих как единый фронт против меня, окончательно зажег пороховой бочонок внутри меня. Я схватил Стеллу за руку и оттолкнул ее от Люция, прижимая к своей груди и сжимая ей горло рукой. Она попыталась поцарапать меня, но я сжал ее сильнее, перекрывая воздух в дыхательных путях, пока она не подчинилась. Я все время смотрел на Люция.

— Она моя. Вся. — Я скользнул рукой по ее боку, вниз вокруг ее бедра, и сжал ее кисть, как гнусный пещерный человек, коим я и был. — Это все мое. Так что отойди к чертям собачьим.

Люций зарычал и напрягся.

— С меня достаточно твоего дерьма.

Я крепко удерживал Стеллу, издеваясь над братом.

— Что, хочешь сразиться со мной? А не будешь сожалеть, когда я выбью из тебя дерьмо перед твоим маленьким увлечением прямо здесь? Может быть, тогда мне трахнуть ее, пока ты будешь истекать кровью на полу?

Люций поднял кулаки.

— Отпусти ее, иначе я выбью все твои гребаные зубы.

Острая боль в ребрах потрясла меня, заставив наши с братом взгляды опуститься вниз. Стелле удалось вывернуться и ударить меня локтем, пока Люций меня отвлекал. Она отскочила от меня и бросилась за Люция, положив руку на его предплечье. Я думал, что раньше был пороховым бочонком. Теперь же я был долбаным пороховым заводом, готовым взлететь на воздух и стереть все вокруг себя пламенем и звуковой волной. Он потянулся назад, властно прижал руку к ее бедру и ухмыльнулся.

— Я всего лишь хочу увидеть моего отца. Это все. Пожалуйста, Вайнмонт, — ее просьба, произнесенная из-за спины моего ликующего брата, оттолкнула меня далеко от моего предела.

— Хочешь? Ты уверена в этом? — Я повернулся спиной и прошел к своему столу, доставая определенную стопку бумаг.

— Да, уверена. Пожалуйста, я вернусь. Обещаю. Мне просто нужно его увидеть.

— Вот что я скажу тебе, Стелла, — яд капал с каждого моего слова. — Я хочу, чтобы ты немного почитала. Тогда и скажешь мне, хочешь ли ты его увидеть. Если да, можешь отправиться к нему. Как насчет этого?

— Ладно, — в ее голосе чувствовалось облегчение.

Я рассмеялся, звук казался грубым и суровым, даже для меня самого. Я нашел бумаги, которые искал, и держал их в руке. Ей придется подойти ко мне.

— Передай их, — сказал Люций.

— Иди и трахни себя. Стелла, подойди сюда.

Она вышла из-за его спины и осторожно подошла ко мне. Она не боялась, но и не доверяла. Я сжал бумаги сильнее.

Люций провел рукой по ее предплечью. Я хотел бить его лицо, пока он не окажется настолько беспомощным, что не сможет даже умолять меня остановиться.

Ее страх вернулся. Мне нужно было это. Я питался им. Он напомнил мне, что нужно делать, и что я *должен был* сделать. Тем не менее, это разрывало мое сердце, оставив этот мой орган измельченным и изрезанным. Я хотел сказать, что никогда не причиню ей вреда. Никогда не дам ей повода бояться меня. Но это было бы ложью.

Я передал ей бумаги, а затем поднял руки, чтобы показать ей, что я не наврежу. Но я уже это сделал. Бумаги были кинжалом, который глубже вонзится ей в спину, когда она их прочтет. Она понесла их к одному из диванов рядом с зажженной лампой. Тьма заползала с улицы, окрашивая пол в мрачные оттенки серого.

Она прочла первую страницу, затем перевернула на вторую. Я увидел, когда она поняла. Точно знал момент, когда она прочитала те слова, перевернула на третью страницу и увидела подпись своего отца.

— Он продал тебя мне, Стелла.

Ее взгляд поднялся к моему. Ужас сверкал в ее глазах, наряду со множеством других эмоций — черных, болезненных.

— Перед тем, как ты вошла тем днем в комнату, где мы с ним сидели, он уже подписал контракт, который в эту секунду ты держишь в своих руках. Один миллион долларов. Я был так доволен своей удачей. Это были гроши за такую женщину, как ты. Он с рвением согласился, подписал документ и передал тебя мне. Он даже сказал мне, как озвучить свое предложение тебе, прежде чем ты вошла. Правда, это очень помогло. И сработало. О, и как сработало. Ты вышла к машине, как и планировалось. Затем пришла сюда, как и планировалось. Он знал, что ты пожертвуешь собой ради него. Единственный человек, который, как ты думала, любил тебя, на самом деле стал тем, кто продал тебя мне. И просто, чтобы ты знала, он был виноват в каждом обвинении, которое на него вешали. Я даю тебе слово.

Ее рука поднялась к лицу, накрывая рот, пока она задыхалась. Я не ударил ее, не коснулся ее, но я точно знал, что пока она сидела там, я уничтожил какую-то частичку ее души, спрятанную в глубине. Она была разорвана, испорчена, и ничто и никогда не сможет вырасти на ее месте вновь. Во мне росло отвращение — к себе, к ее отцу, ко всему.

Она уронила бумаги и встала, поворачиваясь ко мне и качнувшись перед темным окном. Люций бросился к ней, придержав за плечо. Я ничего не мог сделать, кроме как пожелать, чтобы он сдох, и она обрела спокойствие. После всего, что я сделал, и всего, что мне нужно было сделать, я все еще хотел, чтобы она снова посмотрела на меня как в домике в лесу. Это случилось всего несколько часов назад, но теперь, казалось, что прошла целая жизнь.

Мне почудилось, что я видел любовь в ее глазах или что-то в этом роде. Я ничего не знал об этой особой эмоции, не на самом деле. Но я не помню, чтобы кто-либо когда-либо смотрел на меня таким образом, с таким большим чувством. Его охраняли, но оно было там. Мне хотелось вернуть его. Я задушу любые новые чувства, которые у нее могли появиться после прочтения документа, который теперь лежал на полу, но я все еще хотел ее. Хотел, чтобы она пришла ко мне за утешением, за поддержкой.

Люций прижал Стеллу к себе, пока ее рыдания звучали то тише, то громче. Я хотел попросить ее оставить его и подойти ко мне, вернуться ко мне и обнять меня за плечи. Я бы держал ее, пока она плакала. Я бы шептал ей на ухо сладкие слова. Я бы успокоил ее и вывел из отчаяния.

Мое сердце пульсировало, словно упиваясь ее слезами. Я мог бы исправить это. Каким-то образом. Я бы попробовал.

Ее рыдания прекратились, а дыхание замедлилось. Она подняла голову, уставившись в темно-серую ночь.

Я бы сказал ей. Меня не волновало, что Люций услышал бы. Я сожалел, так чертовски сожалел.

— Стелла...

— Я выбираю Люция.

— Что?

Ее слова были ударом по мне — звуком за гранью реальности, ложью. Она не могла иметь это в виду, не после того, что мы пережили, что мы разделили в домике.

Она повернулась ко мне, выражение на ее лице, покрытом слезами, представляло собой смесь разбитого сердца и ненависти.

— Я сказала, что выбираю Люция в качестве моего хозяина вместо тебя, — произнесла она.

— Ты не можешь...

— Ты слышал ее, Син. — Люций обнял ее за талию. — Она выбрала меня. Теперь она моя.

Она отступила от него, отталкивая его руку с отвращением.

— Не прикасайся ко мне. Оставьте меня в покое, вы, оба.

Стелла бросилась из комнаты, убегая так быстро, словно демоны гнались за ней по пятам. Мы оба смотрели, как она уходила — один брат уничтожен, а другой взволнован.

Она не смотрела на меня, хотя сама была единственным, что я мог видеть. Стелла удалялась по коридору, исчезнув из поля моего зрения. Кажется, моя душа ушла вместе с ней. Мои ноги больше не были достаточно сильными, чтобы выдержать пустую оболочку, что осталась от моего тела. Я опустил на стул.

Что я наделал?

После нескольких минут молчания где-то в доме захлопнулась дверь. Ее дверь.

Звук заставил Люция сдвинуться, и он последовал за Стеллой, словно опытный охотник, ступая уверенно и сосредоточенно.

Я хотел остановить его, искупать его в той же жестокости, в какой искупал сердце Стеллы.

— Оставь ее в покое, Люций. — Хоть моей души не стало, ярость все еще горела во мне.

Брат оглянулся через плечо с торжествующим и злобным взглядом.

— Теперь она моя. Я знаю правила. Теперь я отдаю приказы, и у меня нет никаких намерений оставлять ее в покое.

— Я прикончу тебя, к чертовой матери. — Я заставил себя двигаться, и последовал за ним в коридор.

Он потянулся руками к своему паху, изображая гнусный жест, словно трахает кого-то, и пустился по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз.

— Да начнется игра, старший братец.

*****Конец первой части*****

Больше книг на сайте — Knigolub.net